

Р III 1346173

Вологда
Литературно-общественный журнал
«СВЕЧА» № 8/2003
Женщина и культура

Рис. Н. Черкасовой

ОНА В ОБЩЕСТВЕ

Т. Белякина. Антропоя. Человек – это тоже природа.....	2
Г. Щекина. Женский журнал в провинции. Анкета номера.....	3
Конференция «Гендер и культура».....	6
Т. Федяева. О чем говорят журналистки.....	8
«Эта женщина безумна» (обзор).....	12
О. Маркевич. Феномен Гиппиус.....	15
Регион	
Р. Красильников. Чаша мудрости.....	18
А. Наугольный. Экспансия личности.....	21
Не просто грамота (о Н. Путиловой).....	23
Судьба пианистки (о Е. Распутько и В. Сипягиной).....	24
Родилась в кинотеатре (о Г. Кануновой).....	26
За пределами	
Т. Масс. Французенка: миф или реальность.....	29

ОНА В ПРОЗЕ

М. Гусева. Очарованные сны.....	31
Т. Калашникова. Я счастливая.....	34
Р. Кондрашова. Хватит, заплакались!.....	36
О. Кузнецова. Смешенный позвонок.....	40
Т. Масс. Гугенотская кровь.....	42
Э. Ракитская. Вологодские письма.....	50

И. Фещенко-Скворцова. Ты любишь меня любовью.....	54
Г. Щекина. Ты кто такая?.....	57
Е. Юшкова. Театр чужих снов.....	62

ОНА В СТИХАХ

И. Горелова. Ветер как вермут.....	68
«Две Ярославны».....	69
Т. Жмайло. Была Лилит.....	70
Т. Калашникова. Манускрипт четырех картин.....	74
Ю. Ключинова. Хроника любви.....	76
О. Кульпина. Еве дано.....	77
Н. Маслова. Холсты.....	78
М. Маркова-Шумакова. Здравствуй, удивительное Ты.....	79
Л. Новолодская. Прости мою усталость.....	80
М. Осиева. Песни неволи.....	81
Е. Попова. Муза.....	83
А. Рубанова. Жемчуг на лед.....	84
Э. Ракитская. Аленький цветочек.....	86
С. Синева. Хочу счастья.....	88
Н. Сучкова. Одна.....	89
Е. Тушкова. Душу свою отпусти.....	93
И. Фещенко-Скворцова. Кое-что о Женщине.....	94
Е. Хрусталева. Фрески.....	96

О НЕЙ

Д. Романенко, В. Высотин, В. Архипов В. Кичкарев С. Фаустов. Посвящения.....	97
Художницы Н. Черкасова и Н. Кулижникова.....	104

*Издается в Вологде с 1993 года. С 1996 -
при содействии Союза Российских писателей
Издание зарегистрировано в Тверской региональной
инспекции рег. № Т-0219*

Редактор-составитель Галина Щекина
Писать g_shekina@mail.ru, dailapy@yandex.ru
звонить 75-24-63

Тамара БЕЛЯКИНА АНТРОПЕЯ. ЧЕЛОВЕК - ЭТО ТОЖЕ ПРИРОДА

Это главное. Не часть природы, а сама природа. Есть Флора, есть Фауна, и я придумываю Антропею. Эти три сферы существуют друг в друге и питаются друг другом. Человеческая жизнь коротка для того, чтобы охватить глубинные процессы, которые очень постепенно и незаметно для одного поколения происходят внутри Ноокультуры. Л.Н. Гумилёв определял возраст этноса в 1600 лет. Человек живёт свой век, не задумываясь о том, в какой стадии находится Ноокультура его времени. Характер изменений внутри Ноокультуры вполне можно сравнить с глобальными изменениями климата, цикличностью цунами, землетрясений. И уже сейчас можно предсказать гибель сотен людей от землетрясения, например, в Сан-Франциско через 20 лет, которое обязательно произойдёт, потому что оно циклично.

История дала нам богатый материал, для того, чтобы мы изучили возникновение циклонов и антициклонов в Ноокультуре. Каждый индивид своим существованием так или иначе участвует в создании Нооклимата, но редкий из нас не жалуется на погоду. Стоит посмотреть, на каком витке Нооистории мы находимся, а не только в каком полувековье.

Моисей, выводя народ из рабства, в заботе о нём, дал Закон. Поскольку Закон был дан от имени Бога, карающего до четвёртого колена, закон исполнялся худо-бедно и пополнялся в дальнейшем стараниями многих пророков, мудрецов, царей и судий на протяжении полутора тысяч лет и тысячи страниц Библии.

Закон стал гигиенической нормой, хотя и плохо исполняемой. Бог обратился снова к рабам, в заботе сделать из них людей.

Моисей	Христос
не убий	не гневайся
не прелюбодействуй	вырви глаз, который соблазняет тебя
не преступай клятвы	вообще не клянись
1 око за 1 зуб	ударившему в правую щёку обрати левую и так далее.

Две тысячи лет Ноокультура перерабатывала крепкий орешек Христовых заповедей. Можно смело сказать, что не было на европейской земле ни одного человека, который был бы вне их решения. Жизнь, смерть, судьба определялись тем или иным витком Нооциклона в борьбе за Истину. И что же? После всех ересей и войн и эти высокие требования воспринимаются как «гигиеническая норма», хотя и трудно и не всеми исполнимая.

Великий грешник Ницше говорил так: «Бог умер, но я чист! я не убью, я не смотрю на женщин с вожделием, я не клянусь, не завидую, не лжесвидетельствую, я безгрешен!» И надо освободиться от морали, чтобы морально жить... Но как? Закон, выше которого невозможно встать, - это и есть Бог. Бог умирает, когда закон моральный становится юридическим законом.

Божества, герои, дворцы и соборы, музыка, живопись, наука, философия, компьютеризация, наконец, - так Антропея украшает землю, как весной Флора украшает землю цветами. Человек, укрась землю!

По всей земле происходит коловращение истин и безумий.

Нооциклоны и Нооантициклоны, Нооизвержения и Ноонизвержения, Нооприливы и Нооотливы. Нооцунами и Ноотрясения, Нооштили и Нообури, Нооболезни и Ноопанацеи.

Когда Антропее плохо, когда нарушен какой-то закон природы, она отвечает ограничением рождаемости или войной. Но проходит время - и Флора, и Фауна, и Антропея зализывают выгоревшие проплешины. Силы природы внушают надежды. Каждый отдельный человек - это ведь тоже природа.

Nosce te ipsum! - Познай самого себя как природу. Познай свои возможности, если есть Ум — инструмент для познания. Природа иногда ограничивает умы, чтобы они не свихнулись и осталось его (ума) столько, сколько надо для деторождения (поэтому и шум в аудиториях, а дипломы покупаются). Знать свою генетику, изучать биологические законы своего естества, понимать своё место в природе, учиться следовать Антропее, познать себя как природу - это работа Ноокультуры. То есть учиться у природы, следовать ей, беречь её и не бояться её.

(Новосибирск)

Галина ЩЕКИНА

ЖЕНСКИЙ ЖУРНАЛ В ПРОВИНЦИИ

Речь перед студентами журфака Вологодского педуниверситета

Здравствуйте. Футболку с эмблемой «стоп сексизм» видели? Что такое сексизм, уже знаете? Но до сих пор я не встречала людей, которые знали бы это, хотя ношу эту футболку уже четыре месяца. Реакция ошеломительная – а знаний нет. Смотрят на меня так, будто я являюсь рекламой фирмы досуга. Итак, повторю: я работаю в этой футболке волонтером Санкт-Петербургского гендерного центра. С главой этого центра Ольгой Липовской познакомилась на гендерной конференции в Москве. Ее организовали Ассоциация журналисток России и Союз российских писателей при поддержке фонда Форда. Липовская там выступала и рассказывала про потрясающую акцию «Стоп сексизм» в Питере. Они открыли выставку в галерее «Борей», состоящую из картин, фото и рекламы, унижающих женщину. Там и раздавались такие футболки. Реакция у посетителей была разная. От восхищения до возмущения. Многие газеты писали об этой акции в Питере. Липовская демонстрировала статьи и фотографии.

О гендерной конференции в Москве написал «Русский Север», это единичный случай. О работе гендерного центра в Питере никто не знает, а у них акции проводятся, женский журнал «Посиделки» выходит. А в Москве – международный журнал «Диалог женщин». У нас в Вологде никакой информации о женских движениях нет. Нет также информации о домашнем насилии – об этом опасном явлении шла речь на московской встрече, выступали люди из Ассоциации кризисных центров России. А куда обращаться по этой проблеме у нас в Вологде? Ежегодно сотни женщин погибают от домашнего насилия. Но это полузакрытая тема, большинство женщин подвергается насилию, но не признается в этом.

Первопричина того, что мне придется возродить газету «Свеча» в новом качестве – информационная. Главная причина – избыток информации в центре и отсутствие ее на местах. Мне журнал «Диалог женщин» присылают из Москвы, я его приношу в областную библиотеку, но о нем мало кто знает. Журнал «Преображение», главный феминистский журнал страны, перестал выходить по финансовым причинам. А ведь какое ценное издание было, сколько там было поднято литературных, философских, гендерных, социологических вопросов.

Вот вам вторая причина выхода или невыхода женского журнала – финансовая. Ведь моя «Свеча» тоже прекратила выходить по финансовым причинам. А теперь есть такой вариант – я строю журнал, делаю двадцать штук и отдаю на рассмотрение в Ассоциацию журналисток Надежде Ажгихиной. Ассоциация может выпустить журнал под обложкой «Диалога женщин», пусть даже не в полном объеме, но все равно как голос нашего региона. Была в Вологде ласточкой женская газета «Я такая» под эгидой женсовета, вышло три номера, но тоже кончились деньги – и кончилась газета, к сожалению.

И третья причина необходимости «Свечи»: женская литература – один из инструментов изучения общества. А у нас в Вологде материалов по современной литературе просто море. Исследований – мало, а материалов много. И здесь же есть местные попытки подойти к общественным проблемам с гендерной точки зрения.

Вы, конечно, знаете, что существует пресса официальная и неофициальная. Вы верите в свободу прессы? Напрасно. Это штамп восприятия. Свободы нет. Была бы свобода прессы – не нужна была бы пресса неофициальная. Обычно выступающие говорят о продажности прессы. Да как же иначе? Если газета дотируется администрацией, то она ей же и подвластна: «Кто меня кормит, тот меня убьет» (по Евтушенко). Или вот корпоративные издания – «Вологодский подшипник», журнал «Мезон», учрежденный и затем прикрытый учебным центром из-за убытков. Они все писали и будут писать только о том, что выгодно директору, учредителю. Вышли первые номера газеты «Севергазпром» (в Ухте) – кадровые приказы, поздравления, стихи работников, и все это чисто внутренние дела. Удивительно, но там есть «интервью о женщинах и для женщин» – по случаю 8 марта.

В результате образуется поле, на котором работают корпоративные издания, и есть другое поле, на котором никто не работает. Это поле состоит из белых пятен: женские движения, женское творчество в Вологде – вот такое огромное белое пятно. Вологодские газеты подают женские странички как перечень тортов и косметики, а этого сегодня мало. Это, кстати, тоже гендерный штамп восприятия.

Справедливости ради добавлю, что есть в Вологде женское литературное издание – это альманах-индикатор «Стрекоза», издатель Ната Сучкова. Но, во-первых, это только литература, причем молодежная, для которой приколы – основной язык и правило общения, а во-вторых,

издательница живет в Москве. Кроме того, не забывайте, что есть районные газеты, которые ни женской литературой, ни женскими движениями вообще не интересуются.

Поэтому получается, что снова надо реанимировать старый проект, но в новом качестве. В 1998 -1999 году один литератор сказал, что «Свеча» - чисто женское издание, несмотря на авторов-мужчин. И женское видение мира там присутствует, и женская эмоциональность преобладает. Ну что ж, это и хорошо. Потому что в ответ на полное равнодушие я могу сказать только одно – я не сделаю, так никто не сделает. Не хотелось бы, чтоб журнал выражал точку зрения одного человека. Желательно публиковать разные точки зрения, возможно, противоречащие друг другу.

Предыдущий, 7 номер «Свечи» вышел в 1996. Спустя десять лет после выхода первого номера собран восьмой - как бы «Женский Журнал» Щекиной. Четыре раздела: «Она в прозе», «Она в поэзии», «Она в обществе», «О Ней». Кроме вологодских материалов, в номер вошли тексты, присланные из Череповца, Белозерска, Кадуя, Сыктывкара, Омска, Новосибирска, Киева, Москвы, а также из Франции и Канады. Ниже можно прочесть дежурную анкету номера, по которой можно определить реализованность современной женщины. На сегодняшний день это серьезная проблема общества.

Вологда

Дежурная анкета от Юлии Клюкиновой: «ВСТРЯХНУТЬ ДРУГИХ»

1. На сколько процентов вы реализованы? - Я не математик, не статистик и не бухгалтер, прикинуть могу только приблизительно. Процентом 20-30, не более.

2. От каких причин больше зависит ваша реализация - от внутренних или внешних? - Внутренние и внешние факторы настолько тесно переплетаются, что попросту не существуют друг без друга. Соответственно, можно говорить о том, что самореализация любой творческой личности зависит как от тех, так и от других. Что касается меня, то таких факторов – главных – два (по одному с каждой стороны). Из внутренних - это лень моя непомерная, из внешних – банальное отсутствие материальных возможностей - проще говоря, будь у меня дома компьютер... но увя. Впрочем, ошибаюсь. Основных внешних факторов два: упомянутый выше и, кроме того, общение с творческими личностями, участие в заседаниях лито «Ступени». Обычно это дает мощную встряску и пробуждает желание сотворить нечто такое, что, в свою очередь, «встрянуло» бы других.

3. От каких причин больше зависит ваша реализация - от внутренних или внешних? - Боюсь, что на этот вопрос я уже ответила.

4. До вас доходит резонанс на ваше творчество? - Резонанс доходит, да... случается и такое. Критические отзывы о моих, с позволения сказать, творениях приводят в тоскливое настроение и укрепляют упрямое нежелание что-либо изменять. Все же прочие – вызывают удивление: надо же, и это кому-то нравится, кто бы мог подумать! Что касается влияния сего резонанса, то об отрицательной его составляющей я уже сказала, а положительная заставляет подозревать, что я что-то сделала не так. (Как говорится, если все идет хорошо, значит, вы что-то упустили.)

Дежурная анкета от Ольги Кузнецовой: «ВСЕ ПРИЧИНЫ ВНУТРИ?»

1. Думаю, что не преуспела с реализацией. Даже оправдание есть: слишком много соблазнов - слишком интересно жить, жаль ставить шоры или бежать по узкому коридору. Тогда бы естественно, подалеже ушла. И еще самообман изобрела: все еще пригодится. Но когда? Кстати, "Стрекоза" Крылова меня ничему не научила. Муравей выглядит занудой и не вызывает симпатии до сих пор.

2. Какую роль играют финансы? - Большую. Потому много занимаюсь не творчеством, а работой. Тем, за что платят. Но как же иначе, надеяться на кого? И виновата лишь в том, что в богатстве тоже не преуспела - все хотелось найти равновесие между душой и деньгами - а, видно, нельзя никак.

3. От каких причин больше зависит ваша реализация - от внутренних или внешних? - Конечно, все причины, препоны, затыки, заторы - у меня внутри. Человек сам решает, плевать ему или нет на социальные причины. Если он не может этого сделать, значит, слаб, или не хочет, или не очень сильно хочет, не жаждет, не... Чем поступиться, что выбрать, каждый определяет для себя. Кто очень хочет - тот уедет, кто хочет пить - еще двое всегда найдутся. Хочешь писать? А если за это не платят? Еще в Советском Союзе был выбор - идти в дворники и кочегарки, чтобы время было творить, или не идти. Сейчас выбор такой же. Кстати, писателей налоговая инспекция относит к... предпринимателям. Это ли не свобода для расцвета таланта? Шучу.

4. До вас доходит резонанс на ваше творчество? - Резонансы на стихи и рассказы - да, приходят. В основном издаലെка, и в основном хорошие, и обычно без всяких затрат, усилий, сует с моей стороны. Гадости в ответ на раскрытость получать - дело не из приятных, потому не рвусь участвовать там, где удары по лицу можно получить. С журналистикой все сложнее. Люди готовы говорить на кухнях, но когда выносишь на свет божий, враг получается один - журналист. Такая вот

особенность провинциальной жизни. Моя аксиома - проблемы нужно проговаривать, поднимать, иначе никогда ничего не изменится, очень часто ставится под сомнение даже близкими людьми.

Дежурная анкета от Натальи Кулижниковой: «ПРОСТО ХОЧУ БЫТЬ»

1. На сколько процентов вы реализованы? - Самореализация – понятие одномоментное, его можно сравнить с ощущением счастья. Сегодня мне кажется, что я удовлетворена жизнью, и мир вокруг меня струится разноцветьем и поет душа. Я СЧАСТЛИВА. А завтра будет не хватать чего-то незначительного, но необходимого – для «вчерашнего» ощущения. Так же и с пониманием самореализации. Невозможно все время чувствовать себя полностью реализованной. Удачно завершая свои проекты, получаешь не просто удовлетворение от сделанного, но и то самое чувство самореализации, которое состоялось на все сто. На данный момент. Но ведь не всегда так бывает. Иногда кажется. Что можешь сделать больше, чем сделано. Выразить себя глубже, лучше. Но не удается. Так может быть, это ошибочные ощущения? Быть может то, чего я достигла – это и есть сто процентов моих возможностей? Поэтому пусть будет так, будто я реализовалась полностью. А если мне не хватает времени для проявления своего творческого начала в большем объеме, значит, на этом и заканчивается мой потенциал.

2. Какую роль в реализации творческих задач играют финансы? - Когда я пишу картину, я не думаю, сколько за нее заплатят. Находясь в творческом процессе, я и не собираюсь продавать свое детище. Ведь каждая картина - часть меня, моей души (как ни банально это звучит), даже «салонные» натюрморты, и уже тем более выстраданные сюжетные вещи. Приходится, конечно, продавать (все мы люди и хотим есть, а зарплаты не хватает). Но у меня вызывает сожаление то, придется расстаться с картиной. С частью жизни, в ней заключенной.

Дежурная анкета от Ирины Фещенко-Скворцовой: «ПРОБИВАНИЕ ГЛУХОЙ СТЕНЫ»

1. Зная свой творческий потенциал, как бы вы определили процент его реализации? - Может быть, 30%, причина в невостребованности меня как поэта, в незначительном количестве читателей, часто опускаются руки. В преподавательской работе, пожалуй, процентов 60, сейчас я чувствую усталость от интенсивного общения, возможно, свой преподавательский потенциал уже исчерпала.

2. От каких причин зависит степень вашей реализации – от внутренних или внешних? Каких именно? - И от тех, и от других. Внешние уже назвала. Внутренние: депрессия от погруженности в суету борьбы за существование, от ощущения постоянного пробивания лбом глухой стены.

3. Какую роль в осуществлении ваших планов играют финансы? - Если бы были возможности печатать свои книги, например, это прибавило бы оптимизма и уменьшило депрессию на 70%, думаю.

4. Доходит ли до вас резонанс на ваше творчество? - Да, на творческих вечерах всегда находятся незнакомые люди, которые благодарят, даже говорят, что мои стихи лечат душу. На сайте Поэзия ру нашла много друзей, чьи отзывы ободряют и помогают иногда корректировать стихи. На Стихиру пришла недавно, но тоже обнаружила очень интересных людей.

Да, меня очень интересуют проблемы феминизма, женского творчества, женской души, положения женщины в обществе. Тоже была на гендерных конференциях при институте философии в Киеве. Может быть, именно какие-то проблемы из этой области и взять, да написать что-то для Вашего журнала? Я убеждена, что женщина – самое мужественное существо, жертвенное и преданное. Именно за ней – будущее мира. У меня много стихов о женщинах. Чаще вдохновляет на творчество чтение философских трудов. Поэтому у меня много "многослойных" философских стихов, которые некоторые не принимают, предпочитая мою любовную лирику. Есть стихи, посвященных самому процессу творчества, они перекликаются с мыслями статей-эссе.

Почему посвятила стихотворение С. Йовенко? Если честно, главное - она по-доброму отнеслась ко мне, была на творческом вечере, сказала много добрых слов. Кроме того, её книга прозы - рассказы о женщинах Чернобыльской зоны "Женщина в зоне" навеяла начало моего цикла "Кое что о женщине". О женщине, её судьбе пишу давно. Фактически, большинство стихотворений пропущено через собственную судьбу

Дежурная анкета Сергея Фаустова: «РЕАЛИЗАЦИЯ НАПОЛОВИНУ»

1. Зная свой творческий потенциал, как определите самореализацию (в процентах). - Свой научный потенциал я реализовал (судить можно по авторским и рационализаторским свидетельствам), остаются диссертации, сделал пока одну кандидатскую, мог бы еще наверно докторскую. Если еще взять различные проекты, то будет 50 на 50. Что касается литературы, считаю ее баловством и отдыхом.

2. От каких причин больше зависит ваша реализация - от внутренних или внешних? - В первую очередь - от внутренних - это лень.

3. Какую роль в осуществлении творческих проектов играют финансы? - Маленькую. Почти никакой. Когда возникает проект, об этом не думаю. Тут нужны не деньги, а собранность и самодисциплина.

4. Доходят ли до вас резонанс на то, что вы делаете? Как это на вас влияет? - Доходит, но часто отрицательный. Например, прошу денег на осуществление, но получаю "нет". Это и есть резонанс. Объясняю это возрастом. Многие смотрят на проект, как он продлится в будущем времени. Как на меня влияют отказы? Считаю, надо продолжать битву. "Жизнь - это борьба".

Дежурная анкета Галины Щекиной: «НИКАКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ»

1. На сколько процентов вы реализованы? - Мой потенциал, думаю, не очень велик, да и тот не реализован. Все, что умею, что подвластно, – хотелось бы осуществить. Написала много прозы, две книжки в столе лежат, опубликовать бы! И еще хочется две повести доделать, они пока в набросках. У меня два сборника стихов – но уже есть материал на третий. Журнал хочется делать толстый, ежегодный. Серию «Крупным планом», 5 выпусков – не довела до конца. Не знаю, как попасть в бумажный журнал. Мечтаю написать пьесу или сценарий. Хочу воспитать учеников, помочь талантливым людям писать... Исходя из этого, реализована процентов на двадцать.

2. Реализация часто зависит не от меня. У меня нет помощников, я одна в поле воин.

3. Основное, чего недостает, - это деньги. Без них я не вижу, как что печатать.

4. До меня резонанс на мое творчество доходит тогда, когда я сама иду и выступаю. Бывает, что ругают (чаще всего на лито), реже – одобряют (коллеги по перу). В последнее время самые интересные резонансы приходят из интернета.

КОНФЕРЕНЦИЯ «ГЕНДЕР И КУЛЬТУРА»

Конференция, проходившая в декабре 2002, была организована Ассоциацией журналисток России (Надежда Ажгихина) совместно с Союзом российских писателей (Светлана Василенко) и Ассоциацией кризисных центров для женщин (Наталья Азубикирова).

В Мраморном зале Центрального дома журналистов встретились журналистки и писательницы, представители фондов, редакторы, общественные деятели. В их числе были теоретики и практики, новички и ветераны женского движения. Например, не в первый раз приглашены воронежская поэтесса и общественный деятель Галина Умывакина, писательница из Сибири Галина Кудрявская, петербургский драматург Валентина Кизилюк, глава Санкт-Петербургского гендерного центра Ольга Липовская, журналистка литовской национальной газеты Даля Гудавичюте, норильская поэтесса Галина Летягина, писательница и общественный деятель из Смоленска Вера Иванова, вологжанка Нина Веселова (по ее словам, журналистка в запасе), методист кинопроката, литератор Галина Щекина, редактор словаря гендерных терминов Алла Денисова, сотрудница азербайджанской газеты «Зеркало» Мила Фараджуллаева и другие.

Первая часть конференции «Гендер в культуре и СМИ» была посвящена оценке нынешнего положения женщин, борьбе женщин за равноправие. О гендерной цензуре говорили еще на предыдущем совещании, этому вопросу был посвящен отдельный выпуск журнала «Диалог женщин». Гендерная цензура – это понятие вошло в обиход в 1995 году после Всемирной конференции по положению женщин в Пекине. Под ним подразумевают ситуацию, когда женщинам препятствуют говорить в полный голос по религиозным или политическим причинам, либо из-за патриархальных тенденций в массовом сознании.

Настоящий шок получили участники конференции, посмотрев документальный фильм, снятый по сценарию Милы Фараджуллаевой «Семь сыновей и одна дочь». Он – свидетельство страшного унижения женщины в Азербайджане, унижения в сознании и в жизни. Даже аборт делается селективно по половому признаку: после УЗИ, когда становится известен пол ребенка, мальчика оставляют, с девочкой расстаются, никакие уговоры не помогают. Рождение девочки приравнивают к несчастью. Рождение мальчика – праздник. Ему – дом, наследство, власть в семье. По обычаю древних огузов (воинов) невесте повязывают красную ленту и желают семь сыновей и только одну дочь. «Снимать было трудно, - признавалась сценаристка, - мешали исламские факторы, шариат. Многие ссылаются на Коран, но в жизни все сложнее, в чистом виде Корана нет. Встречаются и самозванцы-муллы. Сюжеты мы отбирали осторожно, старались сделать так, чтобы фильм не зарубили». Проблематика фильма острейшая – 60 млн. селективных абортов в мире уносят именно жизни девочек.

Яркое впечатление оставило выступление Ольги Липовской, которая своей деятельностью по защите прав женщин стала известна в нашей стране и за рубежом. Нашумевшая акция «Нет сексизму» отразилась в питерских газетах шквалом публикаций. Выставка в галерее «Борей-Арт» состояла из произведений искусства, унижающих женщину, выставляющих ее как товар. Ольга привезла с собой футболки с символикой этой акции: стилизованная фигурка женщины на коленях перечеркнута. Их живо покупали на память. Приз главного сексиста России, постоянно унижающего женщин в своих передачах «Окна», получил ведущий Дмитрий Нагиев.

Весь облик Ольги Липовской - это сосредоточие стойкости, гибкости, юмора, обаяния. Петербургский гендерный центр выпускает также небольшой по объему, но умный журнал «Посиделки», который публикует статьи, эссе и списки новинок гендерного направления. В самом деле, наличие печатного органа очень важно, это значительно расширяет круг общения, вовлекает в тему новых и новых людей.

Разговор о женской независимости неотделим от проблем пишущих женщин.

Светлана Василенко, председатель правления Союза Российских Писателей, говорила об опыте издания сборников женской прозы. Но поскольку с момента выхода первого сборника прошло много времени, многие женские имена больше не звучат. Публикация - это шанс, что тебя услышат. А когда нет публикаций, нет печатного органа и смелого редактора, сестры неизбежно уходят - талантливые, сильные натуры. Наша солидарность, общение через книги спасло бы их.

Появление Нарбиковой заставило многих пересмотреть отношение к женской прозе. По воле писателя Волгина, презрительно окрестившего женскую прозу как «ЖП», это отношение ухудшилось - просто гендерное гетто. Решено было создать следующий сборник «Брызги шампанского», и сборник был выпущен.

Страницы Надежды Ажгихиной в «Независимой газете» была настоящим оазисом свободомыслия и утверждения независимости женщин. Эту страницу закрыла женщина-редактор, теперь ничего подобного ни в одной газете нет. На продолжение выпуска «Преображения» нет денег. Пусть хотя бы коллективный сборник будет полем, на котором будет расти и развиваться феминистская идея. Павел Басинский не принял первый сборник, и ему из-за океана на это указали. Приходится отбиваться, отстаивать свое право на жизнь.

Иначе повторяются такие вещи, как в Иваново: в гендерном центре на конференции вставляли доктора наук и говорили что феминистки - ущербные люди без личной жизни, они портят сознание наших детей. Приходит профессор Таганов благодарить за дочь - лично, а в зале звучат одни проклятия. Поэтому надо заниматься и просвещением, и убеждением.

Второй день конференции был посвящен проблемам насилия в семье. Речь Натальи Абукириной доказательна и лаконична. Каждая четвертая женщина - жертва домашнего насилия. Неосведомленность людей в этом вопросе поразительна. Мало кто знает о международной акции «16 дней против насилия в семье». Сама тема очень актуальна, но обсуждаться в печати стала только с 1999 года. Сейчас 41 организация входит в Ассоциацию кризисных центров. К проблемам насилия в семье добавилась проблема торговли людьми. В кризисный центр обращается около 500 человек в год, но важна профилактика. Значит, осведомленность прежде всего, надо рассказывать всем, что такое домашнее насилие, начиная со школьников. Тема домашнего насилия скользкая, скрытая, часто цифры не выражают всей правды, только часть правды. Важно, чтобы женщины каждого города, района знали, куда обращаться в острых ситуациях. (Если нет кризисного центра, значит, есть семейные консультации, психотерапевтические отделения, центры помощи семье и детям. Теперь в большинстве городов есть телефоны доверия).

Целью выступления Т. Каревой было расшифровать формы домашнего насилия (ДН). Это экономическое насилие, когда деньги, например, в руках мужа и за женой установлен жесткий надзор. Это словесное давление, оскорбления и постоянная критика. Это изоляция от друзей и родственников. А также очень сильная форма - манипулирование детьми. Хуже всего то, что дети, несмотря на жалость к унижаемому (унижаемой), быстро перенимают модели поведения в семье. И еще - физическое насилие. Синдром избиваемой женщины - не только телесные повреждения, а еще и глубокий стресс и отращение к жизни, страхи, галлюцинации. Женщина, подвергающаяся домашнему насилию, все менее способна к профессиональной деятельности. У нее возникают чувство безысходности, апатия, депрессия, алкоголизм, даже суицид.

Кто наиболее частый источник агрессии? 52 % - это мужья, 29 % случаев насилия возникает в семье с 10-20-летним браком. Причем обидчики - не какие-то низколобые существа, половина имеет высшее образование. Развод - не всегда решение проблемы насилия, 17,5 % случаев наличия проявляется среди разведенных супругов. 40% жертв насилия имеют тяжелые черепно-мозговые травмы. Но в большинстве случаев женщина не обращается в органы правопорядка, пытаясь сохранить семью.

Как распознать домашнее насилие? Вам помогут ответы на вопросы анкеты «Домашнее насилие».

1. Мне приходится вести себя так, чтобы не вызывать ревности (мужа, партнера). При ответе используйте слова, обозначающие частоту явления – никогда, редко, часто, всегда.

2. Мой партнер (муж) критикует моих друзей.

3. В ссоре партнер бросает и ломает вещи.

4. Мой партнер угрожает не давать денег, если я не буду подчиняться.

5. Он уверяет всех наших знакомых, что я бываю «не в себе».

6. Мой партнер говорит, что я сексуально непривлекательна.

7. Мой партнер применяет физическую силу во время ссор или споров.

8. Во время близости он заставляет меня делать неприятные для меня вещи.

9. Я боюсь его больше, когда он спокоен.

10. Он говорит, что я плохая хозяйка, мать, жена.

Если в ваших ответах больше половины «часто» и «всегда», то у вас уже серьезные проблемы и вам надо спасаться. Если больше «редко» и «иногда» - пора задуматься, можно ли еще что-то исправить. А если больше «никогда», то вас остается только поздравить – это почти гармония.

Участницы конференции обсуждали такой важный вопрос, как подача информации о домашнем насилии в прессе. Только чрез прессу можно повернуть тяжелый рычаг общественного сознания. Надо привлекать к этому знаменитых женщин, популярных личностей в искусстве, в бизнесе, политике. Надо, чтобы они не побоялись сказать о негативных явлениях в их жизни и привлекли к этому внимание общества. Тогда люди серьезно задумаются.

То же самое прозвучало в речи азербайджанской журналистки Милы Фараджуллаевой. Она показывала свой фильм многим знакомым, и у всех мужчин реакция была одинаковая: ты сняла отсталых сельских людей, они не показатель. И самое главное – протест: я не такой. То есть сначала отторжение, шок, а уж потом осознание.

Москва. Записала Г. Щекти

Татьяна Федяева

О ЧЕМ ГОВОРЯТ ЖУРНАЛИСТКИ

Сегодня женщины составляют более 80% от всех российских журналистов.

По исследованиям Ассоциации журналисток в 2000 году только 1,5% печатных площадей газет и журналов занимают публикации о женщинах.

"Она кандидат наук. А я в аспирантуру еще не поступил. Она прекрасно водит машину - я боюсь техники. Знает отлично итальянский, и, как на родном, говорит на английском. Мои познания в лингвистике закончились вместе с экзаменом в институте. Ее статьи публикуются в разных странах - я об этом могу только мечтать. Она член Союза Писателей и Союза Журналистов. Признанный лидер любой компании, не говоря уже о созданной ею Ассоциации журналисток России. Я же человек не общественный... Но при всем этом я ее начальник, а она моя подчиненная. Может быть, это потому, что в России привычна модель: руководителя - мужчины?"... Так однажды говорил о Надежде Ажгихиной ее коллега, редактор "Независимой газеты". С того времени, как я услышала все это, прошел год. Надежда ушла из "НГ". Сейчас она старший советник председателя Союза Журналистов России. Впервые за последние десятилетия в руководстве одной из самых творческих организаций появилась женщина.

Женщины в журналистике

Н. Ажгихина: Женщины начинают завоевывать в мире и в нашем российском обществе то место, которое им давно положено занимать. К сожалению, во многих сферах жизни, и в нашей профессии тоже, часто оказывалось так, что женщины выполняли самую тяжелую неблагодарную работу, самую опасную. Об этом прекрасно помнят участники правозащитного движения: Людмила Михайловна Алексеева, руководитель Московской Хельсинкской группы, рассказывала мне о том, какие дела в правозащитном движении в советское время выполняли женщины. Печатание запрещенной литературы, сбор подписей, соби́рание посылок, транспортировка литературы, визиты в лагерь - все это было женским делом. Мужчины же были среди тех, кто ставили свою подпись под воззваниями и встречались с западными лидерами правозащитных организаций.

В журналистике происходило и до сих пор происходит то же самое. Помню, в начале 80-х годов в "Комсомольской правде" у нас было больше половины женщин. В региональных и местных

газетах женщин было еще больше, чем в центральной прессе. Сегодня женщины составляют более 80% от всех российских журналистов. Но руководителями центральных изданий всегда были только мужчины (исключение - современная практика региональных и местных изданий, которые не связаны с большими финансовыми потоками). В руководстве профессиональных союзов, творческих союзов, например, в Союзе Журналистов, тоже всегда были мужчины. Вообще власть в России на протяжении многих десятилетий оставалась закрытым мужским клубом. Решения часто принимались на охоте, в бане, на закрытых базах отдыха, куда женщинам (кроме обслуживающего персонала) вход был запрещен. Сегодня, мне кажется, ситуация начинает меняться к лучшему: и общественность, и руководители начинают понимать, что без участия женщин невозможно решение проблем нашей жизни. Наверное, какую-то роль в этом сыграло и российское женское движение. Хотелось бы верить и в то, что посильный вклад внесла и Ассоциация журналисток, которая уже десять лет существует в России.

Независимость в «Независимой»

Т. Федяева: Ваше новое назначение совпало с уходом из "Независимой газеты", где полоса "Женщина" велась Надеждой Ажгихиной более пяти лет. С вашим уходом все изменилось. Исчезла трибуна...

Н. Ажгихина: Специальная страница в "НГ" существовала пять с половиной лет... Я фаталист, и считаю, что в жизни случаются те события, которые должны произойти. Когда-то Виталий Третьяков предложил мне сделать в "Независимой газете" феминистскую полосу, которой там никогда прежде не было. Я ему очень благодарна. Считаю, что он как редактор поступил тогда дальновидно, ничего подобного не было ни в одной национальной газете и нет, к сожалению, до сих пор. Попытки создания подобных рубрик в "Общей газете" и в "Литературной газете" были неудачны, поэтому полоса "Женщина" в "НГ" долгое время оставалась единственной для выражения феминистской позиции по вопросам внутренней и внешней политики, культуры, науки. У нас широко освещалось женское движение в России и за рубежом, все глобальные события, которые происходили за эти годы под эгидой ООН и других организаций. У меня был полный карт-бланш - это большая творческая и личная удача, конечно, не у каждого журналиста бывает в жизни хотя бы раз такая возможность. Горжусь тем, что привлекла на страницы газеты новых авторов - в "НГ" выступали не только российские и зарубежные женщины-политики, не только известные писательницы и режиссеры, но также лидеры женского движения из всех регионов России и других стран. Можно сказать, что на протяжении пяти лет велась своего рода летопись женского движения, и она становилась достоянием широкого круга читателей, которые прежде никогда этим не интересовались. Люди привыкли, стали ждать публикаций о проблемах наших российских женщин, информацию о том, что происходит за рубежом. Ждали оценки женщинами тех решений, которые принимались правительством, президентом. Я рада, что провела среди своих коллег, начиная с корректоров и кончая руководителями отделов, в каком-то смысле просветительскую работу - в частности, малоизвестное прежде слово "гендер" сейчас можно встретить в публикациях об искусстве, политике, других сферах жизни.

Путь к женской теме

Т. Федяева: Надежда, я помню ваши публикации десяти-, пятнадцатилетней давности. Литературная критика, публицистика, правозащита, острые статьи на самые разные темы в "Комсомолке", "Огоньке", других изданиях... Как сложился путь именно в женскую тему? Между прочим, в массовой журналистике она не так уж и популярна. Более того, даже журналистки-женщины зачастую говорят о ее надуманности, утверждают, что права у нас равны, просто женщина сама не хочет ими пользоваться...

Н. Ажгихина: Я журналистикой занимаюсь довольно давно (начала печататься в 16 лет, даже еще не было паспорта) и всю жизнь занималась проблемами социума и культуры. В начале 90-х годов работала в "Огоньке" в отделе литературы и писала, в том числе о женской прозе, которую литературные критики упорно не хотели замечать. Женщин в литературе тогда никто не ждал - ждали нового Льва Толстого. Молодого прозаика Олега Ермакова, который тогда пришел из Афганистана, известнейший критик Игорь Золотусский назвал новым Толстым, найдя в прозе Ермакова аналогии с "Севастопольскими рассказами". Но никто не хотел слышать женщин, которые говорили о новом для культуры опыте. Если они писали о сексе, их называли эротическими писательницами, если они писали про аборт и больницы - обвиняли в тяге к "чернухе". Критики не готовы были увидеть основы конструктивного, нравственного начала, которое было в их творчестве, их таланта (один известный автор даже написал, что женского творчества вообще не может быть, поскольку женская душа слишком близка к телу). Меня это задевало, и хотелось разобраться и об этом написать.

А потом у нас начались реформы. Жизнь, в первую очередь для женщин, стала настолько невыносимой, что все разговоры об искусстве перед этим просто меркли. Однако о проблемах женщин никто не говорил, их никто не замечал. Впрочем, надо сказать, что тогдашний главный

редактор журнала Лев Гушин в 1993 году проявил интерес к этой теме, и в "Огоньке" был создан специальный отдел (отдел социальных проблем и писем), который я возглавила. Создан он был во многом потому, что мужчины, заведующие другими отделами, не готовы были печатать материалы о женщинах и феминизме. Эта тема вызывала сильную эмоциональную реакцию - чаще всего негативную, что меня несказанно удивляло. А главное - никто не хотел видеть проблемы. Да, у нас давно было провозглашено формальное равенство женщин и мужчин. Но вот что удивительно - с появившейся в то время возможностью свободно высказаться в стране писали обо всем, с чем молчали долгие годы. Однако проблемы женщин по-прежнему были за рамками обсуждения. При этом стремительно развивалась порнографическая печатная индустрия. Идея женского профессионализма, участия в жизни общества была вычеркнута, как все идеи, которые имели отношение к социалистическому прошлому. М.С. Горбачев говорил и писал в книге "Перестройка и новое мышление" о том, что нужно освободить женщину и дать ей возможность выбора: или делать карьеру, или сидеть дома. Но руководители СМИ как люди, воспитанные в советской системе и чуждые плюрализма, восприняли это как генеральную линию партии. И появилось много публикаций, оскорбляющих нормальных женщин. В моем любимом журнале "Огонек" за все время перестройки (до 1991 года) была опубликована одна статья о женщинах в канун 8 марта 1988 года. Идея была такова: главная проблема советских женщин - это низкая зарплата их мужей. Бред!

Е. Федяева: Тогда, в начале 90-х годов, была создана Ассоциация журналисток, которая объединила людей, считавших ситуацию ненормальной и готовых работать над развитием женской темы в СМИ. В связи с этим хотелось бы поговорить об издаваемом вами российско-американском журнале "Диалог женщин" (We/Мы).

Н. Ажгихина: Журнал возник по инициативе наших американских коллег - Катрины Ван ден Хувел (сейчас она главный редактор левого, очень популярного, одного из старейших в Америке журнала "The Nation") и журналистки Колеетт Шульман после первого независимого женского форума в Дубне в 1991 году. Они задумали этот журнал как диалог российских и американских женщин. Поначалу это был очень скромный восьмиполосный бюллетеньчик, который издавался на плохой бумаге, выпускался в Америке и с большими трудностями доставлялся к нам. Впоследствии меня и мою коллегу по Ассоциации журналисток Ирину Юрну пригласили редактировать русскую часть. В 1996 году журнал переехал в Москву. Он издается тиражом в пять тысяч экземпляров, выходит 5-6 раз в год и распространяется более чем по тысяче адресов в России, странах СНГ, Прибалтике, Восточной Европе - везде, где читают по-русски. Существует версия в Интернете. Те, кто его видел и читал, знают, что это просветительский журнал, где публикуются статьи специалистов по гендерным вопросам, журналистов, читателей - от них мы получаем очень большой отклик. Темы, которые поднимают авторы журнала, самые разные: это здоровье женщин, женщины и религия, женщина и политика, женщина и бизнес, воспитание детей, история женского движения в России, международные инициативы, юридические вопросы и другие. Последний номер мы посвятили проблемам СНГ. А следующие три номера, надеюсь, будут посвящены таким большим темам, как торговля женщинами, продвижение женщин в местные органы власти в России, свобода слова и гендерная цензура. Перспективы журнала? Они будут зависеть и от читателей, от наших финансовых возможностей, и от сил.

«Женский мир» и российские журналистки

Т. Федяева: Знаю, что вы недавно были избраны вице-президентом международной организации "Женский мир" (Women's World). Расскажите об этом.

Н. Ажгихина: Однажды, беседуя со своей американской коллегой Катриной Ван ден Хувел, я спросила, есть ли у них организация, объединяющая женщин-писательниц (все-таки я в литературе). Она познакомила меня с Мэридит Такс - это известная американская писательница, автор нескольких романов, а кроме того, она очень активный человек - участница движения за мир, феминистского движения. Мэридит стала инициатором создания в 1994 году новой организации под названием Женский мир (Women's World). Главное в деятельности ее членов - помощь женщинам, профессионально связанным с литературой и журналистикой - поэтесс, писательниц, переводчиц, издателей, публицистов, а также выявление фактов дискриминации и цензуры по гендерному признаку, развитие международных литературных связей. Я приняла участие в первом исследовании по гендерной цензуре, его результаты были опубликованы в материалах Пекинской конференции, 1995 года, в рамках которой мы провели очень интересную секцию по гендерной цензуре. После Пекина был опубликован памфлет "Сила слова", переведенный и на русский язык. В прошлом году вышел памфлет "Сила слова-2", посвященный европейским писательницам. "Женский мир" смог реально помочь многим женщинам. Например, спасена жизнь известной бангладешской писательницы Таслимы Насрин, которую приговорили к смертной казни за то, что она в своих произведениях подвергала критике жестокость мусульманской общины. Светлану Алексиевич

поддержали во время судебных процессов, связанных с ее книгой "Цинковые мальчики", а потом, когда во время работы над книгой "Чернобыльская молитва" она получила большую дозу радиации и тяжело заболела, оплатили ее лечение на Кипре в клинике. Кроме того, эта организация занимается популяризацией творчества писательниц разных стран, систематически проводит международные встречи.

Ассоциация журналисток вступила в эту организацию - мы считаем себя отделением "Женского мира" в России и сейчас очень интересно работаем вместе с Союзом российских писателей и непосредственно с одной из его руководительниц Светланой Василенко. Вместе мы провели интереснейшую конференцию писательниц России, Белоруссии и Украины в Переделькино в прошлом году. По результатам встречи вышел сборник "Женщины и СМИ: свобода слова и свобода творчества". На ближайшие годы мы планируем серию семинаров в регионах России, международную конференцию в Москве, куда мы пригласим писательниц и журналисток из стран бывшего СССР для разговора о том, что мы можем сделать друг для друга и как можем сами улучшить свою жизнь. Надеемся провести специальное исследование по гендерной цензуре и самоцензуре женщин в России и странах СНГ.

О женском движении

Т. Федяева: Женское движение в России очень неоднородно. Есть более официальное, есть независимое. О том, что разобщенность наносит вред, говорят многие. Объективный показатель - количество женщин в высшей представительной власти неуклонно сокращается...

Н. Ажгихина. Думаю, что женское движение - это зеркало общества, как демократическое или правозащитное движение. За последние десять лет после форума в Дубне весной 1991 года, пройден очень большой, просто гигантский путь, на который в какой-нибудь более благополучной стране, чем Россия, ушло бы лет тридцать-пятьдесят. Преодолены очень многие иллюзии и предрассудки. Потерпела, в частности, крах иллюзия возможности объединения женского движения для достижения каких-то политических целей. Этого нет, и в ближайшее время произойти не может. Я не знаю, возможно ли это вообще.

В некоторых странах, например в Швеции, есть женское движение, которое представляет какую-то единую политическую силу, но правильнее сказать, что это часть женских организаций именно политической направленности. А в других женских организациях занимаются экологией, социальной работой, самопомощью, гуманитарными проектами в самых разных общественных сферах. Вообще задача женского движения, как и любого общественного движения - дать людям возможность найти единомышленников, создать свое сообщество и благополучно жить. Многообразие инициатив - это то, что делает жизнь гражданского общества максимально полной.

У нас политического женского движения не состоялось, потому что для этого нужны не единицы, а значительное количество серьезных, грамотных, профессионально подготовленных к политической борьбе женщин. Но этого пока нет.

Тем не менее, женское движение успело сделать очень много. Во-первых, поддержать тысячи, может быть, миллионы женщин нашей страны. Рука помощи была протянута в самые тяжелые годы, и в очень сложных условиях создавались организации как способ выжить: школы бизнеса, поддержки безработных, родителей больных детей, одиноких и престарелых и т.д. Значительная часть социальной работы в нашей стране лежит на женских организациях, потому что государство не может ни организовать, ни финансировать эту работу в необходимом объеме.

Ассоциация журналисток

Т. Федяева: Вписывается ли в эту структуру общественных организаций Ассоциация журналисток? Не стоит ли она особняком, как наблюдатель за процессом?

Н. Ажгихина: Журналисты всегда стоят особняком, они всегда наблюдатель за процессом, а наша ассоциация - профессиональная. Но мы сотрудничаем с женскими организациями и стараемся быть неким мостиком между женскими движениями и массовой аудиторией. Хотя иногда бывают довольно сложные ситуации. Ты понимаешь, что надо поддерживать женщин, но видишь какое-то плохо сделанное дело. И возникает вопрос, ты будешь об этом всем говорить или нет? Моя позиция такова: если это какое-то мелкое дело, я могу его вообще не заметить. Но если это, скажем, национальная конференция, которая прошла позорно, или это национальный общероссийский доклад, который на международном уровне вызвал смех (и не потому, что нам не о чем сказать, а потому что он так был составлен) - об этом молчать нельзя. Это профессиональный долг. Наша журналистика отличается от журналистик мира еще и тем, что у нас члены политических и общественных движений могут, не отказываясь от работы в этих движениях, работать со СМИ. А во многих других странах это запрещено.

Что касается деятельности Ассоциации журналисток, мы продолжаем работать в нескольких направлениях: исследования масс-медиа и журналистского сообщества; образовательные программы - для студентов журфаков и профессиональных журналистов; тренинговые секции для

лидеров общественных организаций (не только женских); общественно-политическое направление - организация общественных дискуссий и круглых столов по важным темам, имеющим отношение к жизни женщин в стране; творческое направление - поддержка инициатив и практики журналисток России и других стран; развитие информационной базы, творческой журналистской женской сети, которая сегодня насчитывает более 200 адресов в России и за ее пределами. Последнее время мы работаем в тесном контакте с Союзом журналистов России.

Надеемся на то, что наша работа будет полезной нашим коллегам - а также всем, кто заинтересован в преодолении гендерных стереотипов и гармонизации нашей общественной жизни.

Москва. Диалог женщин №2/2001

Галина ЩЕКИНА

«ЭТА ЖЕНЩИНА БЕЗУМНА...»

Литературно-тематический обзор

Тема женского безумия, обозначенная романом Светланы Василенко "Дурочка" (опубликована в "Новом мире" № 11-1998), в последнее время возникает все чаще. Об этом много писали. Симптоматично - сумасшедшие, как правило, - женщины...

Однажды, составляя обзор, я обнаружила на сайте Проза. Ру рассказ на ту же тему у Александра Ермака - "Настя и шоколад". И там была тоже была бедная дурочка, которую мучили, насиловали, за это кормили шоколадными конфетами и снова мучили.. Шоколад был орудием пытки.

«Аполлинарий, пройдясь по помещению, остановил свой умный взгляд на книге о святом духе: «Правильно. Душа в человеке главное».

Потом он обнял, прижал к себе оцепеневшую вдруг Настю. Повалил ее на старенький скрипящий диванчик. Стащил нехитрую одежку. И сделал ей больно. Уходя, Аполлинарий подарил ей большую шоколадную конфету. Настя сунула сладость в рот, но неожиданно ее стошнило. И еще раз, и еще. Ее просто выворачивало наизнанку. И отпустило только под самое утро. И она уснула на своем испачканном диванчике, запрокинув утомленную голову на книгу о святом духе».

Откуда взялась мученица Настя, нам известно: «При родах врач повредил ей ключицу и, объявившись на свет, она день и ночь напропалую орала благим матом. На шестые сутки, чтобы утихомирить новорожденную, перепуганный белый халат ввел морфия. Девочка успокоилась и блаженно заснула на руках матери».

Пронзительная простота и притчевость этого рассказа дают ясную и беспощадную картину Настинной жизни. Тут ясно все! И все непоправимо. Современная российская жизнь пересекла Настю точно так же, как асфальтовый каток пересек ее родителей. Дальше пошло по нарастающей. Образ Насти – образ вечной дурочки на Руси, актуальный во все времена. Стыдный, невыносимый, как клеймо. И столь же нестираемый. Он ходульный, типичный, ибо порожден патриархальным укладом общества. Слабая на голову (глупая) женщина, с которой можно не считаться, делать все, что угодно – очень удобна там, где главенствуют интересы мужчины (удобно мужчине).

Традиция обращения к образу сумасшедшей в русской литературе довольно давняя и богатая. Довольно настойчива она у Достоевского («Братья Карамазовы»).

«...Лизавета Смердящая была очень малого роста... двадцатилетнее лицо ее, здоровое, широкое и румяное, было вполне идиотское... Ходила она всю жизнь летом и зимой босая, в одной посконной рубашке. Почти черные волосы ее, чрезвычайно густые, закурчавленные, как у барана, держались на голове в виде огромной шапки... Всегда были запачканы в земле и грязи, с налипшими на них листочками, лучинами, стружками, потому что спала она всегда на земле и в грязи... Плья бесчеловечно бивал ее... Приживала по всему городу как породивший божий человек... Ей давали одежду, которую она тут же бросала и уходила опять в чем была». Надругательство над ней Федора Павловича, в городе не считалось даже за преступление, как и смерть ее родами, зато понравилось, что он взял ее младенца, воспитал как своего слугу Смердякова. Из того же романа: мать третьего сына Алеши была – бедная кликуша. Немудрено: взятая в жены шестнадцатилетняя девочка стала в браке свидетельницей диких оргий ее супруга. Вследствие этого с ней приключилась женская болезнь, которая бывала в простонародье у деревенских баб, именуемых за это кликушами... От этой болезни со странными истерическими припадками она временами теряла рассудок.

У Достоевского дается истолкование явления - нервных потрясений, непосильной работы, наследственных болезней женский организм не выдерживал, ломался. Ломался и разум. Здесь

патриархатное общество не просто пользуется женским безумием во вред вред женщинам. здесь обществу наплевать на судьбу несчастной.

Современный вологодский писатель Олег Ларионов, описывая в рассказе «Белый лист» приключение молодого журналиста в глубинке, обходится без всякой мистики. Он рисует будничную обстановку деревенской фермы, о которой он должен написать репортаж в газету. Вдруг выясняется, что интервью у передовых доярок он взять не может – они все ненормальные. Об этом знают. Заведующая уговаривает журналиста ничего не писать, уверяя, что о несчастных заботятся, привозят питание, одежду... Хотя они ложатся на белые простыни в сапогах и кормят копченой колбасой собак.

Однако люди проезжие, шоферы пользуются глупыми женщинами самым грязным образом. Девушки беременеют, сцеживают свое молоко прямо в молочные фляги. Дикие факты становятся вовсе невыносимы для журналиста, когда он понимает – это безобразие давно стало нормой. Эти доярки для общества ничем не отличаются от коров, которых они обихаживают. Для них их изъясн незаметен. А для общества удобен. Вот что делает в принципе безобидный разумный цинизм, тем не менее превращающий человека в животное! А в данном примере обществу все равно (помогает беднякам), здесь мучительно конкретным людям.

Своеобразна сумасшедшая героиня М. Арбатовой (рассказ «Наталья Гончарова» в книге «Меня зовут женщина»).

Она мистическая молодая особа, носит в пакете документы международных семинаров, дорогие лекарства и книги по экономике на английском, стоит на Арбате с чучелом крокодила, борется за экологию, проходит на метро без билета, глядя в глаза контролера, немного экстрасенс, немного актриса, в считанные часы ставит на уши всю семью успешной писательницы. Перечисление ее талантов заняло бы много страниц, и только природное чутье автора помешало Гончаровой и далее «черпать ложками нашу энергию»...

«Ввинчивание» в квартиру брата, сотни звонков одуроченных людей, угроза жизни детей и многие другие факты полностью истощили терпение рассказчицы, создавшей просто гениальный образ прелестной лгуни, некогда сбежавшей в тапочках из психиатрической больницы. Такая ненормальная не просто лучше нормальной, такая женщина необходима в обществе. Недаром «Гончарова одета все лучше и лучше и выглядит совсем по-деловому». Современный урбанистический мир стал для Гончаровой материалом – «она языком вышивала мифы, как узоры на салфетке...»

Сейчас развитие общества идет не в сторону типического и массового, а в сторону индивидуального. Вот эта индивидуализация на фоне привычной типизации и стала почвой. По мнению Л. Гумилева, «пассионарный взрыв выплескивает на улицы толпы юродивых всех мастей». Субъективный индивидуализм – вот скорее догадка, чем объяснение явления, которое переворачивает наши представления о человеке вообще, о женщине в частности.

Безумие женщины может стать инструментом пытки, а может – инструментом ее воспитания – об этом поведал роман А. Бархоленко «Светило малое для освещенья ночи». Малолетняя героиня, беспутная девчонка Лукерья Гришина, неизвестно от кого родила ребенка и не умея понять происходящее, заморозила его на окне. Ребенок был ей лишний. Но, запоздало ощутив потерю, Лукерья от потрясения сошла с ума, оказалась в психиатрической больнице. Именно там и происходят основные события романа – Лукерьяина душа родилась заново, познав самое себя через сострадание к другим несчастным. Ее подругой по несчастью стала Мария, страдающая раздвоением личности. Но если Лукерья смогла прорваться сквозь плену безумия, похоронить и оплакать свое дитя, то Мария сгинула, погибла в борьбе со своим враждебным двойником (Элеонорой). Вместо нее осталось жить другое существо с полностью разрушенным внутренним миром. Тема безумия в романе многозначна. Она и предел преступлению (остановись!), и слом личности в жизненных испытаниях, и надежда как-то уцелеть, почувствовать чужую боль. Безумие для женщины – и попытка спрятаться от горя, если нет больше сил. Лукерья показана очень сильной, даже наделенной эзотерическим знанием и, вероятно, потому победившей безумие. Это исключительный случай, выпадение из правил, который, тем не менее, надо учитывать. Одновременно это мощный художественный прием, позволяющий рассматривать не правила, а исключения. Тут есть такая знаменательная деталь: если бы Лукерья не была экстрасенсом, то она ОСТАЛАСЬ БЫ сумасшедшей? Видимо, да, это уже случилось с Марией. Получаем парадокс: для того, чтобы стать нормальной, нужно иметь сверх-способности.

Все чаще к теме безумных женщин обращается русское кино.

Многие, наверно, помнят фильм «Дорога», в котором снимались Евгения Смольянинова и Гарик Сукачев. Редкостно одаренная певица оказалась беспомощной рабой мелкого жулика. Он продает ее как товар на базаре. Конечно, певица нормальна, дурочкой ее делают обстоятельства, но настолько наивна она, что кажется сумасшедшей. Эта тема настойчиво кочует из картины в картину. Аналогия есть в фильме А. Михалкова Кончаловского «История Аси Клячиной». Горе и

предательство загоняют бедную, чудную Асю в гроб в буквальном смысле – она отчаянно лезет прятаться в какой-то ящик. Хорошая чистая душа, человек не от мира сего, Ася не понята грубой деревенской средой. Этот разряд героинь продолжен режиссером в его работе «Курочка ряба», где фантазмагория деревенской пьяной жизни выглядит как полное безумие. Фильм Хухима «Это я, дурочка» показывает не сумасшедшую, а белую ворону. Ее считают дурочкой, потому что она не как все... Да, есть и такой аспект – наказание общественным мнением. Недаром же сажали в дурдом диссидентов.

«Дом дураков» А. Михалкова-Кончаловского показывает сумасшедших в необычной для них обстановке войны. Сцена обстрела лечебницы, когда кругом все взрывается, потрясает. Все больные хотят убежать, но нскуда. И тогда они под баян начинают дрожащими руками-ногами делать свою вечную гимнастику, как будто абстрагируясь от выстрелов, от самого страха смерти. Эта аллегория многое проясняет. На баяне играет тоже безумная девушка (Ю. Высоцкая), благодаря баяну она будто поднимается над ситуацией. Чтобы спастись, нужно что-нибудь простое. Ее, например, спасают мысли-мечты об американской звезде. Чем хуже ей становится, тем сильнее ждет она мифического возлюбленного – Брайана Адамса. В сценах, когда бесплотная рука певца касается ее, жизнь бедной дурочки преобразается, становится волшебной и уже совсем нестрашной.

И снова издевательство над умалишенной: чеченский солдат зовет героиню выйти за него замуж, зовет в шутку, а она воспринимает всерьез и облачается в белый наряд и шляпу. Солдаты уходят, а она в отчаянии мечется по разрушенной взрывами больнице. Актриса Юлия Высоцкая играет так, что заставляет верить и в безумие, и в невинность юной сумасшедшей, и еще во что-то запредельное, чему даже нет названия.

Другая больная – полная, яркая, кричащая лозунги Вика – это совсем другой путь к безумию. Играющая ее актриса М. Полицеймако подтверждает аналогии с известной политической фигурой (В. Новодворская), но не осуждает, только сочувствует ей. «Трахнутая» жизнью и политикой одинокая женщина, по-настоящему смелая («мы смелы на кухне, а она во всеуслышание») вызывает обжигающее чувство. В фильме достаточно образов больных-мужчин, в частности, поэт с рюкзаком, но женские выписаны поистине эпически. Они демонстрируют ужасы современного мира, коверкающие душу женщины.

Особенно трагична, на наш взгляд, судьба Ольги Сергеевны в картине «Письма к Эльзе» Виталия Мельникова. Ольга Сергеевна, слабоумная Оля – женщина-бабочка, не умеющая жить, умеющая только играть (Ю. Маврина). Помещенная в дом с прислугой, разнеженная и разодетая, она лишь радуется жизни и радуется других. Но на протяжении экранного времени она проходит все круги ада – ее бросает покровитель, предает кухарка, пытается насильничать кухаркин сын, подбирают и «пользуют» матросы, поя в каюте дешевым портвейном, потом ее находит и пытается жалеть простой работяга. Потом, в фате и невестинном платье, кричит и бьется в истерике: «Я не могу быть хорошей женой». Да, плотная бытовая жизнь не для нее. Она умеет вышивать бабочек, придумывать фильмы и сказки, она пишет письма к Эльзе таким невероятным языком: ее захватили матросы – а у нее – «сбылась мечта о море».

Поэтому так естественно и неизбежно появление Оли в психиатрической больнице, где она теперь будет жить рядом с милой ее сердцу и тоже безумной Эльзой (А. Демидова). Так прекращаются ее мучения, сбывается и сказка с кукольником. Так возникает психбольница как единственный щит от всякого горя. Выходит, искусство и жизнь несовместимы, для таких, как Оля, для нее возможна одна форма существования – безумие.

На память приходит также фильм «Мания Жизели», где рассказана почти реальная история балерины Спесивцевой. То есть сначала героине надо было сыграть безумную Жизель, а потом неодолимо самой лишиться рассудка. Безумие заразительно. Здесь оно, как и во многих других случаях – плата за те невероятные взлеты, которые пережила балерина, играя Жизель, создавая огнем своего сердца настоящее искусство. Расплата за дар, который не был испрошен, но ниспослан великой человеческой душе в женском теле.

Вологда

**Ольга
Маркевич**

**ФЕНОМЕН
ГИППИУС
на рубеже
веков**

*Женская лирика
является одним
из достижений того
культурного труда,
который будет завещан
модернизмом - истории.
(И. Анненский, «О
современном
лиризме»).*

Говоря о поэзии, не хочется противопоставлять «женскую» поэзию «мужской», ибо всякая большая литература является общечеловеческой. Тем не менее, представляется возможность рассматривать женское поэтическое творчество рубежа Серебряного века как эстетический феномен.

Женщины, писавшие стихи, известны с XVIII в. История профессиональных поэтесс начинается с XIX и связывается с именами А. П. Буниной и А. А. Волковой, которые стремились печатать свои лирические произведения, издавали книги и входили в существовавшие тогда литературные объединения. Одними из первых женщин России свои поэтические интонации приобрели Евдокия Ростопчина и Каролина Павлова.

В творчестве женщин-поэтесс XIX в. прослеживаются те же исторические этапы, что и во всей русской поэзии. Она впитала в себя и эпоху классицизма, позднее приобрела романтический характер, получив демократическую направленность под воздействием музыки Некрасова в творчестве Ю. Жадовской, О. Чюминой, Н. Хвошинской. И все-таки женская лирика XIX века носила характер явления маргинального.

На рубеже веков, в пору новых философских и эстетических поисков женское участие в литературном процессе имело характер массового поветрия. Почему же именно этот период оказался столь благоприятным для женского творчества?

Главной освобождающей стихией (З. Венгерова) для образованных женщин послужила эстетика и философия модернизма. Модернизм открывал им обновленный взгляд на самих себя и давал широкие возможности для самораскрытия. Веками складывающееся скептическое отношение к женской лирике сменилось интересом и вниманием. Одним из первых, кто всерьез попытался рассмотреть женскую лирику как эстетический феномен, был поэт Серебряного века И. Анненский. В 1909 г. в статье «О современном лиризме» признал существование особого женского лиризма и дал высокую оценку поэтическому труду женщин. 3 часть статьи «Оно», т.е. искусство, так и не была написана. 1 часть носила название «Они», т.е. мужчины. 2 часть «Оне» посвящалась женщинам-поэтессам. Здесь впервые был предсказан переход женщины из роли «кумира, обреченного на молчание», в статус товарища по перу, который откроет новые источники и горизонты «<-...> в общей свободной и бесконечно разнообразной работе над русской лирикой». Ряд «Оне» открывает поэтесса «первого призыва» З.Н. Гиппиус, завершает его Черубина де Габриа. Говоря о последней, Анненский предвидит грядущую смену ролей в литературе: «Пусть она даже и мираж, мною выдуманный, я боюсь этой инфанты, этого папоротника... я боюсь той, чья лучистая проекция обещает нам Наше Грядущее в виде Женского Будущего. Я боюсь сильной - Там. И уже теперь бесконечно от меня далекой...» Это предвидение сбылось очень быстро... «Оне» громким голосом заговорили во всех школах, а некоторые не примкнули ни к одной из них, ярким примером является М. Цветаева.

Символизм выдвинул «декадентскую мадонну» Зинаиду Гиппиус, акмеизм - Анну Ахматову, «Анну - всея Руси», футуризм - Елену Гуро, «мать всех вещей», даже в хоре звучал талантливый голос Анны Барковой. Все более ощутимым становилось воздействие женщин-поэтесс на собратьев по перу, мужчин. Так, поэтесса зарубежья Мирра Лохвицкая оказала большое влияние на ряд молодых поэтов, а особо - на Игоря Северянина. Излагая теоретические основы эгофутуризма, он назвал предтечами этой школы К.М. Фофанова и М. Лохвицкую, поэтов «мечты и недостижимой красоты».

Малоизвестная до сих пор поэтесса Лариса Андерсен была кумиром поэтов-дальневосточников - «маяк, ось, приводившая в движение молодую энергию Чураевского цеха поэтов. Сильной оказалась Елизавета Полонская в группе «Серапионовых братьев», Татьяна Клименко-Ратгауз в пражском литературном зарубежье. «Оне» не создали конкретного «цеха поэтесс», но, он существовал умозрачительно. В стихах поэтесс-современниц звучит постоянная перекличка. Продолжительный и эмоциональный лирический диалог М. Цветасвой и А. Ахматовой служит тому примером. Существовало некое притяжение женских душ, заключающих в себе тайну женственности. Подобно И. Анненскому ее ощутил позднее А. Тарковский, назвав одну из своих статей - «Тайна Марии Петровых».

Еще не сложилось понятие, проясняющее эстетический феномен женской лирики, это задача будущего. Литературоведам еще предстоит определить суть феномена женской лирики и оценить ее вклад в литературу Серебряного века. Но уже сегодня признается существование особого строя женского мироощущения, характеризующегося особым повышено-эмоциональным состоянием и восприятием мира. Какой бы разнообразной ни была женская лирика по линии эстетики, всех ее представительниц роднит философско-нравственная основа, заключающая в себе извечную материнскую тревогу за все живое, предельную искренность в общении с миром, умение «мягко сострадать» и многие другие женские качества. Эти качества способствуют развитию высоких духовных ценностей. И. Бродский в одном из поздних интервью акцентировал внимание на высоком нравственном потенциале женского художественного творчества: «Женщина стоит на этической позиции <...>. У мужчин другая цель, поэтому они на многое закрывают глаза. На самом-то деле итогом существования должна быть именно этическая позиция, этическая оценка. И у женщин с этим все обстоит гораздо лучше».

Несомненно, Зинаида Гиппиус - особое явление женской поэзии. Тайна ее личности и творчества не уступает по своей глубине мистификациям Черубины де Габриак. Воспоминания современников свидетельствуют об исключительном своеобразии ее личности. О том, что она обладала какими-то душевными и физическими свойствами, делавшими ее не похожей на других современниц (В. Погорельская). Г. Адамович относил ее к типу людей «ручной работы». А. Блок в одном из дневников записал без комментариев: «...Единственность Зинаиды Гиппиус». Действительно, она стоит особняком среди представительниц Серебряного века. Ей удалось создать уникальный поэтический мир со всей его сложностью, многогранностью и бездонной глубиной. Будучи разносторонне одаренной, глубоко и интересно мыслящей личностью, Гиппиус оказала огромное влияние на современников. «Где бы ни жили Мережковские - в Петербурге или в Париже - они всегда были своего рода интеллектуальным центром, обладавшим огромной притягательной силой» (К. М. Азадовский, А. В. Лавров).

На портрете работы Л. Бакста поэтесса предстает перед нами в маскарадном костюме, к которому она прибегала не только для игры, отдавая дань стилю эпохи, но и для того, чтобы скрыть истинную природу личности, чтобы «уберечь ...душу без покровов».

Поэзию Гиппиус отличает бросающаяся в глаза «неженскость». Она и сознательно утаивает женское начало, пишет про себя только в мужском роде. Почему она избрала для себя именно мужское «я»? Ответ на это вопрос нужно искать в ее стихах, ведь именно в стихах с большей прямотой и откровенностью, чем в прозе, Гиппиус выражала себя, вела своеобразный дневник своих исканий, переживаний. Интерес к женскому началу прослеживается в ее дневниках, письмах, прозаических и лирических вещах на протяжении всего творческого пути.

По З. Гиппиус, «...женское начало - самая таинственная из тайн мира». В рецензии на сборник стихов М. Шкапской она отмечала, продолжая эту мысль: «В женской душе горит своя радуга - легкость, влюбленность, образность, нежность, терпение, жертвенность, материнство, - все они соединены в ней божественно-непонятым соединением.» Это божественно-непонятое соединение, присутствующее в женщине, есть то вечно-женственное, космическое начало, которое способно приблизить к Софии, к высшей... тайне бытия». В стихотворении «Вечно женственное» (1938) поэтесса мечтает о подобном слиянии: «Твоим - твоей от начала Хочу пребывать в себе, Чтоб сердце тебе отвечало - Сердце - в себе самом. Чтоб нежная узнавала Свой чистый образ в нем...» По мнению Ю. Терапиано, верность этой «призрачной мечте Вечно женственного» спасала

ее и помогала нести крест «вечно женского», который дан был ей судьбой. Она верила в слияние земного и небесного для новой небывалой любви:

«И будут пути иные,
Иной любви пора,
Сольвейг, Тереза, Мария,
Невеста - Мать - Сестра»

Восприятие Зинаидой Гиппиус женской сущности было довольно сложным. В любом человеке ее интересовало прежде всего духовное начало, личность как таковая. Кроме вечно женственного она видела в женщине и просто женское, то есть свойственное только женщине. Обладавшая острым аналитическим складом ума, она по своим устремлениям и интересам превосходила уровень «обыкновенной» женщины, может быть, поэтому ее оценки «женского» довольно суровы.

В одном из ранних стихотворений «Женское» [Нету]» (1907) пассивное женское начало раскрывается через образ девочки, сидящей на краю обрыва и с плачем свивающей венки. Она обижена на «Сотворившего», который «не дал ей быть», но идти по пути Спасения не желает:

«О, зачем ты меня тревожишь?
Мне твоего не дано пути,
Ты для меня ничего не можешь,
Того, кого нет - нельзя спасти».

Это лирическое произведение отразило крайне отрицательное отношение Гиппиус к женской бездеятельности и духовной апатии:

«Втайне девочку я ненавижу,
Не понимал, зачем ей венки».

Несколько жесткий подход обусловлен тем, что «...в способе и характере своего бытия она не спонтанна, не импульсивна, и не пассивна. Она демиург, ибо продуманно, осознанно формирует целостную, строгую структуру своего микрокосмоса» (Е. Курганов). Женщине, исходя из представлений З. Гиппиус, «не дано понимать».

«Я ни смерти, ни любви не понимаю,
Дай мне венки мой, плача, вить.
Зачем я плачу - тоже я не знаю...»

Этот мотив присутствует и в рассказе «Вечная женственность» (1903), в названии которого слышится ироническое отношение автора к идее «младосимволистов». Главный герой рассказа вдруг осознает, что «...мать его - женщина, и она из тех существ, которые даны миру, но которых не дано понимать, которым не дано понимать». Гиппиус показывает огромную бездну, лежащую между полами, в то время как она и многие ее современники мечтали «о гармоническом распределении мужественных и женственных тех начал, которые до сих пор находятся в дисгармонии и кладут препятствия освобождению человека» (Е. Колобаева). З. Гиппиус, конечно, не могла отказаться от пути Спасения:

«Пусть круче восход - белей ступени,
Хочу дойти, хочу узнать,
Чтоб там, обняв Его колени,
И умирать, и - воскресать. («Иметь»).

Вероятно, мужская личина нужна была ей еще и для того, чтобы смочь сказать во многих стихах «я знаю» - о человеке, о любви, о смерти.

«Я знаю, друг, дорога не длинна,
И скоро тело бедное устанет.
Но ведаю: любовь как смерть сильна» («Иди за мной»);
«Я знаю, близко вечное...» («Снежные хлопья»);
«Я знаю, сила и созиданье
В последней тайне, в ее раскрытии» («Он - ей»);
«Знаю свои и чужие грехи я,
Знаю, где можно от них отдохнуть» («Наши мысли»).

Но знание зачастую грешит с незнанием. Последнее мучит ее и тревожит:

«Не знаю я, где святость, где порок,
И никого я не сужу, не меряю...» («Три сонета», 3).
«...И для меня есть скиния,
Но я не знаю, где она мне уготована» («Не знаю»);
«Но для речей единственных
Не знаю здешних слов» («Надпись на книге»).

«Стремлюсь к тому, чего я не знаю» - заявила молодая поэтесса в стихотворении «Песня» (1889). Эта тема пронизывает все ее творения. В стремлении к неведомому, неуловимому, отвлеченному началу Гиппиус старалась освободиться от плоти, от «женского», от того, что ведет к слабости, «что в жизни может отяжелить дух при попытке взлета» (Г. Адамович). В стихотворении «Женскость» (1938) Гиппиус затрагивает те начала женской души, которые препятствуют взлету. Повторяющееся слово «падающие» несет на себе большую смысловую нагрузку:

«Падающие, падающие линии...
Женская душа бессознательна.
Много ли нужно ей?»

То есть бессознательное начало женской души снижает уровень ее духовных притязаний. Однако в себе Зинаида Гиппиус ощущала «беспощадный», «огненно-ясный» разум («Ничего»). Необыкновенная целеустремленность к идеалу, жесткие, бескомпромиссные поиски истины не позволяли ей снисхождения к себе и другим:

«Женская душа пустынная,

Знает ли, какая холодная. Знает ли, как груба?»

Обнаруживая подобную женскость в себе, она даже беспощадна: «Я мелковатая, самолюбивая, похотливая и холодная душа. Даже и все это - рисовка - насчет «жгучего холода». Холодная обыкновенно, скорее сухая и лишь холодноватая бабья душа», - признается Гиппиус в одном из писем.

Заключительные строки стихотворения содержат не менее суровые выводы:

«Утешайте же душу невинную.

Обманите, что она свободная.

Все равно она будет раба»

С точки зрения Гиппиус, глубина и подлинность человеческого существования определяется двумя началами - началом свободы и началом любви. Женщина по природе своей «раба» и ей трудно достичь «священной свободы», суметь воскресить в себе божественный образ, реализовать абсолютное значение своей личности.

В стихотворениях о любви трудно встретить привычное «я люблю», ибо в каждом из них затаена «тоска по Высшему Образу любви и стремление прорваться к нему сквозь преграды личного, эротического, интеллектуально-земного» (Ю. Терапиано). В ее стихах эмоции, чувства не мотивируются, им присущи молитвенность, афористичность, «певучая отвлеченность». По мнению князя Д. Святополка-Мирского, она была способна воплотить глубочайшие абстрактные переживания <...> в образы изумительно-жуткой конкретности. И. Анненский подчеркивал, что «никто из мужчин не посмел бы одеть абстракции таким очарованием». Таким образом, «антиженственность» стихов Гиппиус не объясняется женоненавистничеством, а имеет метафизическую природу.

М. Шагинян определила лирику Гиппиус как «поэзию пределов». Ее оценка перекликается с характеристикой феномена женской лирики, данной И. Анненским, выраженной в формуле «концентрированная страстность лирического Я». «Мне достучаться надо. надо./ Молюсь. стучу. зову Отца...» Эти строки из стихотворения «Ограда» выражают ту «страстность лирического Я», которую и заключает в себе поэзия Зинаиды Гиппиус. До конца этой жизни она была верна этой позиции, пытаясь достучаться в двери, приоткрывающие Истину.

Вологда

Роман Красильников

ЧАША МУДРОСТИ

Татьяны Жмайло, или Возвращение в декаданс

Перед нами книга Т. Жмайло "Соль-минор". "Поэзия", - так гласит подзаголовок. Значит, нам необходимо отстраниться от образа и заслуг Т. Жмайло как барда и посмотреть на нее только как на поэта.

Еще, как это ни странно звучит, нам придется отстраниться и от самой книги Т. Жмайло "Соль-минор". Проект «Единство в книге» оказался смертельным для ее поэзии. Отсутствие приоритетов, безвкусице и диссонанс в оформлении - лишь внешние факторы этой творческой неудачи. Графика Т. Тайгановой со своими претензиями на декоративную линию арт нуво разрушает дух поэзии Т. Жмайло: так можно было бы разрушить лирику Бродского, поместив рядом с ней и календари и меню в исполнении Альфонса Мухи. Тайгановское оформление не обрамляет, а поглощает, подавляет заявленную в проекте полифонию. "Поток творческого созидания", "стремнина деятельной любви", "физическое существование в теле книги", что за пошлые эвфемизмы в духе Манилова наполняют речь составителя, художественного редактора, создателя макета, дизайнера и, наконец, автора "графического озвучивания текста"!

Tastes differ. Пусть отмеченное нами говорит лишь о безграничной доверчивости Т. Жмайло. И все-таки отстранимся. Посмотрим на поэзию, но не на книгу: посмотрим на поэта, но не на барда

Первое, что бросается в глаза при чтении стихов Жмайло, - их *философичность*. Перед нами философская лирика, то есть лирика, ориентированная на постановку и решение метафизических проблем человеческого существования. И действительно, через всю поэзию Т. Жмайло сквозной нитью проходит раздумья о вопросах онтологического характера: цель и смысл жизни, осознание человеком себя и своего места в этом мире, суть вещей и др. Онтология лирической героини Т. Жмайло тесно переплетается с ее гносеологией, хотя проблема познания в конечном счете решается в духе агностицизма. В этом плане необходимо процитировать стихотворение, которое, на наш взгляд, концентрирует в себе позицию поэтессы по отношению ко всем вышеуказанным проблемам.

*Тридцатилетие - рубеж,
пора крушения надежд,
и осмеяния затей,
и осмысления потерь...
Уже и шаг не так упруг,
уже и плоть не так легка,
уже обдуманно - не вдруг -
слова слетают с языка.
Нелепых чуждые причуд,
чуть приспускаем паруса.
Преобладает над "хочу"
такое веское - "нельзя".*

Текст наполнен пафосом разочарования и агностицизма, закономерным исходом которых являются проповедь духовного аскетизма и устремленность к трансцендентному.

Постоянное ощущение трансцендентного, бесконечного и непознаваемого, которое можно лишь чувствовать, заставляет говорить о *религиозности* текстов поэтессы. Безусловно, эта черта неспособна стать отличительной особенностью творчества Т. Жмайло, так как любая истинная поэзия если не религиозна, то трансцендентна (хотя авангард непрерывно пытается разрушить это убеждение). Но в плане выражения указанная черта не может остаться без внимания: она реализуется через высокую лексику ("посох", "предначертание", "чаша мудрости", "жертва", «закланье», "суд"). Метафизичность, обобщенность, философичность, трансцендентность - характерные особенности поэзии Т. Жмайло не просто на уровне смысла, но на уровне произнесения, письма.

Такому выводу не препятствует очевидная классификация стихотворений Т. Жмайло *по субъекту произнесения*, а точнее - *по объекту наблюдения*. Формируются две группы текстов: в первой главную роль играет лирическое "я", во второй - лирическое "мы" (его модификациями могут служить "ты" или "он"). Лирическое "мы" - это тенденция максимально отстраниться от "я", обобщить узнанное эмпирически до общечеловеческого уровня. Особенность лирического "я" заключается в том, что зачастую оно также наполнено пафосом "мы".

Читаем:

Незаполненностью сложи
Два листа.
Дважды два
Привычно множу -
Суть проста:
Солью соль -
Умножит горе
Пена волн
Я - Ассоль,
Мне ждать у моря -
Не-ко-го...

Последние три строчки неожиданны. Размеренный ритм обыденности, пронизывающий начало стихотворения, обесцвеченный трюизмами, вдруг разрывается цитатой имени, вступающего в противоречие с выводом. Осторожно, по лезвию бритвы ведет поэтесса линию лирического "я". Оно взламывает повседневность своим трагизмом, уничтожает безликость обыденного смысла.

Следующие строки - вновь отсутствие. Отсутствие цвета ("парус выцвел", "черный флаг"), силы ("обвис"), дружелюбия ("угрюмы лица, резок свист"). Дальний план снова сменяется крупным. "Руки падают, // Как плети". Внутренняя опустошенность получает внешнее выражение. Но героиня настойчиво называет себя "Ассоль". Почему? Это мироощущение "над", мета-мироощущение, возвышающее и рисующее действительный "портрет одиночества". Одиночество, усталость, разочарование, отсутствие сил - вот слагаемые пафоса творчества Т. Жмайло. В совокупности с изысканностью стиля, сложностью ритмического и метафорического рисунка у нас складывается ощущение *декаданса*.

Декаданс - привычное состояние человека, понимающего и принимающего мировое неблагоустройство. Основная черта этого стиля - утонченность. Именно декаданс стал мировоззренческой базой символизма, получив выражение в изысканной метафорике, шифрующей смысл. Символика Жмайло не доходит до уровня символизма. Она имеет свою меру понятности, отличную от обычного говорения и от сложнейших шифров символистического метода (возможно было бы более правомерно сравнить ее с русским акмеизмом.)

И тем не менее поэзия Жмайло обладает определенной степенью непонятности. Причина этого факта, на наш взгляд, кроется не в авторе, а в реципиенте.

Почему современный читатель с трудом воспринимает тексты не только XVIII и XIX, но и начала XX вв.? Основной фактор, влияющий на психологию восприятия, - *феномен скорости*. Этот феномен связан с особенностями пространственно-временного мироощущения разных веков. Достижение человеком понятия о высоких скоростях привело к изменению ритма жизни, к психофизиологической акселерации. Непрерывный, быстро меняющийся поток информации заставляет органы восприятия приспосабливаться, ускорять процесс обработки. Вместе с тем человек становится неспособным к вчитыванию в художественный текст: его внимание становится рассеянным, неустойчивым; необходимость в высоком уровне распределения внимания позволяет многое охватить, но не позволяет это многое осознать.

Феномен ускорения коснулся и самого творческого акта. Ярче всего его можно наблюдать в истории живописи. Интересны выводы Х. Ортеги-и-Гассета о том, что эволюция живописного метода зависела от степени отстраненности, удаленности художника от объекта. Однако критерий удаленности вполне может быть совмещен с критерием скорости. Детальная проработка полотна в классическую эпоху (вплоть до реализма) была нивелирована в импрессионизме до беглых мазков, а в геометрическом абстракционизме до графических линий и фигур. Это не значит, что сам творческий акт сократился, - произошло перераспределение объема его внешней и внутренней части: увеличилось время мыслительной работы над pregnантностью (точностью) образа, и уменьшилось время исполнения, воплощения идей в материю. В литературе феномен скорости вылился в пренебрежение к форме, в неструктурированное автоматическое письмо сюрреалистов и свободный творческий акт футуристов.

В соответствии с современным уровнем восприятия и быстроты создания художественного произведения поэзия Т. Жмайло - шаг назад. То же самое можно сказать и о поэзии Н. Сучковой (см. нашу статью "Возвращение в модернизм"). Вот почему мы говорим в обоих случаях о "возвращении". Но является ли это понятие отрицательно окрашенным?

Очевидно, есть определенная мера скорости восприятия, которая устанавливает пределы этичного отношения читателя к художественному произведению, пределы, достаточные для первичного понимания текста. Указанная мера различна для разных типов литературы. Классические пределы высоки, так как классическое означаемое безгранично. Массовая литература ориентирована на снижение уровня сложности, и значит, на меньшую глубину означаемого, подстраиваясь под усредненный показатель современной скорости восприятия.

Вот почему "возвращение" Т. Жмайло и Н. Сучковой не может быть отрицательным. Другое дело, что оно становится несовременным. Но это уже вечный некорректный вопрос о нужности большой литературы.

Такое обширное отступление никоим образом не направлено на постижение смысла поэзии Т. Жмайло, но помогает нам разобраться в современном положении философской лирики вообще. Вывод напрашивается сам собой: поэзия Т. Жмайло - поэзия не для всех, так как для ее восприятия необходимы определенные установки интеллектуального и даже психофизиологического характера.

Далее. В основе образности поэтессы лежит понятие *экспрессивной формулы*, или афоризма. И в зависимости от точности, емкости, выразительности этого элемента складываются удачные или менее удачные тексты.

Безусловно, можно обратиться к отдельным строкам поэзии Т. Жмайло и восхищаться ими, но это было бы неуважительно по отношению к самому автору. Мы будем говорить о текстах, которые, с нашей точки зрения, полноценны и полновесны, точнее - pregnантны.

Таковым, на наш взгляд, является стихотворение "Зажата рана в горсть...". На протяжении всего текста мы находимся в жесткой паутине оригинальных метафорических формул: "зажата рана в горсть", "стук в дверь - не гром с небес". Неожиданные сравнения ("привычно, как обряд"), неполнота предложений ("ты слишком рано - гость") придают стихотворению яркую выразительность.

Чувства героини высказаны скупно и точно. "Рана зажата привычно" - она привыкла к подобной боли. Ее отношения с близким человеком поставлены в положение безысходности: его статус для нее не определен: то ли "гость", то ли "брат". "Гость" - "слишком рано", то есть слишком быстро тот, кто назван местоимением "ты", решил изменить свое положение, отказавшись нести груз ответственности за любовь. "Брат" - "слишком поздно", то есть дорога к душевному родству уже закрыта вследствие первого проступка, и даже желание остаться "братом" кажется героине ничтожным и нелепым.

Вот почему: "Стук в дверь - не гром с небес". Через отрицание высказывается прежнес отношение героини к приходу близкого человека. А теперь: "боль как будто вне".

Последние две строчки сильны:

Могу свободно "без".

Могу спокойно "не".

Механизм их экспрессивности заключается в субстантивации двух очень выразительных служебных частей речи: предлога "без" и частицы "не". Обе они обозначают отрицание. Казалось бы, в связи с очевидной утратой любимого когда-то мира, героиня будет замкнута, ограничена своею болью, но, преодолев внутренний разлад, который до сих пор есть "рана", она говорит о свободе и спокойствии.

Еще одно стихотворение, о котором хочется сказать, - "Ниже уровня неба...". Его лирический сюжет полностью основан на постулировании различных бытийных оппозиций: "небо-море" "счастье-горе", "крик-плеть", "жизнь-смерть". Эти оппозиции преодолеваются за счет рефренов "ниже уровня" и "выше уровня". Лирический герой стихотворения словно нащупывает, обозначает свое место в мироздании. Становится ясно, что диалектика природы такова, что достижение крайних точек для человека невозможно: он постоянно находится между членами оппозиций.

Параллелизм конструкций наводит на мысль об эквивалентности понятий или, во всяком случае, об их соответственном развитии: небо - счастье - крик - жизнь; море - горе - плеть - смерть.

Эволюция отрицательной парадигмы вполне объяснима. "Море" - символ всего бессознательного, по К. Юнгу; топос смерти в фольклоре и мифологии. "Горе" - состояние человека, переживаемое им на уровне чувств и эмоций. "Плеть" - инструмент социального угнетения, причиняющий физическую деструкцию. "Смерть" - метафизическая, философская категория, подводящая итог отрицательной парадигме.

Из положительной парадигмы явно выбивается слово "крик". Но второй член оппозиции подсказывает ключ к определению степени уместности (релевантности) первого члена. Если "плеть" - это знак угнетающего социума, то "крик" - это знак свободного человека. Положение героя здесь опять срединно, диалектично: над ("выше") уровнем власти и массы, под ("ниже") уровнем абсолютной свободы.

На наш взгляд, текст "Ниже уровня неба..." - вершина философской лирики Т. Жмайло, равно как стихотворение "Зажата рана в горсть..." - вершина ее любовной лирики. В них, на наш взгляд, достигнута та точность и экспрессивность образа, которая делает эти произведения наиболее запоминающимися.

Наконец, в этих стихотворениях содержание заключено в классическую форму. Т. Жмайло вообще тяготеет к классической форме, хотя не всегда соблюдает ее, допуская сбои ритма и даже рифмы. Для современной поэзии это замечание неактуально, но в данном случае оно свидетельствует не о специальном осознанном приеме, а о следовании песенной традиции, такой близкой для поэтессы.

Итак, возвращение в декаданс. Этот пафос в устах Т. Жмайло приобретает волевой оттенок, скрывающий откровенное признание, к которому, наверное, могли бы присоединиться все люди, живущие сегодня:

То, что имеет название души, / ежится скорбно в стреноженном теле.

Вологда. 2000

Андрей Наугольный ЭКСПАНСИЯ ЛИЧНОСТИ

*«Нужен цельный взгляд, чтобы не впасть в отчаяние». (Джон Фаулз, «Даниэл Мартин»)
«Самое важное в жизни – судить обо всем предвзято». (Борис Виан, «Пена дней»)*

Галина Щекина – культовый автор вологодского литературного гетто. Это не провокация, это диагноз. Обстоятельство места и времени. А главное – люди, люди – власть предрежащие, решившие взять под контроль творческие традиции и – о, Господи, не ведают, что творят – сам творческий процесс. Что ж, надо отдать им должное, у них получилось. Полная тотальная герметизация, словно и не в миру живем, а на подводной лодке, и все по уставу. Об этой беде и писал Ф.М. Достоевский в «Легенде о Великом Инквизиторе»: «Чудо, тайна и паритет. И некому сказать, что король-то голый... Мертвые пространства, пустошь».

К счастью, не все с этим согласилось, не все засунули в ж... язычки. Слишком много вопросов. Об этом и повесть «Графоманка». Явное нарушение – и дерзкий вызов литературным бонзам, присвоившим себе право глаголить от имени народа. Как и везде, хищная приватизация совести и облагороженная стерилизация искусства. Все, как один. Дико, но факт. Боятся их, поэтому и не указали сразу халтурщикам на дверь. Странно, но допустимо – как любит говорить вологодский литературный критик, возвышенного ума человек, Сергей Фаустов.

Конечно, сподручней хлебать помой стилистического совершенства – так, как это понимают на Ленина. 2. Им и Ильич в масть, тоже литератор, так и писал он про себя в дореволюционных анкетах. Святые люди – жандармы. Даже думать об этом тяжело, потому что сознаешь: тут миссия, мистика, в общем, все тот же опиум для народа.

И прояснилось бы все, если бы читал вологодский народ этих мучеников с их, как писал блестящий Джон Донн, «водяной ледяной». Но нет, не читает, и правильно делает, ведь ясно, что мура...

Жаль только, не все взбунтовались, глядя на этот беспредел, далеко не все, вернее, одна Галина Щекина. Но это уж дело совести каждого, имеющего отношение к литературе. Сразу оговорюсь, что должной критики не вышло – откуда? Оппозиция из одного голоса – это просто смешно.

Обидно лишь, что играет «Графоманка» на вытоптанном поле номенклатурщиков. Обижается, плачет. Обидно. Как будто нет иных образов для подражания! Отсюда и дефекты, и чувство тайной вины. А стоит ли?

Стоит, по-моему, вспомнить классика, Сомерсета Моэма, его «Луну и грош»: «Главное для меня в искусстве – личность художника». Все. А если нет, тогда – карнавал, Петрушка, карнавальная структура повествования, отсюда – идеализация образа Дербиной, убийцы, как к говаривал Рембо – кастрата, женщины в маске вологодского Сальери. Рубцов – гений! Моцарт! Пусть даже, как подметил Пушкин – «и среди детей ничтожных мира, быть может, всех ничтожней он».

И, слава Богу, что Щекина на этой тризне не останавливается, не любит она уголовщину, но... воздать должное литературным импотентам очень даже хочется. И я ее понимаю. Она отстаивает самое себя, право личности на самоопределение. Свобода всегда была лишней в нашем захолустье, ею обычно бравировали только пьяные рецидивисты, а прочие нет, прочие – как учили, чтобы не высываться! Скука, муть. И это выдавалось за духовные поиски истинно русского человека – ... из Союза – Куликовская битва, только наоборот, где победитель должен строчить объяснительные. Вся эта канитель и воспроизведена в повести «Графоманка».

И все правильно, лучше быть дилетантом, чем профессиональным свнухом от литературы. Так уж у них здесь сложилось. Я и сам не рад.

А ведь были вестники – Яшин. Ранее – Шаламов. Белов. Рубцов. Фокина, а далее – пузыри земли. Ничтожества. И они, их ученики. И спорить с ними не следует, но они – как слепни, не отвяжешься... Вот и прыгает Ларичева, жалкая и безутешная, по присутственным местам, но где правда? Уж и забыли, как выглядит. А Цыганов, он не напомнит, нет.

...Репутация, бабочки, Белый дом! Какая правда? Увидел бы Шукшин, дернулся бы в гробу. Пакошь. Что они, что наши попы, другого слова не подберу, все – деньги, авторитет, комфорт, а свободомыслие? Нету. Спасибо, что на кол не сажают и в срубках не палят. А могли бы.

Стыд – не дым, глаза не ест, потому и не вспоминает никто про жертвы. Жертвы, они священные. Это и изгнанный с Вологодчины Астафьев, это и Рубцов, чье пьянство устраивало всех, и Жаравин, и многие, многие другие, для нас безымянные. Земля им пухом. А Щекиной благодарность. За достоинство и честь. И хочется вспомнить Н.С.Лескова, его фразу из рассказа «Шерамур»: «Ничего, – сказала она, – человек ничевошный, над ним грех смеяться, у него есть ангел, который видит лицо».

Вологда

Андрей Наугольный родился в Вологде в 1967. Окончил Московскую юридическую академию, работал в ОВД, службе охраны. Дипломант Костромского российского литературного конкурса им. Н. Пскренко по прозе. Автор книги «ИМ».

Надежда Путилова много лет учит детей рисовать – она работает заместителем директора в Муниципальной детской художественной школе № 1. Учит видеть в простом – великое, в обыденном – праздничное. Дети впитывают науку с благодарностью. Поэтому несть числа выставкам, которые организовала Надежда Путилова и ее коллеги. Существует целая система ежегодных выставок, конкурсов, которые проводит художественная школа, и многие из них уже вышли за рамки Вологды, стали межрегиональными – в их числе выставка-конкурс произведений, посвященных Николаю Рубцову, выставка «Мой дом», ряд выставок совместно с Фондом Владимира Корбакова. Не замыкаясь в рамках только учебной работы, Надежда находит время для участия в научно-практических конференциях «Духовность и патриотизм как основа образования и воспитания», «Ферапонтовские чтения», «Духовность как основа межличностного и межэтнического общения в XXI веке»... Уже давно частью ее жизни стал работа в детской воскресной школе. Много грамот получила она в награду за эту работу, в том числе Благословение от Владыки Максимилиана и от Патриарха Всея Руси Алексия II – за усердные труды во славу святой церкви.

А недавно на заседании президиума Областного совета женщин Надежда Владимировна Путилова получила благодарственное письмо с подписью председателя Областного Совета женщин Людмилы Ячестовой: Вологодский областной Совет женщин выразил ей признательность за участие в областном конкурсе «Женщина года», где она признана лучшей в номинации «активная жизненная позиция». Весной 2003 года о ней написали все областные газеты. На торжественном заседании в драмтеатре ей наряду с другими вручили ценный подарок и поздравил сам вологодский губернатор Евгений Позгалев. Так что многочисленные письма и грамоты – это действительно свидетельство активного образа жизни.

- Скажите, ваша активная жизненная позиция не отражается на семье? – осторожно спрашивают Надежду журналисты.

- А меня муж поддерживает, - улыбается Надежда, - отработав положенные годы в рядах МВД, он вышел на пенсию как почетный следователь и взял на себя часть семейных забот. Он и помощник, и единомышленник.

- Вы сами росли в большой семье?

- Да, я из многодетной семьи, закончила Ярославское художественное училище, потом художественно-графический факультет Московского университета. С тех пор работаю в художественной школе. У нас в семье тоже трое детей – пять, двенадцать и четырнадцать лет

- Как же вам удастся уделять им внимание при такой занятости?

- Во-первых, мы вместе в воскресной школе, вместе едем на два месяца в летний лагерь. Так что они всегда курсе того, чем я живу! А я всегда вижу их интерес и доброе отношение

(По материалам вологодской прессы)

Галина Щекина СУДЬБА ПИАНИСТКИ

В марте 2003 года на кинофестивале документалистики в Вологде я оказалась рядом с Еленой Распутько, героиней фильма Валерия Есипова «Судьба пианистки». Фильм-раздумье, тонкий, далекий от пустого пьетета, в общем, довольно печальный. Были разговоры с Еленой Николаевной перед началом фильма, и тут же она появилась на экране. Фильм настолько поразила меня, что мы говорили и после него, и еще не однажды. Елена Распутько – известная пианистка, заслуженная артистка России, солистка областной филармонии им. Валерия Гаврилина. Жизнь провинциальной артистки полна и радостями, и огорчениями. Столичная культура, в атмосферу которой Елена была погружена в юности, дарила ей общение с мировыми знаменитостями, ауру, известность, возможность концерттировать, зарабатывать. В маленьком городке этого нет. Да, работает артистка с полной отдачей, дарит душу, и круг почитателей отвечает любовью. Но это небольшой, почти семейный круг, не сравнимый со столичным.

Елена Николаевна – своеобразный эталон глубинного отношения к профессии. Это и музыкально-образовательная работа со слушателями, которой отдано тридцать пять лет. И небоязнь дальних дорог – Елену Распутько знают по всей области. Для юных слушателей и учащихся пианистка придумывает оригинальный театр, игры, веселые танцы под музыку, шумовой оркестр, который она экспромтом составляет из любой детсадовской группы...

К Елене Николаевне обращаются с просьбами украсить музыкой открытие выставки, поэтический вечер, даже опробовать антикварную фисгармонию. И она, виртуоз в исполнении классической музыки, легко откликается. Ее талант универсален. Она удивительно работоспособна: играет помногу, не уставая, часто обновляя программы. «на бис» исполняет столько, сколько попросят. Юбилейный концерт Елены Распутько – одно из наиболее значительных культурных событий года в Вологде. На концерте Елене Распутько вручена была почетная грамота звучали слова благодарности за особый вклад в развитие культуры Вологды, был гром аплодисментов и выступающей, и ее старенькой маме, и даже присутствующим тут ее детям, которым отдано не меньше чувств и забот, чем музыке... Каждое поздравление превращалось в отдельный спектакль. И целый сад подаренных цветов унесла пианистка домой.

Но вот кончился концерт и Елена возвратилась в свой небольшой деревенского типа домик на Солодунова, где по полу тянет стужа, подбросила в печку дров. А когда будет играть, со

стены на нее будут смотреть картины местных художников, подаренных пианистке в знак благодарности за прекрасную музыку...

Мы говорили о поездках Распутько по области. Она рассказывала немало смешных и страшных историй. О том, например, что приехав за сотни верст в сельский детсад нахоиши инструмент совершенно расстроенный, где-то в подсобке, чуть ли не в туалете. Да, ей приходилось проявлять чудеса терпения и изобретательности, играя на том, на чем невозможно играть. Или в музыкальном классе зимой было так холодно, что приходилось играть в перчатках - руки отмерзли. Кстати, эти кадры с перчатками есть в фильме «Судьба пианистки», ассоциация сразу - с блокадой, войной... С ощущением беды, которая не допускает никакой музыки.

Не однажды концертировать приходилось в Устюжне. Именно там преподаватель музыки Ирина Объявина рассказала Елене об удивительной женщине, тоже пианистке, которая некогда жила в Устюжне. В краеведческом музее Елена Николаевна побывала на выставке личных вещей пианистки Веры Сипягиной-Лилиенфельд. Увидела ее платье (какая тонкая талия!), узкие нарядные перчатки, веер. Множество аналогий обнаружилось в их судьбах: обе учились в Санкт-Петербурге, получили блестящее музыкальное образование, напитались аурой высокого искусства, обе потом оказались в провинции. Обе отдали все силы музыкальному просвещению, в котором путь таланта ох как тернист. Обе познали славу и горечь разочарований, материальные трудности. Обе - выдающиеся артистки, энтузиастки, заражавшие своей любовью к музыке многих и многих людей... Близко приняв к сердцу жизнь Веры Сипягиной-Лилиенфельд, Елена обрела с ней таинственную и нерасторжимую связь. Это «пересечение судеб» (так называется книга о М. Цветаевой) оказалось таким волнующим - точно через годы и расстояния протянулись навстречу руки... Поэтому столь велика благодарность автору фильма «Судьба пианистки» В. Есипову, и самой Елене Распутько за то, что высветили из глубины истории жизнь еще одной неповторимой русской женщины, тоже пианистки, Веры Сипягиной-Лилиенфельд. Небольшим экскурсом в историю и заканчивается этот очерк.

«Родилась Вера Сипягина 1 февраля 1861 года. Бабка по матери Ольга Степановна Маслова (в девичестве Мусина-Пушкина). Отец Уар Сипягин - военный служащий, мать - Александра Маслова, совершившая подвиг материнства, родившая 9 детей... Выжили трое, три дочери. Вся жизнь Александра положила на то, чтоб дать дочерям высокое музыкальное образование. Дорогое удовольствие, да и жить надо было в Петербурге.

В 1873 Вера Сипягина держала экзамен и была зачислена на музыкальные курсы при Санкт-Петербургской консерватории, одновременно начала давать уроки, была в эпицентре музыкальной жизни С-Петербурга: концертировала, бывала в самых модных салонах, дружила с меценаткой Софьей Хитрово, семьей Тернеров. «Мне довелось окунуться в море звуков, прослушав и квартеты, и титанов - солистов» - писала Вера Сипягина.

Газета «Петербургский листок» комментировала: «Г-жа Сипягина, ученица профессора Брассена, выказала лиризм и певучесть тона, шик, блеск, размах и цепкость пальцев. Она вполне овладела инструментом и подчинила его себе. Мощный выдающийся и подкупающий слушателя талант...» Диплом об окончании курсов подписали Брассен, Рубец, Лютш, Римский - Корсаков. К диплому прилагалась малая золотая медаль.

Замужество Веры оказалось несчастливое - 12 лет борьбы с собой, любви и жалости к пьяному опустившемуся человеку - Николай Лилиенфельд был ее кандалами около 20 лет. Она в замужестве гораздо меньше выступала. 5 апреля - в день смерти ее отца - умер и Николай. В 1906 году - концерты с арфистом Андреевым и серия концертов «Камерное утро», получившая восхищенную прессу. Нередко с ней выступали ее сестры София и Ольга. Это были не те «Три сестры», что у Чехова, а те, которые УЕХАЛИ в столицу и блистали там. Сипягина любила участвовать в разных проектах, объединениях и обществах. Например, в обществе «МАЯК» - основное направление работы общества - содействие нравственному, умственному и физическому развитию молодежи. Сипягиной советовали серьезно заняться литературой, но музыка всегда была ее главной страстью. Сипягина посещала заседания Дамского художественного кружка. Элегантные борцы за женское равноправие в декабре 1908 года организовали I Всероссийский женский съезд. Но самым любимым для Веры Уаровны был кружок Полонского. Главной его задачей Сипягина считала объединение разных талантов в одну семью и обережение этих талантов от хищников, то бишь бездарностей!

У Веры Сипягиной-Лилиенфельд было родовое имение Свистуны, завещанное отцом.

Туда наезжали именитые гости, в их числе Куприн, посвятивший Сипягиной восхищенные стихи. Но это была не просто дань гостеприимству! Облик Сипягиной поразил Куприна так, что она стала прообразом пианистки Женни Рейтер в «Гранатовом браслете».

Имение Свистуны Вера сдала в аренду при очень драматических обстоятельствах. Молодой и красивый арендатор Кашталов стал временным хозяином имения на очень мягких для него условиях. Дальнейшие отношения хозяйки и арендатора перешли в роман - серьезное увлечение Веры. Кашталов, будучи женатым, не скрывал, однако, что близость с барыней - лишь способ присвоить Свистуны. Вскоре имение было разорено неумелым управителем. Потом Вера сама

восстанавливала разрушенное хозяйство. После революции имение было у нее отобрано, и на базе имения создали коммуны. И даже когда все было растащено, все равно ей не разрешили жить там. Коммуна постепенно развалилась... В 1922 году имение довели до плачевного состояния, а Вера какое-то время скиталась. Позднее жила в Устюжне. Ее белый домик на Набережной декабристов. 20 долгое время был единственным культурным центром. Там потом открыли пролетарский клуб.

В течение всей жизни, и под конец ее, несмотря на материальные бедствия, Вера Сипягина оставалась настоящей пионеркой музыкального дела. Она составила целую программу развития музыкального дела и представила ее заведующему народного образования Устюжны Знаменскому. Работала и просвещала бесплатно. Вера Уаровна первая собрала одаренных детей и создала первую музыкальную школу - но в 1921 году школу выгнали из отведенного помещения.

А еще мечтала об открытии собственного музыкального центра. Ассамблеи в белом домике продолжались с марта по июнь 1919. За это время пианистка дала несколько больших концертов - звучали Шопен, Чайковский, Мендельсон Рубинштейн... Откуда силы брала? Играла - и окна настежь. На звуки стекались люди. Да, ее судьба могла бы стать основой настоящего фильма, а возможно, и сериала...

Она слишком выделялась среди других и с горечью писала: «Мою педагогическую и музыкальную деятельность не находят в какую форму уложить и обращаются с ней как со шляпной картонкой. Неумолимо исчезает магнетизм духа, который притягивал ко мне родственников по устремлению людей. Не осталось больше золота души...»

В материале использованы статьи Татьяны Петровой «Необыкновенный сад Распутько» («Вологодские новости») и Екатерины Воротынцевой о Vere Сипягиной-Лилиенфельд (краеведческий альманах «Устюжна» № 2).

Вологда-Устюжна

Галина ЩЕКИНА

«ОНА РОДИЛАСЬ В КИНОТЕАТРЕ»

Татьяна Канунова в свое время многих поразила своей эрудицией на передаче местного ТВ-7 «Седьмой континент». Она легко отвечала на вопросы, знала актеров, режиссеров, фильмографию, имена, жанры, цифры. Кого ни спроси в Вологде - согласятся, что про кино Канунова знает все. Новости кино в газете «Русский Север» - тоже пишет она. В декабре 2002 в городе прошел фестиваль «Новое кино России» с участием киноцентра «Вологда» и фильмотеки, в мае 2003 фестиваль «Документальное кино» - по инициативе Кануновой, киномарафон для детей и юношества начался в марте 2003...

Биография Татьяны Николаевны вместила и пединститут, после которого была учительская практика в 32 школе, и комсомольская работа под знаменем Ленина. Но кино притягивало больше, и в 1979 году Татьяна Николаевна пришла работать в кинотеатр Вологодской области. Директор методического кабинета управления кинофикации, начальник репертуарно-коммерческого отдела фильмотеки, инспектор орготдела управления культуры, методист отдела кинофикации - с любой работой справлялась легко, потому что любит кино. И где бы она ни работала, она всегда относилась к делу горячо, искренно. Сколько кино клубов и кинолекториев она провела, сколько фестивалей и встреч прошло с ее участием! Недавний кинофестиваль «Новое кино России» тоже потребовал приложения ее сил, ведь именно фильмотека подбирала фрагменты фильмов для творческих портретов. Кинофестиваль нуждался в рекламе, а здесь Канунова тоже поработала немало.

Когда Канунова полетела в Москву, чтобы обеспечить открытие киномарафона (договариваться о встрече с актером Черновым и режиссером Магитоном через московскую фирму) - ей объявили выговор. За то, что уехала в командировку без разрешения. Вы спросите - но это на пользу дела? Да. Все прошло хорошо? Да. Она потратила государственные деньги? Нет. Поехала на свои. Почему же выговор? Без объяснений. Много лет Канунова совершенно бесплатно вела видеолекторий для горожан, это было то в здании областной библиотеки, то в Пантелеевском домике-музее. На лектории из года в год ходят увлеченные люди и заражаются увлеченностью лектора, смотрят ленты из ее личного собрания, искренне восхищаются. Этих скромных зрителей никто не спросил, нужно ли им кино. Кино, часть их жизни - благодаря ей.

Канунова (на снимке слева) - киновед с высшим образованием, после получения диплома преподавателя физики она еще закончила ВГИК. Тут не обошлось без мамы Аллы Васильевны, отдавшей 40 лет работе в киносети и привившей дочери такую страстную любовь к миру кино. Она ведь работала в том самом кинотеатре им. Горького на площади Революции, который так любили вологжане и который был так драматически стерт с лица Вологды. В этом кинотеатре прошло все детство Тани Кануновой. Об этом упомянули на траурной церемонии прощания с Аллой Васильевной.

Т.Канунова на конкурсе киномехаников

ОДНИМ МАХОМ. Через неделю после похорон матери назначена была коллегия по рассмотрению деятельности фильмотеки и директор фильмотеки Канунова должна была писать доклад. Неужели вопрос такой горящий, что нельзя было дать человеку отсрочку? Фильмотека много лет никого не интересовала. Тут - напротив, подгоняли жестче, повышали требования, торопили. Для коллегии распечатывали горы документов и рекламы. Коллегия в департаменте культуры состоялась вовремя. Ее решение - ликвидировать фильмотеку.

ДОМ БЕЗ ФУНДАМЕНТА. Когда фильмотеку сильно залихорадило, Канунова не стала скрывать, что подготовлен новый устав, организацию просто переименуют, а «уберут» только ее, как директора. Звучит дико, но предшествующие события это подтверждали. Зимой 2003 состоялся семинар киноработников области. На нем снова были очерчены серьезные проблемы киносети и кинопроката: киноаппаратура 20-летней давности, все подлежит срочному ремонту, запчастей нет, художественных фильмов не хватает, хроника тоже устарела, хоть закрывай Дома культуры да кинотеатры. Чем же работать? Районные киноорганизации обращались за помощью к областной фильмотеке, это логично. Но фильмотеке-то помочь некому! На коллегии директора фильмотеки упрекали в слабости материальной базы киносети и кинопроката, в однообразии репертуара. Она пыталась исправить ситуацию, программу составила: «Сохранение и развитие кинообслуживания населения Вологодской области на 2001-2005 год». Программу утвердило Законодательное собрание, но ее не финансировали. Через год пришлось переделать программу на меньшее время действия - снова до финансирования не дошло. На новые фильмы выделили в текущем году всего 500 тысяч рублей при средней цене 1 фильма 80 тысяч. Появились упреки, что на кинорынке приобретаются не те фильмы, что надо. Запретили ездить на кинорынки. Все эти обстоятельства - реальность, никак лично от Кануновой не зависящая. Откуда же возьмутся новые фильмы и, соответственно, увеличение собственных доходов? На сельских киноустановках средняя цена билета от 1 до 10 рублей, поэтому прокатная плата очень низкая. В 2003 году фильмотека смогла купить на доходы от своей предпринимательской деятельности всего один, зато успешный фильм «Кукушка», отмеченный профессионалами и зрителями на многих кинофорумах, в том числе в Вологде на «Новом кино России». Но Кануновой снова досталось: зачем купила некассовый (?) фильм. А вообще в последние годы покупалось 10-12 картин ежегодно - то есть столько, сколько выделяется бюджетных средств. Этого количества для репертуара целой области недостаточно. Фильмофонд стремительно стареет, в нем уже 80 % кинолент низкой технической категории. Что касается технического оснащения самой фильмотеки, то именно Канунова добилась компьютеризации бухгалтерии и репертуарного отдела. Первый компьютер получили по ее инициативе взамен на старый автомобиль.

НЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР. Семинар по проблемам кинофикации открывала начальник департамента культуры - В.В. Рацко. Она говорила гневную речь о новых формах работы, все валила в одну кучу, и все на Канунову. Потом предоставила ей слово и демонстративно вышла из зала. Все это видели: вопрос, дескать, решен. М.О. Спиридонова, которая курирует фильмотеку от департамента культуры, при всяком слове со стороны Кануновой оборачивалась и восклицала: «замолчи», «тебя не спрашивают». Т.Н. Канунова храбро дочитала до конца выстраданный ею доклад. Люди не смотрели ей в глаза. То есть официально вроде бы ее выслушали. А на самом деле оглохли, причем давно. Зато заместитель начальника департамента Б.Ю. Чирьев говорил долго. Киноработники чуть не плачут от нехватки запчастей к киноустановкам, а он соловьем поет про DVD! Откуда они возьмутся? Кто выделит на них средства? Такие речи Рацко одобряет. В самом престижном частном кинотеатре города Череповца всех пригласили в ресторан. Начальство говорило речи. Канунова сидела в слезах, сдерживалась, чтобы не плакать навзрыд. Похоже семинар был устроен для свершения над ней гражданской казни. Типичная для Вологды картина. За время

правления В. В. Рашко попали в немилость многие работники культуры - директор кукольного театра, Театра для детей и юношества, начальник управления культуры Череповца...

ПОДАРОК К ЮБИЛЕЮ. Однажды к зданию фильмотеки подкатил автомобиль. Из него вышли люди, зашли в видеотеку и начали обыск. Они искали контрафактные видеокассеты. Кассеты брали и быстро паковали в ящики. Появившейся перед ними Т.Н. Кануновой показали удостоверение следователя городской прокуратуры Корешкова. Санкции на обыск не было, «понятые» привезены были следователем с собой, сидели тут же в машине. Забрали около 500 кассет. Никакой описи не оставили. Говорили следователи с коллективом, намекали, что приехали «по наводке». Это было как раз накануне юбилея Кануновой. Когда через три месяца обеспокоенная таким оборотом дела Канунова обратилась за разъяснением к прокурору города, ей ответили, что заведено уголовное дело. Но на каком основании? Никто ведь не наживался, служебное положение не использовал. Средства от показа мультфильмов школам и садикам сдавались в бухгалтерию. Зато кому-то это было выгодно. Чтобы за восстановление своего доброго имени невинный человек еще и 12 тысяч заплатил адвокатам. Через четыре месяца состоится слушание дела у мирового судьи и обвинения будут сняты. Но тогда, накануне коллеги, тем более накануне юбилея...

ЛИКВИДАЦИЯ. Когда объявили ликвидацию - всех уведомили, все расписались. Ну выгонят, так выгонят. Хотя у многих опустили руки: по два-три года до пенсии. В департаменте поговаривали, что надо было Кануновой уйти «по-хорошему», тогда бы не нужно было никакой ликвидации. Теперь это всем известно: «не ушла по хорошему, и из-за нее будет страдать весь коллектив». Четкий пример бюрократической подлости. Уж как только ни выживали, как только нервы ни мотали, а еще мало, решили против нее и работников восстановить. Но работники имеют глаза и видят, что по всех вопросах Канунова единственная знает решение. Формулировка «уйди сама» поразительна. Без объяснений.

Как она уйдет, куда? Человек, который родился и вырос в кинотеатре, человек, который знает и любит только кино? Перед коллективом чиновники объяснились, что, дескать, всех будем увольнять «за ваш счет», то есть как будто фильмотека сама себя решила уволить... Всем желающим работать в новой организации было предложено написать заявления соответственно их прежним рабочим местам: все будут трудоустроены. Не предложено ничего только директору. Объявлен конкурс на замещение «вакантной» должности, но Кануновой в нем участвовать нельзя - только для тех, кому до 45. НЕ ДАВАЛИ разрешения даже на должность простого методиста (уже уволив, «разрешили» остаться). Когда под «занавес» госпожа Рашко впервые посетила фильмотеку и выступила перед запуганным коллективом, даже на это нельзя было надеяться. Она говорила резким тоном, обвиняла всех присутствующих чуть ли не в саботаже, прилюдно унижала Канунову, как будто та вообще не делала ничего двадцать (!) лет. Смысл был такой: не надейтесь, что она (Канунова) будет здесь работать, не заступайтесь. В чем причина нападок? Говорят, несколько лет назад Канунова осмелилась сделать замечание Рашко (тогда зам. начальника управления культуры Череповца), что здания кинотеатров нуждаются в ремонте! Рашко это запомнила. А многие здания и до сих пор стоят, как экспонаты войны - окна забиты фанерой. Когда же нужно было руководителю департамента представить к новому званию, спешно звонили - ведь область по части кино не на последнем месте в России. Только одних за это снимают с должности, других награждают.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ Т.КАНУНОВОЙ: «Сколько помню себя, кино для меня было с детства большим увлечением, а затем стало делом моей жизни. Мои поездки на кинорынки, постоянное сбор информации по кино, организация и проведение киномероприятий научили меня ориентироваться в этом мире, общаться для прессы с актерами, режиссерами. Официально я проработала в системе 24 года, а фактически, я считаю - все 40. Не думала о своей личной жизни, только бы кино жило и процветало, радовало людей. объездила я всю область, была на многих районных киноустановках, знаю людей, не раз убеждалась, что трудилась не напрасно. И вот за все это я в течение 2003 года получала один удар за другим. А все из-за ненависти одного-единственного человека, начальника департамента культуры. Многие ее подчиненные понимали, что совершается несправедливость, подходили, сочувствовали, но вину в личной беседе, что не могут встать на защиту, опасаясь за свою судьбу. Формально убрав директора, чиновники создали аналогичную организацию, которая так же будет заниматься вопросами кинообслуживания населения области, назначили нового руководителя. Но изменится ли от этого в лучшую сторону работа киносети и кинопроката? Вряд ли. Необходимо коренным образом изменить само отношение к наболевшим проблемам кино. Меньше бы заседать, больше бы добиваться от Правительства области серьезного финансирования киноотрасли».

...На стене ее бывшего кабинета висела «БЛАГОДАРНОСТЬ министра культуры Российской Федерации - Кануновой Татьяне Николаевне, директору Государственного учреждения культуры «Вологодская областная фильмотека» - за многолетний плодотворный труд в области кинематографии, за большой вклад в организацию кинообслуживания населения Вологодской области. Подпись - М.Е. Швыдкой. 06.02.2003». Можно, конечно, взять текст похвальной грамоты от Швыдкого и отправить ему же телеграммой. С припиской «уволена». Только это уже ничего не изменит.

(Вологда)

«ФРАНЦУЖЕНКА: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?»

«Все кричат - французженка, французженка! А по мне так нет нашей бабы лучше!» (Жванецкий, типичный мужчина). Сравнить женщин мужчинам нравится: японки-нежны, англичанки суховаты. Но я лично сравнивать себя с французженками не собираюсь. Потому что сегодня это мои соседки-приятельницы. Даже подруги уже появляются. Это на расстоянии хорошо сравнивать, а когда живешь рядом и обсуждаешь проблемы экологии или вежливо сплетничаешь про соседа с верхнего этажа, который, пока все уезжали на каникулы, залил все квартиры под собой, тогда уже не до сравнений - просто живешь и общаешься. Но первые контакты, конечно же, были наполнены огромным интересом: какие они - французженки? Во что одеваются, что читают, как воспитывают своих детей, как кокетничают - все было интересно. Благодаря мифу о французженках, подпитанному пикантностью анекдотов и окруженному непробиваемой стеной стереотипов, они казались супер-женщинами, остроумными, элегантными, не теряющими чувства собственного достоинства ни при каких обстоятельствах. В реальности многое перевернулось, не подтвердилось, но все же...

Начнем по порядку.

Одежда

Когда стало ясно, что едем жить во Францию, у меня началась лихорадка, я забегала как мышь по амбару. Это же Франция, а у меня ничего такого особенного из одежды нет!

Я покупала в бутиках какие-то джемперочки и брючки в обтяжку, но в глубине души была уверена, что во Франции это все будет смотреться, как бабушкина мода. И что же - я и моя дочь оказались просто уж чересчур элегантными среди толпы в спортивных куртках, вытянутых джемперах и в кроссовках. Это был период «О бэби, бэби!» Бритни Спирс и под шармом ее лицейского стиля оказались даже бальзаковские дамы. Скажу честно, мои надежды на высокий стиль и суперэлегантность были жестоко обмануты. Все были одеты совершенно безлико и одинаково спортивно-джинсово-кроссовочно. Глаз отдыхал только на старушках, сохраняющих верность лучшим принципам дома Коко Шанель - элегантность и чистота кроя. При этом всегда - свежеложенная прическа и элегантные туфельки на шпильках. Старушки во Франции - разговор особый. Я никогда не забуду престарелую прелестницу с клюкой, которая, блестя глазами, внимательно рассматривала выставленные во время Рождественских скидок кружевные трусики в витрине магазина женского белья.

Женщины были одеты так, как будто демонстрировали собственную усталость от любой моды: очень просто, удобно, бесцветно. Мне оставалось надеяться, что это ненадолго - на Западе особенно чувствуется, что мода-это сезонный каприз. И, действительно, сегодня спортивные костюмы наглухо забыты. Всюду - стремление к женственным воланам, кружевам и шитью. Юбки с развевающимися полами разной длины, брючки, украшенные поясами... Моя соседка снизу, Валери - сменив стиль, оказалась красавицей - высокая элегантная дама в длинной дубленке с отросшими рыжими волосами, как бабочка из кокона, вылезшая из одежек и манер спортивного коротко подстриженного подростка.

Внешность

Сначала я сказала, пожимая плечами: «А где же красивые женщины во Франции?» Бегают по улицам очень худенькие шустрые женщины с бойкими манерами и прокуренными голосами - совсем не этого я ждала увидеть. Притом совсем почти без косметики. А я то ожидала что-то вроде Манон Леско или Дамы с камелиями встретить возле старых дворцов и мостов Сены.

Теперь я уже не спрашиваю - красивых женщин во Франции достаточно. Только красота здесь - понятие другое. Это не смазливое личико с яркими глазками, губками и щечками. Здесь, во Франции это в первую очередь - внутреннее осознание себя как личности. Это есть почти в каждой французженке. Не знаю, насколько это связано с материальной независимостью женщин, но и в России, и в Латвии как-то чувствуется, что женщины больше зависимы от мужчин. Наш вечерний грим с утра, наша обувь на шпильках с утра до вечера - разве не от страха показаться непривлекательной и потерять, может быть, свой шанс, не понравившись какому-нибудь бизнесмену?

Французженки ценят себя, свое здоровье и удобства. Обувь на низком каблучке, отличного качества одежда, в которой содержание синтетики сведено до минимума, не поразят ничего воображения, но зато самим женщинам так удобно. Потому что ради богатого мужчины так стараться не стоит - здоровье здесь дороже. Но почти на каждую женщину, встреченную в Париже, где-нибудь в районе Опера, хочется оглянуться - больше такой нигде нет: свой стиль, свои чувства, свои разочарования.

Сексуальность

Сексуальность - нерв современной жизни во Франции. Сексуальна реклама, сексуальны ведущие передач, голоса метеокоментаторов, обложки журналов. Как могут женщины в сумасшедшем ритме здешней жизни быть сексуальными - для меня секрет. Для этого нужна огромная сила воли, по моему. Сексуальность здесь - из образа нимфетки. Подростковые узенькие бедра, маленькая грудь, чуть настороженный взгляд. Причем, вопреки Набокову, нимфетки во Франции - это не возрастная категория, а женское качество. Я встречала здесь старушек-нимфеток, морщинки которых казались просто какой-то ошибкой природы. Но это, конечно, не у всех француженок. Только что, отведя сына в школу, я поздоровалась с матерью его школьного приятеля. Натали - крупная женщина, мать троих детей, румянец во всю щеку и оптимизм. Чем не русская женщина из Брянской области?

Семья и дети

А это разговор особый. Во Франции ценят семейные узы! Это для меня было открытием. Есть пары, прожившие вместе до преклонного возраста, хотя, по моим подсчетам, их молодость пришлось на сексуальную революцию. В старых добрых французских кинокомедиях супружеская измена всегда производила меньше шума, чем потерянные ботинки, например. По этим кинокомедиям и судил наш народ за своим железным занавесом о нормальной жизни на Западе. Но оказалось все не так! Здесь есть любящие супруги, заботливые родители, воспитанные дети! Нормальная жизнь, которая отличается от кино в такой же степени, как и наша.

Друг нашей семьи лет 15 назад потерял свою жену в автокатастрофе. Она была красивой женщиной и талантливой художницей. Но самое главное для него было то, что она - его первая любовь и мать его двоих детей. Сегодня он женат во второй раз, но печаль, которая прорывается в его рассказах, ее картины и фотографии, развешанные по всему дому, всегда напоминают о его любви к ней - первой жене.

Мир чувств

В первый год жизни во Франции я ходила к психологу - просто чтобы войти в окружающую реальность и понять здешнюю жизнь. Наши беседы напоминали разговоры двух подруг где-нибудь на московской кухне в районе метро Преображенская. Говорили обо всем, что только взбредет в голову. Такая спонтанность бесед мне помогла открыть многие стороны французской жизни. А ей тоже было интересно узнать про русскую жизнь от русской клиентки.

И однажды мы заговорили о ценностях женщин. Я сказала, что сегодня многие русские женщины хотят получить хорошее образование и самореализоваться в своей профессии. Моя собеседница с удивлением посмотрела на меня: «А у нас во Франции все женщины хотят пережить настоящую любовь».

Святая правда. Я уверена, что если спросить кого-нибудь из моих приятельниц о цели жизни - она посмотрит на меня, как на сумасшедшую. Конечно, любовь! О ней грустят 13-летние девочки, о ней мечтают самостоятельные дамы, выбирая себе какую-нибудь необыкновенную одежду в бутике. Причем эти мечтательницы разделяют чувство и физиологию. Во Франции есть такое понятие: «парень на каждый день». Это вроде бы как: ты его не любишь, но тело своего требует. Такой антидепрессантный паренек, которого хоть в аптеке покупай, как прокладки.

И знаете, чем отличается франуженка в любви? Она не боится брать на себя инициативу, если чувствует, что у этого мужчины что-то теплится в сердце на ее счет. Это не манипуляции одиноких женщин, пытающихся охмурить какого-нибудь мужчину с приличным жалованьем. Нет, речь идет о чувствах - искренних чувствах, когда не знаешь, чем придется платить по счету - болью или нежностью в сердце. Я вижу, как умеют разговаривать со своим мужчиной француженки и как они умеют слышать его. Здесь, во Франции, я поняла выражение: «Самое сексуальное в женщине - это ее ум».

Самый главный враг

Это калории. Одна моя знакомая постоянно обедает листиком салата и обезжиренным йогуртом. Другая бегаёт по берегу реки. Самые преуспевающие фирмы здесь, по-моему, те, которые выпускают продукцию диетпитания или средств для похудения. Худеют все! Быть полным - опасно для здоровья и неэстетично! Но две или три толстушки, которые мне встретились во Франции, чувствовали себя прекрасно, по-моему, в силу того же чувства собственной значимости, которое, оказывается, присуще всем француженкам, независимо от веса. Итак, между женщинами из разных стран оказывается гораздо больше общего, чем между женщинами и мужчинами одной страны. Если опыт француженок пригодится кому-то из женщин в Латвии или России, они будут только рады этому.

Лион, Франция

ОЧАРОВАННЫЕ СНЫ

Марина Гусева родилась в деревне Липово Белозерского района Вологодской области, закончила педагогический институт. Живет и работает учителем в средней школе в поселке Кадуи Вологодской области. Возглавляет литературное объединение «Семизерье» при Кадуйской районной библиотеке. Автор книги прозы «Несостоявшийся рассказ».

- Трудно узнать Госпожу Истину, ее лицо открывается не каждому. Важно помнить, что для Истины нет ни прошлого, ни будущего, есть только настоящее. Как некий факт, который по нашей милости обрастает эмоциями, мнениями, часто предрассудочными и противоречивыми, и тем самым искажается. В результате у каждого своя правда, отстаивая которую, мы почему-то забываем, что Истина одна. Она неизменна. Неподвластна нашему восприятию. По крайней мере, именно такой она мне представляется. Хотя ты понимаешь, что мое мнение – это мнение дилетанта, основанное не на научных, а на личных наблюдениях. А я, как и каждый человек, могу ошибаться. – Екатерина Семеновна замолчала, отхлебнула из чашки и взглянула на меня.

Мы сидим на кухне теплым весенним вечером, пьем липовый чай. За окном суетятся воробьи, облюбовав старую березу, покрытую нежной зеленью. Налетает ветерок, раскачивает ее ветки, и солнечный луч, заглянувший на наше чаепитие, распадается на игриво прыгающих по столу солнечных зайчиков. Я предлагаю подлить горяченького, Екатерина Семеновна кивает головой и задумывается, помешивая в чашке, ложечку при этом держит двумя пальцами, слегка оттопырив мизинец. Из-за этой ее привычки мой муж называет нашу соседку чопорной. Я возражаю, мне нравятся наши нечастые, мирно текущие разговоры.

С Екатериной Семеновной я познакомилась, когда мы пересели в этот тихий приморский городок, зажатый с трех сторон невысокими горами. Она востоковед по образованию и одержима работой. Даже сейчас говорит со мной, а мыслями где-то далеко.

Всматриваюсь в лицо соседки. Сегодня оно отрешенное и необычайно бледное. Ни кровинки, говорят про такие лица в народе. Обычно живые, пронизательные глаза, словно подернулись пленкой, даже губы посинели. Я невольно поежилась. Перехватив мой взгляд, Екатерина Семеновна устало улыбается.

- Все в порядке. Леночка, просто я немного устала.

Она перевела взгляд на свою чашку и замерла, оставшись наедине со своими мыслями. В воздухе повисла неловкость. Екатерина Семеновна первая нарушила молчание. Когда она заговорила, слова ее показались мне странными.

- Истина! – произнесла она и усмехнулась. – Да, Истина бесстрашна. Кто из нас не хотел бы видеть ее лицо? Но, как знать, готовы ли мы к этому испытанию. Для меня Истина – покой.

- Покой? – поразила я.

Екатерина Семеновна резко перегнулась через стол, схватила меня за руку. На щеках ее выступил лихорадочный румянец. В голове моей промелькнула мысль: не больна ли она? Так необычна и несвойственна всегда рассудительной и спокойной соседке была горячность ее слов.

- Покой, моя хорошая, покой. Что может быть необходимей и желанней душе нашей? Вся эта суета, чувства, страсти – ничто в сравнении с Вечностью. Что такое человек – букашка под пятой времени и обстоятельств. Кто и что решает раздавить или помиловать? Для чего мы существуем? Неужели только для того, чтобы погрязнуть в буднях? Оглянись, много ли пользы от человека. Где наш хваленый разум? Для чего живешь ты? Для чего живу я? Суетимся, бегаем, любим, ненавидим. Ну, зачем? Скажи на милость, зачем? Зачем существовать, не видя, не слыша даже себя, не говоря уже – других. Не лучше ли остановиться, замереть, ощутить покой?

Она замолчала и, отпустив мою руку, выпрямилась. Вероятно, вид у меня был преглупый, поэтому, когда Екатерина Семеновна снова заговорила, голос ее звучал мягче, речь стала более плавной.

- Я испугала тебя? Извини. Мне давно следовало объяснить тебе все. Видишь ли, это началось еще осенью, полгода назад. Тогда в мои руки попала прелюбопытная тетрадь. Опущу детали ее появления у меня, скажу только, что когда я увидела этот истлевший набор бумаг, беспричинно заволновалась. Тетрадь была обмотана бечевкой, на которой оказался небольшой нательный крестик. Я освободила ее, мне показалось ... Нет, не бред!

Облизнув пересохшие губы, Екатерина Семеновна впиалась в мое лицо глазами, странно заблестевшими в сгустившихся сумерках. Почувствовав, что тело мое немеет, а в душу закралось беспокойство, я машинально повернула выключатель. Вспыхнувший свет ударил Екатерину Семеновну. Она поспешно закрыла лицо дрожащими руками. Я не посмела нарушить наступившее молчание. Когда соседка опустила руки, лицо ее было усталым, даже изможденным. Пытаясь как-то поддержать разговор, я спросила, что было в тетради.

- В тетради? – вздрогнула она, - да так... Ничего особенного: предания, заговоры, рецепты напитков и ... небольшой кусочек кожи, заложенный между страницами. Тот, кто писал на нем, видимо использовал вместо чернил кровь. Небольшое четырехстишие. Странная смесь греческого и старославянского, совершенно лишённые смысла слова.

Екатерина Семеновна снова замолчала, испытующе посмотрела на меня. Убедившись в моей заинтересованности, кивнула головой и неожиданно издала серию странных звуков, похожих на какую-то мелодию, что-то среднее между пением и свистом, шепотом и всхлипыванием. Лицо соседки озарилось, какая-то неведомая сила овладела ею. Меня охватил страх. Попыталась остановить ее, но не могла, из горла вырвались не слова, а сдавленный стон. Колдовское очарование заговора овладело не только Екатериной Семеновной, но и мной. Не знаю, как долго длилось наше гипнотическое состояние. Что-то сдавило мне грудь, и я на миг потеряла сознание. Видимо, падая, я наделала шума. Очнувшись, я увидела Екатерину Семеновну, склонившуюся надо мной. Она выглядела испуганной. Помогла мне подняться, налила чаю, виновато улыбнулась. Я тоже почувствовала себя неловко, извинилась, ссылаясь на легкое недомогание и духоту. Попросила не придавать этому нелепому обмороку никакого значения и продолжить свой рассказ. Екатерина Семеновна села напротив меня, неуверенно улыбнулась.

- Знаешь, как бывает, когда в душу закрадывается мелодия? – спросила Екатерина Семеновна. Я кивнула и она продолжила: - Ты будешь напевать ее, независимо от того, где находишься, чем занята. Я твердила эту звуковую бессмыслицу весь день и чувствовала, что фальшивлю. Мелодия не давалась мне. Только вечером, когда я ложилась спать, у меня, как мне показалось, получилось: чисто и правильно. Помню, мелодия показалась мне не лишённой очарования, какой-то значимости. В тот день я очень устала, засыпая, подумала: «Как хорошо - тишина и покой». Мне приснился сон. В эту ночь я впервые попала туда. Все краски блекнут, теряются при одной попытке объяснить: что это такое. Думаю – это Гиперборея, причем в самом своем расцвете – в Золотой век. Я подумала тогда – это Рай.

На лице Екатерины Сергеевны появился страх, но тут же пропал, взгляд ее замер, словно она уснула с открытыми глазами. Мне стало не по себе, я протянула руку, чтобы разбудить ее, привести в чувство, но голос Екатерины Семеновны остановил меня.

- Яркое солнце. Чудное пение птиц. Ощущение блаженной усталости. Лежу на теплом песке, а ласковая волна обнимает плечи...

Я схватила Екатерину Семеновну за рукав халата. Выйдя из транса, она удивленно взглянула на меня.

- Это сон, - попыталась успокоить я соседку.

- Да, сон, - согласилась она. – Знаешь, и я тогда подумала: «Это сон». А во сне нет и не может быть запаха. И в следующий миг произошло что-то странное. Рай замер, как будто чья-то невидимая рука остановила кадр. Затем последовал сильный удар. Яркое вспыхнуло в глазах, я проснулась. Сердце бешено билось, грудь болела. Помню, решила тогда, что сон очень похож на галлюцинацию, вероятно, это был результат переутомления. Я последнее время много работала.

Неожиданно, без всякого перехода, Екатерина Семеновна заговорила о своей, только что законченной работе «Роль богов в жизни римлян». Я обрадовалась такому повороту в нашем разговоре. Мы обсудили детали и расстались, довольные собой, друг другом и этим теплым весенним вечером.

Но, странно, предчувствие надвигающейся беды не оставляло меня в последние дни. Чтобы я ни делала, беспокойство преследовало меня с удивительной настойчивостью. Наконец, вечером, ложась спать, я решила, что завтра непременно зайду к Екатерине Семеновне.

Рано утром в дверь позвонили. На пороге стояла бледная, испуганная соседкина дочь Ольга. Едва взглянув на нее, сразу поняла – свершилось.

Екатерина Семеновна отошла тихо во сне. Приехавшие по нашему вызову врачи определили остановку сердца. Похороны прошли, жизнь потекла своим чередом. Но я стала замечать, что все чаще мысли мои возвращаются к последнему разговору с соседкой, и к ее жуткой, но в то же время притягивающей полуулыбке, озарившей предсмертный сон Екатерины Семеновны. Я гнала воспоминания. И когда месяц спустя Ольга принесла мне чемодан с бумагами, оставшимися после

матери. я не сразу решилась открыть его. Среди книг и черновых записей оказалась древняя, изъеденная молью рукопись. То, что это та самая тетрадь, я поняла, как только увидела ее. По телу пробежал холодок, и я, не без колебаний, взяла рукопись. Можете представить мой ужас, когда я почувствовала, что от полустлелешего кожаного переплета повеяло теплом протянутой для рукопожатия, руки. Голова закружилась. Стена справа от меня как бы растворилась, и я ясно увидела залитую солнцем поляну. До слуха донеслось пение птиц и шум прибоя. На меня нахлынуло непреодолимое желание пробежать босыми ногами по траве, почувствовать ее живительную прохладу и упругость ггибающихся стеблей. Я протянула руку и ощутила тепло солнца, вдохнула свежесть моря, и шагнула. Что-то с силой ударило меня в грудь. Когда очнулась, наваждение исчезло. От удара болела голова и мутило. Огляделась, тетрадь лежала у стены. Я уставилась на нее с суетверным страхом.

В тот же вечер я сожгла рукопись. С превеликой осторожностью, стараясь не прикасаться к тетради, поддела на совок и – в ведро. За нашим домом есть небольшой пустырь, поросший редким кустарником. Одной спички хватило, чтобы истлевшие листья вспыхнули. Мною вдруг овладело беспокойство, быстро переросшее в панику. Я бросилась домой и свалилась без чувств, едва переступив порог квартиры.

Несколько дней после этого проболела, врач сказал, что это упадок сил. Муж удивлённо пожал плечами, но с завидной долей беспокойства ухаживал за мной.

Выздоровев, я не сразу решилась идти на пустырь за брошенным там ведром. Меня мучили противоречивые чувства. Стало казаться, что я сделала непростительную глупость, когда сожгла рукопись. Что по моей вине человечество утратило Нечто. Но в то же время в глубине души зародилась уверенность в правильности моих действий. Да, иначе поступить было нельзя.

Я заглянула в ведро и обомлела. Никакого намёка на то, что в нём что-то жгли: ни копоты, ни сажи. Моё давно уже не новое ведро внутри блестело, как зеркало. Захотелось поскорее уйти. Я так торопилась, что почти бежала. Нервы были напряжены. Возникло ощущение, что кто-то смотрит мне в спину. С трудом заставила себя повернуться. На пустыре никого не было. Колени противно задрожали. Я побежала. Ветер, неизвестно откуда взявшийся, донёс до меня тихий смех. Впрочем, это вполне мог быть шелест листы или шутка моего ещё не окрепшего после болезни воображения. А потом пришли сны. Они совпали с отъездом мужа и детей. Вечером, выключив свет, я физически ощутила, как темнота прыгнула и вдавила меня во что-то вязкое, черное. Мне приснилось: я стою в комнате, на том самом месте, куда бросила злополучную тетрадь. Тихо кругом, ни единого звука с улицы. Вдруг из-под моих ног начинает бить фонтан грязи. В следующее мгновение я понимаю, что стою в болоте, и оно разрастается с невероятной быстротой. Ещё миг – и я проваливаюсь в трясину. Меня начинает засасывать. Я кричу, но не слышу своего голоса, царапаю мягкую грязь в отчаянной попытке выбраться. Что-то тяжёлое наваливается на плечи и давит шею. Чувствую, что от ужаса теряю сознание, а вместе с ним и способность сопротивляться. Что-то пытается раздавить меня. Вдруг яркая вспышка перед глазами. Задыхаясь, рвусь из последних сил.

Я в своей комнате и могу поклясться, что в ней омерзительный запах гнили. Здесь кто-то есть, ощущаю чьё-то дыхание. Из-за дрожи в руках с трудом нахожу и поворачиваю выключатель. Комнату залил тёплый свет. Слава Богу, это всего лишь сон. Просто кошмарный сон. Никогда больше не буду есть мясо на ужин. Даже в пот бросило. Но что это? Отчётливо различаю грязь под сломанными ногтями. Больше я не уснула.

Рассвело, и при дневном свете все мои ночные переживания показались нереальными и даже смешными. Вспомнила, что накануне пересаживала цветы. Вероятно, тогда и обломала несколько ногтей. И этот пустяк чуть ли не свёл меня ночью с ума! Весь день я посмеиваюсь над собой. Но с приближением вечера почувствовала беспокойство. Свет не решаюсь выключить. И странно, едва коснулась головой подушки, как провалилась в пустоту.

Снова задыхаюсь от страха и слабёю. Что – то настойчиво давит меня. Я чувствую его бешеную злобу. Удар в грудь – и меня отпускают. Вспышка света. Я просыпаюсь.

Сердце рвётся, глаза заливают пот. Моя шея! Губы замирают в немом крике. Не сразу понимаю, что в зеркале – я. Лицо посинело и опухло, в глазах ужас, вокруг шеи страшный багровый рубец. В голове возникла, перерастая в панику, жуткая мысль. Сон реален! Нет, этого не может быть. Нужно успокоиться, всё это просто бред.

Стараясь не обращать внимания на боль, исследую шею. Что могло оставить такой страшный след? Скорее всего, бечёвка от нательного креста. Я осторожно распутываю верёвочку, смазываю шею и вдавленный на груди отпечаток.

Чтобы как-то успокоиться, пью валерьянку. Согрев чайник, завариваю себе крепкий чай. Чуть больше месяца назад мы сидели с Екатериной Семёновной за этим столом. Стоп, как она тогда сказала? «Меня поразила обмотанная вокруг рукописи бечёвка, на которой оказался небольшой нательный крестик...»

Крестик? Догадка поражает меня.

Все, что я делаю дальше, похоже на продолжение кошмара, вернее на попытку убежать от него. Долго и горячо молюсь, с надеждой вглядываюсь в глаза Богоматери. Я уже приняла решение.

Труднее будет объяснить родным, но я не отступлю. Так ослабла за эти ночи, что с трудом переставляю ноги, ещё немного - и я у цели. Господи, что это? Смех, тот самый смех, тихий и жуткий. Собираю всё своё мужество, чтобы заставить себя повернуться. Никого. Унылая дорога тянется к горизонту, где в предутреннем воздухе едва угадываются смутные очертания моего городка. Надо идти, ещё не поздно. Последний поворот - и передо мной долина, моё спасение.

Силы покинули меня. Опускаюсь на траву и до боли в глазах смотрю на золотёные купола монастыря. Медленно поднимается багровый диск солнца, бросая кровавые блики на землю.

Кадуи-Вологда

Татьяна КАЛАШНИКОВА

СОВМЕЩАЮ НЕСОВМЕСТИМОЕ

Моя биография весьма проста и, наверное, похожа на биографию любого, появившегося на свет в шестидесятые. Родилась 2 декабря 1965 года на Полтавщине (Украина) в русской интеллигентной семье. Ребёнком была темпераментным, неусидчивым, упрямым. Со слов мамы, все попытки применения жёстких мер воспитания были заранее обречены на провал, - ни слезинки, ни тени раскаяния. Детский сад, школа. Сверстники уважали и побаивались (второе по причинам, лично для меня необъяснимым). Никогда не была излишне агрессивной. Но четко очерченную мною линию недопустимого перешагнуть никому не позволяла. В силу своей мнительности и большой восприимчивости тяжело переживала страдания и комплексы других людей. После школы поступила в Киевский Госуниверситет (на факультет кибернетики). С этого началась сумбурная, переполненная событиями и эмоциями, киевская эпоха в моей жизни. Много думала и анализировала, много читала. Была интересным рассказчиком. На фоне своей вечно детской внешности удивляла собеседников философскими рассуждениями. Окончила университет со специальностью "теория вычислительной математики".

Замужество, дети (три сына Илья, Даниил, Иван), - куда же деваться, женщина. Перестройка, круто изменившая весь ход событий в стране и наших судьбах.

Занималась крупным бизнесом, что было жестоким насилием над моей природой, но помогало держаться на плаву. В настоящее время живу за границей. Пытаюсь совмещать несовместимое (ну, или почти несовместимое), - литературную деятельность и управление Базами Данных в Oracle.

Что касается моего литературного пути, то свой первый стих написала в 12 лет, болезненно переживая большую и недетскую любовь в маленьком детском теле. После писала редко, не придавая этому занятию серьезного значения... Но, как говорится, времена меняются... Автор двух сборников стихов, один из которых был издан на Украине (1999) и получил весьма лестный отзыв членов Союза Писателей Украины, другой готовится к изданию в настоящее время. Опубликована в сетевом "Русском переплете"

Оттава, Канада

Татьяна КАЛАШНИКОВА

«Я – СЧАСТЛИВАЯ»

Пожалуй, это был один из тех последних теплых осенних деньков, когда предчувствие долгой суровой зимы выманивает нас куда-нибудь в парк или редкий лес, где желто-бурый густой слой сухих листьев на не вымерзшей, все еще зеленой траве приковывает взгляд своей пестротой, а вдохновенный запах осени порождает удивительное чувство покоя и желание просто молчать и слушать монотонный шелест листьев под ногами. Рита теперь предавалась именно этому дивному состоянию бездумия. Заброшенный парк в старой части города, излюбленное место прогулок, открытый Ритой еще много лет назад, казался, вместе с ней, проходит вечные стадии земного существования всего живого, сначала взрослея, медленно разрастаясь вширь и ввысь, а затем начиная потихоньку стареть то повалившимся высохшим деревом, то полуразрушенной дождями и ветрами гипсовой статуей рядом с зеленой парковой оградой из выродившихся пихт.

В душе Риты еще горчил осадок от утренней ссоры с мужем, и она старалась гнать прочь навязчивый вопрос, все чаще всплывающий на поверхность ее сознания, вопрос о том, счастлива ли она на самом деле.

Жизнь сорокадвухлетней Риты была, как считала она сама, вполне типичной, и больших причин сетовать на судьбу Рита не видела. И все же что-то произошло за последние три-четыре года, натянувшее на ее лицо несъемную маску усталости, а потускневший взгляд когда-то озорных зеленых глаз заметно старил ее. «Что же изменилось? И когда все это началось?», -- классическая мысль о том, что корни всего происходящего ныне следует искать в прошлом, уже не раз находила свое подтверждение и в жизни Риты.

Незаметно погружаясь в состояние тихой задумчивости, Рита вынимала из плотно заполненного сундучка своей памяти бережно хранимые там картинки и безделушки. Вот она быстро не без удовольствия перелистала книгу ее успехов и побед, потом стала с нежностью рассматривать черно-белые фотографии старых друзей и родных... Ее взгляд задержался на фотографии отца, сидящего за большим обеденным столом, живо жестикулирующего руками. Этот случайный кадр возвратил Риту в пору ее многословно-рассеянного детства, символами которой были хронически незаживающие колени и хронически-воспаленное, скрываемое от взрослых, чувство оценки их поступков. Собственно, эта оценка не была чем-то специальным и занятным для быстрого Риты, это было, скорее, чем-то происходящим на уровне эмоций, но почему-то запоминающимся своим горьким привкусом.

«Да, теперь я хорошо помню, - тогда за столом я, обиженная на родителей, кажется за то, что заставляли есть, назвала их плохими людьми (Господи, как легко нам, несмышленным, выплескивать свои огорчения, не задумываясь над тем, что на самом деле стоит за употребляемыми нами словечками). Папа с мамой растеряно переглянулись. А потом мама сказала, так уверенно внушительно сказала, что стало совершенно ясно, - она знает это точно: «Рита, если бы все люди были такими «плохими», как мы с отцом, мир был бы близок к совершенству». Машины взрослые речевые обороты были не совсем понятны мне тогда, но слова эти я запомнила на всю жизнь... О, а вот выпускной альбом. Не люблю эту прическу, а тогда нравилось, модно было. И другим нравилась, многим нравилась. Сколько сказочных комплиментов просто на улице, от случайных незнакомых мужчин. Помню каждое слово. Так приятно было! Потом смотрела на себя в зеркало, пытаюсь понять, что же их так взволновало. И говорила себе: «Я - счастливая! Такие родители! Такие комплименты! А сколько мыслей передумано и тщательно разложено по полочкам подсознания. Определенно счастливая...» А эти фотки не нравятся моему мужу. Оно и понятно - здесь кучка моих романов. Я была горда их любовью... И была счастлива своими молодостью и силой. Переживала как все, страдала, мечтала, желала... Потом встретила его, Анатолия. Позвольте представить: Анатолий - мой муж. Он был чист и постоянен. Постоянен во всем. Консерватизмом это называется. Великолепное, я вам скажу, качество - человек всю жизнь любит одну женщину и моет голову одним шампунем. Именно это постоянство сыграло свою решающую роль. Я стала его женой, несмотря на ту огромную социальную пропасть, которая нас разделяла. И мысленно повторяла снова и снова: «Я - счастливая. Я не предала. Я вошла в семью, которая всей своей сутью душист меня. Но, в конце концов, я же выходила замуж не за родных Толика, а за него, за него. Он - совсем другой, он - белая ворона в его семействе. И тоже заслуживает счастья».

Душно было, пока не переехали в свою первую отдельную квартиру. А потом и вовсе стало дышать нечем. Казалось, Анатолий, вывез в себе самом все удушье последних семи лет нашей жизни под одной крышей с его родными. Потом стало очевидным, что ничего он не вывез, это - всегда было, это - он. А она все повторяла: «Я - счастливая. У меня хорошая семья. Мы столько лет вместе. А

если, что-то иногда и не клеится, так ведь жизнь... Любownik (Кириллу не нравилось, когда я так его называла, он предпочитал классическое «любимый человек», что, впрочем, как раз и отражало мое к нему отношение), любимый всегда рядом. Я - самая счастливая». На этом снимке мы все вместе. Кирилл с Толиком часто ездили играть в теннис, иногда и меня брали с собой. Они - старые друзья. Типичная ситуация: лучший друг мужа - любовник жены. А это я на велике, улыбка до ушей. Мама говорила, что все отдала бы только за то, чтобы видеть тот счастливый свет в моих глазах. Она увеличила эту фотографию и повесила у себя в спальне... Но нет ничего вечного. Кирилл женился и переехал в другой город. Это было разумно, лучше для нас обоих. Я стала плаксивой, раздражительной... А потом, однажды посетив врача с частыми приступами мигрени, даже не заметила, как, переходя из рук в руки то одного, то другого специалиста, постепенно привыкла к чувству (да-да, именно, к чувству) больного человека... И все же, расцеловав вечером перед сном дочурку Анютку, снова повторяла: «Господи, какая же я счастливая! Моя Анютка, сердечко мое, душечка. Муж - прекрасный человек. Он все также любит меня и все также моет голову одним шампунем».

«Я - счастливая», - еле слышно произнесла Рита, обращая взгляд куда-то к верхушке старой рябины, слегка сторбившейся под весом густо насаженных на ее ветви сочных гроздьев, и грустная улыбка на мгновение расправила глубокую морщинку хмурости, поселившуюся над левой бровью Риты пару лет назад.

Рина КОНДРАШОВА **«ХВАТИТ, НАПЛАКАЛИСЬ!»**

Окончила Таллинский университет, работала в области промышленного дизайна. С Вологдой Рину связывают родители. Автобиографическая повесть "Самая родная" - литературный дебют. Это история о девочке Аленке, которую усыновили и полюбили как родную. В публикуемом отрывке разыгрывается драма: родная мать возвращает себе дочь по суду и "неродная" вынуждена уступить...

...В квартире без Аленки стало непривычно тихо. Прошло уже две недели, как она жила у своей родной матери. Вовка пропал на улице. Валентина вся ушла в шитье, чтобы отвлечься от своих горьких мыслей. Боль в сердце от разлуки с дочерью все не утихала... Это горе было для нее глубоко личным, и она ни с кем не хотела им делиться. Мужа рядом не было, кому она могла бы излить свою душу... Его она ждала с нетерпением и страхом одновременно. От Василия пришло уже три письма, на которые Валентина сразу ответила, но не написала ни строчки о том, что произошло в его отсутствие - рука не поднималась.

В этот день Валентина задержалась на работе дольше обычного: работы на стройке велись в две смены. Строительный участок находился вблизи старого русла реки Нарва. Закончив дела, Валентина отправилась домой привычной дорогой. Не спеша, она шла вдоль берега, с тоской глядя в сторону Ивангорода, где теперь жила ее Аленка. Взгляд ее скользнул вниз, вдоль каменистого дна высохшей реки. Вдруг сердце ее так и скнуло. Она увидела внизу двух девочек, в одной из которых сразу узнала свою Аленку: вторая девочка была, конечно же, ее сестра Лера. "Боже мой, - ужаснулась Валентина, - как они туда попали?" Быстрым шагом она направилась вдоль берега. Берега здесь были достаточно высокие и крутые. Валентина еле отыскала более-менее пологий спуск с тропинкой.

Девочки были так увлечены своим занятием - перескакиванием с камня на камень через многочисленные ручейки - что заметили Валентину, когда она подошла к ним совсем близко.

- Кто это разрешил вам здесь гулять, а? - строго спросила она сестренку.

Аленка, увидев маму, страшно испугалась, растерялась и обрадовалась одновременно. Испугалась того, что они с Леркой "попались". Им, конечно, никто не разрешал гулять здесь. Растерялась, потому что никак не ожидала увидеть маму. Обрадовалась, что ее мамочка наконец-то приехала! Аленка застыла на месте, хлопая виноватыми глазенками, и ждала, когда взгляд мамы, наконец, потеплеет и можно будет смело броситься к ней в объятия. Лера тихо стояла в сторонке и молча наблюдала за происходящим: вид у нее тоже был довольно испуганный. Валентина подошла к Аленке, строго осмотрела ее со всех сторон и стала отряхивать девочку от пыли, выговаривая при этом:

- Ты только посмотри на себя, какая ты грязная!

Аленка, действительно, была опять вся грязная, чумазая, сандалии одеты на босу ногу, свитерок поверх платьишка весь перекошен.

- Где твой носовой платок? - спросила Валентина ее все тем же нарочито строгим голосом.

- А... нету, - робко ответила девочка и пожалала плечами.

Валентина шила Аленке все платьица с кармашками специально для того, чтобы было, куда положить дочке носовой платок. Но на сей раз в Аленкиных карманах было все, что угодно, кроме носового платка. Валентина достала свой и стала вытирать Аленке грязь с лица, рук, ног...

- Вся в синяках! Боже мой! - воскликнула она и сокрушенно покачала головой.

На глазах у Аленки блеснули слезинки, но она боялась расплакаться под строгим маминым взглядом. Девочка могла бы рассказать, откуда у нее эти синяки, но брат отучил ее ябедничать. Правда, Аленка вовсе не собиралась утаивать того, как ей плохо жилось у маминой знакомой, но обо всем этом она хотела бы рассказать маме не здесь, не в присутствии Лерки, а дома. А рассказать ей надо было много...

Аленка все еще обижалась на маму за то, что она так внезапно уехала и даже не попрощалась с ней. Аленка проплакала тогда не один день! Но это еще ладно! Мама тоже, нашла у кого ее оставлять! Эта нехорошая тетя стала говорить Аленке, что именно она и есть ее мама. Если бы еще в шутку... А то она заставляла Аленку еще и называть ее "мамой", и придумала ей какое-то дурацкое имя - "Галя"! И Лерка звала ее Галькой! Первое время Аленка бунтовала и поправляла обеих, но потом устала и плюнула на все. Она возненавидела и свое новое имя, и мамину знакомую, которую стала называть про себя не иначе, как "теткой Веркой", а вслух - вообще никак не называла, и уж тем более "мамой".

Как Аленка ждала, чтобы ее поскорее забрали ее от этой злой и противной тетки Верки! Она не верила ни единому слову, что бы та ей ни говорила. И вот, наконец, мамочка приехала и пришла за ней! Только не совсем понятно мамино поведение. Конечно, она сознавала, что мама застала ее не за лучшим занятием для девочки. И опять она была грязной, за что мама тоже никогда не гладила ее по головке. Но ведь они так давно не виделись! Аленка терпеливо ждала, когда мама сменит свой гнев на милость, и они поскорее отправятся с ней домой, подальше от Лерки и ее нехорошей мамы.

Валентина взяла сестренку за руки, отыскала глазами тропинку, по которой, вероятнее всего, девочки спустились вниз, и повела в сторону этой самой тропинки. Она помогла девочкам подняться наверх, после чего сказала им все тем же строгим голосом:

- Так, а теперь уходите отсюда и чтобы больше сюда ни ногой! А то не только в синяках все будете ходить - руки и ноги себе пообломаете.

Ей стоило невероятных усилий сдерживать свои истинные чувства, раздирающие ее материнское сердце. Она сознавала, что поступает жестоко. Вместо того, чтобы обнять и расцеловать свою Аленку, она прогнала ее от себя, не подарив ей даже ласкового взгляда на прощание. Не хотела она показывать ей своего настоящего отношения, будь то любовь, жалость или даже просто сочувствие - не имела на это больше никакого права.

Ничего не понимая, Аленка не трогалась с места и смотрела на маму округленными от удивления и растерянности влажными глазами. Одна слезинка несмело скатилась по ее щеке. Девочке стало казаться, что это происходит с ней во сне. Валентина почувствовала, как предательский ком снова подкатывает к ее горлу, и что она сама вот-вот разрыдается.

- Я кому сказала? Сейчас же уходите отсюда прочь и никогда здесь больше не появляйтесь! Здесь не место для прогулок, тем более для девочек, - как можно строже сказала она сестренкам, сцепила их руки вместе и легонько подтолкнула в направлении их дома.

Сама же, не в силах больше сдерживаться, резко повернулась в противоположную сторону и быстрым шагом пошла по направлению к мосту.

Лера, крепко схватив сестру за руку, потащила ее домой. Аленке ничего бы не стоило вырваться от Леры и убежать обратно к маме. Но то, как мама вела себя с ней - холодно и неприступно, как будто она была ей совсем чужая, - удерживало девочку от этого шага. Аленка никак не могла понять, что случилось с ее доброй и ласковой мамочкой? Сколько раз она приходила домой

не в лучшем виде. но мама никогда не вела себя с ней вот так! Только поругает немного и все. "Может мама решила наказать меня за плохое поведение?" - размышляла про себя девочка. - Она все равно придет за мной, только попозже...»

- И чего я тебя послушалась и полезла с тобой туда вниз? - между тем ворчала Лера на свою сестру. - Вот если тетя Валя расскажет маме про нас, нам здорово влетит! - и молча про себя подумала: - «Хорошо еще, что она не увела Гальку с собой. А то бы мама меня прибила».

Уже подходя к своему бараку, Лера предупредила сестру:

- Только не говори маме, что мы видели тетю Валю, а то она еще спросит, где мы ее встретили.

- И никакая она ни тетя Валя, - очнувшись от своих раздумий Аленка, - а моя мама! И скоро она придет за мной и заберет домой!

- Аха, жди! - съехидничала Лера. - Никакая она тебе не мама! И не придет она за тобой! Если она твоя мама, почему она тогда не забрала тебя сразу там, на берегу?

- А потому что... не могла, - неуверенно сказала Алёнка.

Двор гудел от голосов ребятни: девочки играли в свои игры, мальчишки - в свои. Домой идти было еще рано. Лера повела сестру к компании девочек, которые прыгали по расчерченным мелом квадратикам на асфальте. Аленка не стала занимать очередь на «классики» - ей было сейчас не до того. Она села неподалеку от девочек на лавочку и стала с нетерпением выглядывать свою мамочку, которая, как она считала, вот-вот должна прийти за ней. Увидев ее сегодня, девочка теперь и мысли не допускала возвращаться к ненавистной тетке Верке. Время для Аленки тянулось бесконечно долго. "Мамочка, ну где ты, ну где ты?" - беспокоилась она, теряя уже всякое терпение. Но мама все так и не появлялась...

«Ни за что не вернусь к тетке Верке!» - упрямо твердила про себя девочка.

И вдруг в один момент она поняла, в чем дело: ее бедную мамочку заколдовали! Как же она сразу не догадалась!

Брат ей читал как-то про Снежную Королеву, Аленка вспомнила старую сказку - как она переживала за Кая, за его сестру Герду, которую Кай никак не хотел узнавать... И как она радовалась счастливому концу этой истории: Герда благодаря своей горячей любви сумела расколдовать сердце Кая, которое уже было не сердцем, а кусочком льда...

«Маму тоже кто-то заколдовал! А я ее расколдую!»

В ее кудрявой головке неожиданно появилась дерзкая мысль: не ждать больше, пока мама придет за ней, а бежать домой и сейчас же! Аленка помнила, с какой стороны они с мамой подошли к этому дому, и что переходили мост, на котором она прыгала и проверяла, как он раскачивается от ее прыжков. Она не помнила в точности, какой дорогой они пришли сюда, но не сомневалась, что найдет ее. И потом, она хорошо знала свой адрес. Он был очень простой: улица Ленина, дом номер пять. Аленка нетерпеливо ерзала на месте, обдумывая, как бы ей улизнуть незаметно от Лерки и придумала.

- Лера, - отвлекла она на минутку сестру, - у меня живот болит. Я пойду схожу в уборную...

Для убедительности хитрая Аленка схватилась за живот и скорчила мученическую гримасу.

- Ладно, иди, - хмыкнула Лера и предупредила: - Только без меня домой не ходи, а то ляпнешь там чего-нибудь лишнее.

Лера снова вернулась играть в свои «классики», а Аленка, продолжая держаться за живот, потрусилась к уборной. Удобства для жильцов всех трёх барачков были устроены на улице. Вокруг барачков также было настроено множество сарайчиков с навесами. В сараях люди хранили всевозможные заготовки: квашеную капусту, клюкву, моченую бруснику и так далее - а также всевозможный хлам. Под навесами хранили дрова.

Прячась за сарай и навесы, Аленка сумела незаметно улизнуть со двора и со всех ног помчалась как можно дальше от ненавистного ей дома. Увлеченная своими "классиками", Лера хватилась своей младшей сестры, когда та была уже далеко.

Перебежав по висячему мосту на нарвскую сторону, вся запыхавшаяся, Аленка стала крутиться на одном месте, соображая, куда, в какую сторону ей бежать дальше.

- Девочка, ты случайно не потерялась? - спросила ее одна добрая тетя.

- Я маму потеряла, - созналась Аленка.

- Где же ты ее потеряла, на той или на этой стороне моста? - участливо спросила женщина.

- На этой, - живо ответила та.

- И давно ты ее потеряла?

- Да... не знаю... - растерялась девочка.

- А свой домашний адрес ты знаешь?

- Знаю! - радостно воскликнула Аленка и назвала доброй женщине адрес.

- Далековато ты убежала от своего дома. Пойдем, милая, я тебя провожу.

Аленка старалась идти как можно быстрее, опасаясь за собой погони.

- Торопишься? Боишься, что мама ругать будет? - спросила женщина, снисходительно улыбаясь.

- Ага...

- Не бойся, мама рада будет, что ты нашлась.

Они поравнялись с большим гастрономом, в который Аленка неоднократно заходила вместе с мамой и который сразу узнала.

- Спасибо, тетенька, - обрадовалась она, - я теперь знаю дорогу! До нашего дома отсюда недалеко, я добегу сама.

- Я тебя только переведу через дорогу, - сказала женщина, - и отпущу.

Крепко держа Аленку за руку, чтобы та не вырвалась и, не дай Бог, не попала под машину, она перевела ее на другую сторону и только тогда отпустила ее руку.

- Ну, теперь беги, милая, - сказала женщина и, улыбнувшись, добавила: - Не уплыви только.

Аленка рванула с места и помчалась со скоростью к своему дому. Она пронеслась мимо всех своих дворовых друзей (брата во дворе видно не было), вбежала в центральный подъезд и остановилась перед дверью своей квартиры...

"Только бы мама пустила меня, - думала она, - только бы открыла! Я помогу, я расколдую..." Аленка так верила!

Уже несколько раз она заносила руку вверх, чтобы постучать в дверь (до звонка она еще не дотягивалась), и всякий раз у нее не хватало на это смелости. "А вдруг мама на меня еще сердится и отправит меня назад?" - страшно волновалась она, боясь вновь увидеть маму строгой и чужой. В конце концов, маленькая беглянка отважилась и постучала, правда, очень робко, едва слышно. За дверью было тихо... Аленка немного подождала и постучала второй раз...

А Валентина сидела в кресле у себя в комнате и тихо плакала, прокручивая в своей памяти уже в который раз, сегодняшнюю встречу с Аленкой. Она была дома одна, Володя гулял на улице. Вдруг ей послышалось, что кто-то постучал в дверь. Она быстро вытерла слезы и немного привстала, чтобы, в случае повторного стука, пойти открыть дверь. "Да нет, почудилось... Это у меня уже нервишки шалят", - подумала Валентина, выждав некоторое время. Она тяжело вздохнула и уже хотела опуститься в кресло, как снова услышала негромкий стук в дверь. "Так может стучать только Аленка! Особенно, когда натворит что-нибудь!" Валентина сорвалась с места и выбежала в коридор, но перед самой дверью остановилась, решив дождаться еще одного стука. Она все не верила, что это может быть ее Аленка, и испугалась за себя, что потихоньку сходит с ума. Она дрожащей рукой схватилась за дверную ручку и застыла в немом ожидании...

- Мамочка... - послышался за дверью тихий жалобный голосок.

Валентина быстро повернула замок и распахнула дверь - перед ней стояла ее Аленка! Вся мокрая, бледная, похожая на побитого воробышка, она стояла, вся сжавшись в комок от страха, что мама ей или не откроет дверь... и тихо смаргивала слезинки.

- Мамочка... - повторила Аленка жалобным голосочком, хлопая мокрыми от слез ресницами.

- Алечка, родная моя! - воскликнула Валентина и бросилась к дочке. - Боже мой! Да как же ты?!...

Очнувшись Аленка уже в своей комнате, на своей кровати... Рядом сидела мама и с тревогой и беспокойством смотрела на нее.

- Как ты себя чувствуешь, Алечка? - спросил ее родной мамин голос. - Тебе уже лучше? Как же ты меня напугала, родная моя!

Аленка лежала с открытыми глазами, но еще плохо соображала, что вообще происходит с ней. Она чувствовала какую-то непонятную усталость во всем теле, и очень хотелось спать.

- Мамочка, можно я посплю? - произнесла она слабым голосом.

- Конечно, милая, поспи, поспи...

Валентина нежно гладила Аленкины влажные кудряшки и тихо приговаривала:

- Спи доченька, спи милая. Я никому больше не дам тебя в обиду. Не бойся.

Заботливо укрыв дочку одеялом, Валентина вышла из комнаты. Больше она не плакала. Она стряхнула с себя состояние плаксивости, меланхолии и бездействия. "Хватит, наплакались мы с Аленкой! - думала она про себя. - Больше я никому не позволю измываться над нами!" Это она решительным голосом тут же произнесла вслух и даже погрозила пальцем в чью-то сторону. Она решила действовать и немедленно. Нужно было только дождаться сына.

Вовка пришел с улицы, как всегда, весь разгоряченный, шумный. Мать подала ему знак говорить тише и с загадочным видом повела его в детскую комнату.

Мужики вели себя степенней. Трое из них сидели на мачте с баскетбольным кольцом, свернутой так, как будто здесь людина подобных хотели завязать ее в узел, но на полдороге остановились. Изюгнутое кольцо нависло над ними овальной дулей.

Тут же ходила лошадь. Холеная, с блестящей на солнце рыжей шерстью, без привязи, она разгуливала по огромному пустырю, сторонам, однако, особо шумевших. Кобыла стояла на скальпи, когда я снял ее снитку. Кадр получился отличный: солнце прорывалось сквозь гриву, а лошадь казалась угольно-черной и готовой к прыжку.

Помню еще кадр с местным мужичком. Худой, сутулый, как-то не по-хозяйски, а по-воровски, он быстро, но бестолково разбирает забор - его грядку, самостийно разбитую на окраине пустыря, отвели вместе с землей к одному из коттеджей. Мужичку нужно было просто снять звенья с забора, и кого-нибудь позвав, аккуратно унести. Но он был то ли дураковит, то ли нервничал и торопился все сделать один, и старенькие перекладки лопнули, забор сложился доминутками и годился пожалуй, уже только на дрова...

- Люди, так посмотрите же: тут пустырь, - говорила представитель застройщиков, поговаривая мне в видоискатель маленькая, стриженная женщина. Снимать ей было трудно из-за: скудная и всенушчатая. Но что-то в ней такое было, что заставляло вглядываться: горделивая она какая-то была, почти надменная. И это было тут очень уж неуместно. Несмотря на мои усилия быть беспристрастным, общее настроение, царившее вокруг, проникло и в меня. И я, помню, раздражился: «Тоже мне - Белла Ахмадулина». «Белла» обращались к односельчанам:

- Футбольное поле мы доделаем. Пусть будет одно, но хорошее. Около школы. Вы видели - уже песок возят, и за наш счет. А у нас тут будет сад. Ведь посмотрите, как вы живете. Вот увидите, что и вы можете свой дом построить, и жить по-людски. И места хватит всем. Я же не из богатых, и то решилась.

- Торговки ты за счет других живаешься, - крикнула запаленная баба из толпы. - Вот и хочешь жить в хоромах! Сад она хочет!

- В траншеи нужно посадить деревья, вот и будет сад, - последнее, что я слышал.

Материал тогда получился громкий - на первой полосе стояли снимки с детьми, сидящими на земляном отвале, и эта красавица - гигантша - руки в боки, и лошадь, готовая к прыжку, и тшедушный директор школы с чеховской бородкой, но без пенсне, беспомощно сложивший маленькие руки на груди. И продолжение на развороте. Буквально на следующий день туда поехали начальство из Вологды. На редакционном автоответчике было приглашение к главе района, к архитектору, и многочисленные просьбы позвонить. Скандал подхватили и другие газеты. И строительство прекратили...

Были потом другие, и даже не менее бурные командировки. Но ту я запомнил: впервые так много и классно снимал. Лошадь с солнечной гривой кочевала с выставки на выставку. Вороватого мужика с обломками забора купил «Огонек»... А потом я уехал заработать на нормальную технику в Москву, пытался зацепиться за границу. Через пару лет вернулся домой, и опять осел в той же газете, уже переименованной из «Коммуниста» в «Речь».

...Из далекой Тотьмы незнакомая женщина-предпринимательница нашла меня по телефону, просила приехать мне сделать снимки ее цветника для рекламного буклета, обещала неплохо заплатить. Так что едва подвернулась командировка в те края, я пошел по адресу в блокноте. Дом предпринимательницы оказался несколько тяжеловиьем, как и все первые коттеджи. Это уже потом перестали экономить на архитекторах. Он напоминал большую крестьянскую избы, только в кирпичном исполнении. Красная финская краска придавала еще большую солидность и основательность. Второй этаж был из бруса. Внутри я в тогда так и не побывал, но огромная просторная веранда из светлого дерева с плетеной мебелью впечатлила. Но еще больше - теплицы возле дома.

- Сто пятьдесят квадратов стекла покупали, чтобы их закрыть. Цветы выхаживаю. Конкурентов нет, на пол-области я одна. Раньше цветы заказывали в Вологду или Котлас. Привезут, а букет и дня не простоят. Теперь вот ездят ко мне...

В теплице был исключительный порядок. Молчаливый парнишка, по виду старшеклассник, ремонтировал поливочный кран.

- Не узнаете меня? - вдруг спросила она. Я неопределенно промямлил, надеясь, что вот-вот вспомню. Но она не напомнила, а стала говорить, что сама фотографирует цветы, но все не так получается, как хотелось бы... И дальше говорили банальные вещи о том, хотелось бы удержать эту красоту... Я не слушал.

Мне с первого взгляда показалось, что где-то уже встречались. Но мысль эта не занимала меня: я увидел ее руки - честно говоря, созданные не для копания в земле - длиннопалые с выступающей косточкой большого пальца. Свежий маникюр с серебряными кольцами... А еще меня заинтересовал ее профиль: голову она держала надменно, как царица. Я встречал несколько раз таких женщин, и каждый раз попадался. Мне казалось, за этим что-то есть неведомое и необычное, оно-то и заставляет так держать голову. И будто не известно мне было, что просто так распорядилась природа: шейный позвонок смещен, и голова выдвинута. Это как родинка в нужном месте... И мне все хотелось совместить ее руки с цветами и с профилем в одном кадре, и все не получалось, а она терпеливо исполняла мои просьбы - повернуться, пересесть... Не получалось, может быть и потому, что я уже заранее прикидывал - не будет ли она против, если ее портрет появится, скажем, в журнале «Женщина и мир».

Кто она - я понял, когда пил чай. Конечно, я фотографировал ее, эту самую молодую торговку, с короткой стрижкой, с надменно посаженной головой во время «коттеджного» скандала. Когда верхи хотели и могли, а низы... «Влип я, попал прямо в пасть к «госпоже Ахмадулиной», - мелькнуло у меня. Почти с облегчением припомнил, что в газету тогда ее гордый профиль не попал - несмотря на бленду, солнце испортило кадр... И мне вдруг стало ясно, что просьба сфотографировать ее мажорские голубые гвоздики была только предлогом...

А Лия так звали женщину, между тем говорила:

- Тогда нам, конечно, пришлось уехать. Муж у меня строитель, правда, больше любит возиться с деревом. Но свой дом для него был - как пуптик. Как у меня пуптик - выращивать цветы. Я по образованию - учительница биологии. Откуда деньги на стройку? Он ездил на заработки в Москву. Тогда еще хорошо платили. Это потом украинцы, молдаване, белорусы стали цену сбивать. Я челночницей была... После публикаций мы не хотели отступать, быстро фундамент залили, надеялись, что построенное не дадут порушить. Но где там! Пришлось уехать. Среди ненависти и зависти жить - нужно быть таким нахалом! Да и детям жизнь могли бы испортить... Я почти не вспоминаю прежнюю жизнь. Просто иногда хочется, чтобы приехали ко мне, узнали, как живу. Муж умер, когда только коробку поставили. Добраивала сама, с тремя ребятишками. Сейчас - и дом, и дело в порядке. Вообще-то, это не так сложно. Как букет собирать - цветочек к цветочку.

Я тогда соврал ей, что не бывал больше в тех краях. Бывал. На юбилее хозяйства. Что нафотографировал - не помню. Вроде лошадь все ту же, но так ничего путного и не получилось... Деревья в траншеи там все же посадили. Привид, то ли от жаркого лета, то ли без ухода многие деревья засохли, а прижившиеся росли корявыми уродцами. А коттеджей там, в отличие от соседних поселков, так и не появилось...

Текст к фоторепортажу о Лии я сделал еще по дороге, прямо в автобусе. Знал, видел наперед, как выстроится на цветном развороте сделанные кадры... Однако, ничего этого так и не сделал. Позвонил ей, сказал: «Знаешь, по нашему телевидению я видел, как знакомая журналистка ведет прямой эфир - беседует со своим любовником. Ничего глупее, даже если мучиться, не придумать. А наш случай - так похож...» В телефоне повисло молчание. Наверно, оно длилось секунду - две, но я уже успел за это время умереть. А вновь родился, когда услышал, как Лия засмеялась...

Сейчас я ее часто фотографирую, не обязательно в профиль или с красивыми руками на первом плане. Фотографирую смеющуюся женщину среди рассады или с полевыми цветами, в обнимку с детьми или с собакой, в качалке с пледом или кружкой с нарисованными подсолнухами. Портреты моей жены очень любят покупать глянецовые столичные журналы.

Вологда

Татьяна МАСС ГУГЕНОТСКАЯ КРОВЬ

Татьяна МАСС (в девичестве Жукова) родилась в Череповце. Закончила факультет журналистики МГУ им. Ломоносова в 1987 году. Работала в Латвии, в Риге - в популярной газете "Советская молодежь", печаталась в центральных изданиях и женских журналах. Живет во Франции, воспитывает двоих детей.

Этот короткий недельный отпуск в начале лета, когда море и пляжи, посвежевшие после трех времен года, приносивших сюда пустоту и покой ненастных месяцев, были уже готовы к новому сезону, оказался совсем не таким, каким он должен был быть для Натали.

После того майского вечера, когда она узнала об измене своего мужа, в нее вселилось беспокойство о будущем, мучительное в юности, а в ее возрасте как-то особенно засушающее сердце бесплодными попытками заглянуть дальше.

Иногда она жалела о своей несдержанности, которая стоила теперь ее детям отца, а ей мужа. Но вспомнив о мучительной ревности и обиде, поразившей ее сердце, когда она слышала его подтверждение своей смутной догадке, уставшая от своих сомнений и тяжелых мыслей женщина понимала, что не смогла бы пританить свою боль и терпеть для того, чтобы, как советовал этот женский журнал, который она читала сейчас на пляже: «Сохранить возможность диалога с неверным супругом». Он ушел из их дома, в котором они прожили вместе семнадцать лет, и теперь в одиночку снимал квартиру, проводя все уикенды и каникулы с той самой женщиной, имя которой однажды приснилось Натали.

Их сыновья, навещавшие иногда отца в его роскошном и добровольном обиженно-насмешливом заточении, рассказывали матери в немногих словах о дорогой мебели и скуке, царившей в его квартире.

Судебный процесс, в котором их адвокаты старались соединить требования и желания бывших супругов, затянулся. Иногда Натали хотелось подписать все бумаги, не читая, чтобы поскорее закончилась эта мука - читать его имя и просматривать банковские счета, иллюстрирующие похождения ее бывшего супруга, обставленные им в соответствии с пошловатой мелодрамой для сериала, в которую превратилась теперь их когда-то нормальная жизнь.

Названия дорогих отелей на Лазурном берегу, рестораны яхт-клубов, ювелирные подарки от известных имен - все это настолько опустошало ее - покинутую жену, которой по праву должно было бы принадлежать все это, что она думала, что у нее не хватит больше сил и желания отстаивать свои имущественные права в этом затянувшемся процессе, за два года не дотянувшим до своего зенита. Но глядя на своих сыновей, одному из которых пришлось развезти пищу, отрывая время от учебы в лицее, а второму отказаться от своих поездок в горы в это трудное для всей семьи время, она чувствовала в себе протест, который подпитывал ее силу бороться дальше.

На одном из промежуточных судебных слушаний она была уязвлена мужской солидарностью, которую судья, ее муж и его адвокат вдруг почувствовали друг к другу после одного какого-то двусмысленного замечания мужниного адвоката - человека веселого, эксцентричного и, судя по всему, абсолютно разделяющем мужской вкус к полигамии.

Возвращаясь домой после этого заседания, она не смогла слушать в электричке разговоры двух почтенных женщин, обсуждающих рецепты блюд, особенно любимых их мужьями. Резко встав, Натали вышла из первого класса, решив терпеть сигаретный дым вместо разговоров ограниченных матрон, легко принимавших свое положение обслуги при мужьях, милостиво наблюдающих эти ежедневные заботы...

Придя домой, она плакала, пока не позвонила из другой страны ее подруга, которой не терпелось узнать, чем закончился сегодняшний суд. Доказательством этого известного закона, по которому легче рассказать о себе дальним, чем ближним, как будто расстояние уменьшает нашу зависимость от тех, кому известны наши секреты, были огромные телефонные счета, особенно возраставшие после встреч с адвокатами и судебных встреч с бывшим мужем. Сегодня подруга позвонила сама, и Натали, рассказав ей о сегодняшнем унижении, которое испытала среди мужчин, прекрасно продемонстрировавших ей взаимовыручку самцов, задала вопрос, который постоянно, как болезнь, мучил ее после ухода ее мужа. Он мог бы показаться банальным, если бы не был наполнен таким живым, почти осязаемым, чувством страдания человеческой души:

- Как можно, прожив вместе столько лет и вырастив детей, теперь сказать: «до свидания» и выбросить из головы все эти годы? Я не понимаю. Я чего-то не понимаю.

Подруга, сочувствуя от всего сердца и утешая Натали, повторяла уже не в первый раз, что это невозможно совершить безнаказанно.

Эта мысль была в какой-то мере утешительна для Натали, хотя бы потому, что обещала вернуть миру привычное равновесие, но все же ответа в ней на ее главный вопрос не содержалось.

Этот вопрос был самым мучительным после ухода мужа и вовсе не потому, как считали те из ее знакомых, кто чувствовал в себе неловкость быть замешанным в эту мелкую семейную драму, пошловатую и мешанскую на фоне последних трагедий, о которых ежевечерне вещали по телевизору многозначительные дикторы программ новостей.

Пульсируя в ней, и лишь изредка прорываясь наружу немного патетическим недоумением, этот вопрос, по сути, не был выражением обиды брошенной жены, а содержал в себе тот самый вопрос о смысле бытия, на котором загнулись, как об нечаянный камень на дороге к успеху, многие из числа знаменитых философов.

Она сидела в своем самодельном переводческом бюро на первом этаже возле кухни, припоминая их нечастые ссоры, и не в первый раз пыталась найти собственную причину в том, что жизнь повернула не туда. Потом поднялась в спальню и лежала без сил, глядя в окно, пока не вернулись с учебы сыновья, и встала только из всеобщего материнского чувства долга перед своими голодными детенышами.

Старший, Максим, уже разогревал что-то в микроволновке, а младший переодевался у себя в комнате наверху.

- Мама, я ухожу. Сейчас подъедет Корин и заберет меня. Я быстро ем и убегаю.

Давид, спустившись вниз, заметил, что мать смотрит в окно на фирму, которая из каких-то самых изумительных случайностей судьбы, была когда-то, еще до приобретения ее их отцом, построена рядом с этим домом, и попытался рассказать что-то забавное из своего сегодняшнего дня. Но Натали перебила его:

- Сегодня я была в суде.

Оба, превосходно зная это, преувеличили свой интерес к этому событию.

- И что там нового?

- Ваш отец продает свою фирму

В молчании своих мальчиков она услышала знакомую ноту страха перед будущим, и это заставило ее взять себя в руки.

- Ну, что вам сегодня вкусенького на ужин приготовить?

Недели через две ее московская подруга, не успокоившаяся после их последнего разговора, позвонила и, заговорив немного неестественным голосом, выступила в роли свахи. Она предложила прекрасную, со всех сторон, кандидатуру одинокого мужчины, двоюродного брата ее соседки, врача, который жил в Германии, эмигрировав из Ленинграда лет десять назад. Умный и тонкий человек, ее подруга какими-то неуклюжими фразами стала расписывать достоинства «интеллигентного человека, который имеет свою страничку в Интернете и пишет довольно хорошие стихи»

Несмотря на ужасную банальность ситуации, Натали заинтересовалась ее предложением, успокоив свои смутные сомнения вопросом, который своей непробиваемой риторичностью побеждал за все время своего существования еще более умные головы: «А почему бы, собственно, и нет?»

Будь она более фанатична в своем семейном несчастье, она могла бы даже принять за предательство по отношению к собственному страданию эти чувства оживающей надежды, которые заговорили вдруг в ней. Но она видела в предполагаемом знакомстве надежду на радостные перемены и, странное дело, обида на собственного мужа испарялась, помогая ей без особого труда расстаться с «нимиджем брошенной жены», чего в течении года не мог добиться от нее психолог.

Виктор позвонил ей на следующий день и разговор их был до того интересным для нее, что она едва смогла выждать необходимое вежливое время сроком в 24 часа, чтоб позвонить самой. Ни о чем особенно серьезном они тогда не говорили, но задевая многое, на чем можно было бы задержаться подольше, они больше вслушивались в интонации друг друга, чтобы положив трубку, задуматься о своих. Эти телефонные ежевечерние разговоры становились необходимостью, которая была освящена некоторыми негласными правилами, установленными с первых дней общения, когда особо чутко воспринимаются желания и привычки другого. Звонили по очереди, вечером, когда Виктор возвращался из своего медицинского кабинета и поужинав, чувствовал себя одиноким в своей квартире.

Из-за этой обязанности Натали вынуждена была пропускать иногда интересные встречи и обсуждения в престижном женском клубе, но все-таки она приносила эту маленькую жертву с удовольствием, как будто эта пока еще маленькая тяжесть была для нее прелюдией к настоящей ответственности, которую, может быть, оба они возьмут на себя однажды.

Виктор в свои сорок семь лет ни разу не был женат.

- Я собирался жениться после мединститута, но моя невеста отказалась, узнав, что я немец по происхождению. Сейчас это кажется смешной причиной, а тогда, в России, в 70-х годах... Ее отец был родом из Белоруссии, ребенком он видел, как нацисты сжигали заживо людей в заколоченных сараях, и с тех пор просто не мог слышать немецкую речь. Даже фильмы о войне он не мог смотреть. Позже я начал работать по распределению в вологодской деревне заведующим районным медпунктом. Был и акушеркой, лечил и «ухо-горло-нос». Один раз меня позвали ночью принимать роды... у коровы, которая никак не могла отелиться. Конечно в такой фронтальной обстановке мне было не до семьи.

Больше он не стал продолжать эту тему, но Натали и сама догадалась, что потом была эмиграция, которая для людей, перешедших это рубеж, остается тяжелым воспоминанием, темой, не подходящей для романтично-ироничного тона, выбранного ими для рассказов о своем прошлом. Потом организация своего дела, которое помогло Виктору выкарабкаться из положения бедного эмигранта в состоятельного человека.

Для Натали, прожившей всю свою взрослую жизнь в положении богатой женщины, деньги были показателем состоявшегося человека - она не могла бы полюбить совершенно нищего человека, у которого не хватило умения или напряжения добыть средства для нормального существования. Поэтому деловая энергия Виктора была еще одним тех важных моментов в развитии их отношений, когда, узнав подробности его борьбы за достойную жизнь на Западе, она почувствовала свое тихое внутреннее удовлетворение.

Он почти ничем не разочаровал ее за время их телефонного романа, продлившегося около четырех недель от первого разговора до встречи в Гранд-Моте. Немного пугал Натали слишком романтично-отвлеченный тон их разговоров, который хорошо соответствовал воспоминаниям, но мало - реальности их сегодняшней жизни. Действительно, ожидая звонков Виктора с таким нетерпением, с каким она не ждала их от самой близкой подруги, она не могла все же представить себе, что могла бы рассказать ему о тех страхах, которые мучают ее в связи с продажей ее бывшим мужем его фирмы, или о своих впечатлениях о несправедливости судьбы, позволившего себе ироничный тон по отношению к ней на том последнем заседании.

Натали вдруг испугалась однажды, что их общение так навсегда и застынет в этих романтических рамках полужнакомых людей. Она почувствовала, что это вполне может быть после короткого звонка Виктора, уловленного ею с чуткостью женщины, воздвигающей отношения из такого хрупкого материала, как его рассказы о своем прошлом и ее надежды на будущее.

На следующий день она решилась сама позвонить ему, нарушив привычную очередность. Она сказала, что у нее не так уж много работы, что уже началось лето, и она уезжает на недельку в свой любимый Гранд-Мот.

Виктор не принял сразу ее предложения, рассчитывая, вероятно, свои планы.

Тогда она в открытую предложила ему присоединиться к ней в этом маленьком городке на берегу Средиземного моря, неподалеку от Монпелье.

Он неловко пошутил, что он согласен, потому что это общение вживую ему обойдется дешевле, чем их бесконечные разговоры по телефону, без которых он уже, честно говоря, не представляет своего существования.

Она приехала на день раньше, заняв маленький уютный номер в полупустой еще гостинице с видом на яхт-клуб. Весь день перед его приездом в этот маленький городок, открытый ею еще со времен со своей стажировки по французскому языку в университете Монпелье, она гуляла по бесконечному песчаному пляжу, не рискуя еще окунуться в холодную воду конца мая и пыталась представить себе здесь Виктора. Разделенная с ним расстоянием, смягчавшим слишком раннюю откровенность, она успела рассказать ему о самых разных событиях своей жизни, что все таки не смогло сблизить их настолько, чтобы она не ощущала беспокойства, испытываемого людьми при ожидании визита в их дом незнакомых и важных людей.

Она пыталась читать женские журналы с добрыми психологическими советами, и не чувствовала никакого интереса к прочитанному.

Утром ожидаемого с нетерпением дня она проснулась рано и начала готовиться к новому дню, который приготовил ей радостное ожидание первого свидания. После душа, просушивая и расчесывая волосы маленьким феном, Натали разложила свои платья на кровати, вглядываясь в них и пытаясь представить себя в них глазами Виктора - который, как и все эмигранты, добившиеся положения в западной жизни, наверняка, был немного снобом. Особенно в одежде.

Отложив в сторону простую и очень дорогую майку, украшенную узкой полоской ручных кружев, она задумалась над льняным костюмом: укороченные брюки и маленький пиджак на двух деревянных пуговицах.

В конце концов она выбрала сарафан, стиль которого трудно было определить с первого взгляда. Никакой. Только изящество силуэта выдавало бутиковское происхождение и особый замысел его творца. К нему она надела изящные сабо, плетеные из узких кожаных ремешков и сумку, которую купила в Лондоне за цену, - услышав о которой, ее московская подруга чуть не упала замертво.

Спустившись к завтраку, она посмотрела по сторонам и прерывисто вздохнула. Этот вздох открыл ей, что она волнуется, причем сильнее, чем предполагала сама, ожидая встречи с этим человеком, который с минуту на минуту должен материализоваться, выйдя из-за кулис пространства, которые, надсжно разделяя, делали возможными телефонные перформансы совершенно незнакомых людей.

За чашкой кофе с горячим круассаном в придачу к ее столику вдруг подсел рокер, лет двадцати семи, который вечером гонял по тихому курортному городку на своем навороченном, но довольно потертом мотоцикле.

- Добрый день! - равнодушно поздоровался он

- Добрый день, - вежливо ответила Натали

- Вы славянка? - неожиданно продолжил он разговор

- Да, по происхождению, - она скрыла свое удивление под милой тональностью. И, чтобы красиво закруглить тему, она сказала:

- А вы, по-моему, американец.

- Нет, француз.

Он хотел сказать еще что-то, но в это время ее телефон зазвонил.

Слова Виктора: «Натали, я приехал» застали ее врасплох, несмотря на ожидание, и сердце ее забилось, как испуганный заяц в руках охотника. Представ перед ним на стоянке, где он выгружал свои вещи из серого «СААБА», с очень спокойным лицом, которое только очень хорошему наблюдателю открыло бы ее внутреннее состояние, она приветливо поздоровалась, почти не вглядываясь в его глаза. Он, похоже, был даже оступен этой спокойной встречей и вежливо улынувшись, пожал ее руку. Она не смогла понять, понравилась она ему или нет, но сама она не спешила так быстро подводить итог своему впечатлению. Виктор оказался нормальным мужчиной среднего роста с широкоплечей спортивной фигурой.

Он, как выяснилось, прекрасно доехал и совсем не устал, т.к. ночь провел в авто-кемпинге, встретившемся ему по пути.

Натали пыталась скрыть свое волнение под ничего не значащими словами их знакомства, она оживленно показывала гостиницу и помогала оформлять Виктору оплату номера, т.к. его французский никак не мог понять портье, усталый и равнодушный ко всему на свете.

Он вышел из гостиницы, хорошо подготовленный к пляжному дню - в светлых шортах и тонкой хлопковой рубашке с коротким рукавом, неплохо смотревшейся на его подтянутой фигуре. Натали, вначале взяв на себя роль гида по этому маленькому курортному городку, вскоре забыла о ней, увлеченная не разговорами, - а «примеркой к себе Виктора», разгадыванием его жестов и слов. Они куда-то шли по пляжу, что-то смотрели, о чем-то шутили, потом пили сок в маленьком баре, отмечали в маленьком проспекте интересные экскурсии. Натали посмотрела бы дом-музей Ван Гога в Арле. Виктор в первую очередь выбрал знаменитые сталактитовые пещеры...

Обедали в маленьком рыбном ресторанчике и только там, сидя напротив Виктора, Натали позволила себе как следует рассмотреть его лицо.

Его лицо ничего не могло подсказать ей из его вкусов и пристрастий. Он был обычный европейский мужчина, и если бы она сказала ему о том, что его внешность ничем не отличается от обычной «евровнешности», он был бы рад втайне рад этому, хотя наверняка постарался как-то пошутить насчет своего утилитарного лица.

Но для Натали через это лицо высвечивала ее надежда, и поэтому оно было для нее самым прекрасным в этот день.

Последний день весны, согретый лучше, чем иной день лета, жарким средиземноморским солнцем, был омрачен лишь вызовом на пляж вертолета скорой помощи к какому-то пожилому человеку, решившему, что ему нет дела до предостережений врачей и получившему тепловой удар к вечеру.

Натали смотрела на людей, столпившихся вокруг седого человека, обессиленного солнцем, и наперекор драматичности этого события вдруг подумала, что они с Виктором оба еще достаточно молоды, чтобы приезжать сюда и загорать на этих тонкоструйных песках. Вместе.

Возвращаясь в гостиницу, чтобы принять душ и переодеться для вечера, Натали не очень внимательно слушая рассказ Виктора о том, что Гомер был слеп и поэтому его знаменитые поэмы написаны в ритме морского прибоя. Заметила своего утреннего собеседника, который продавал картины на набережной. Ей стало интересно взглянуть на его работы, но, чтобы не перебивать Виктора, увлекшегося темой, не стала сворачивать с их дорожки, ведущей прямо к отелю.

На вечер у них был утвержден простой курортный план, состоявший из бесцельного шатания по набережной с заглядыванием в разные ресторанчики и бары, манившие подсвеченными меню, установленными у входа.

Надев жемчужное длинное платье, которому она без малейшего сомнения отдала в этот вечер свое предпочтение, убеждая себя, что за два дня на пляже ее открытые руки и плечи уже достаточно забронзовели, чтобы быть красиво оттененными этим нежным цветом, имевшем способность чуть светиться в сумерках, Натали подушилась своими любимыми очень тонкими духами, которые навевали грусть даже на нее и вышла из своего номера, чтобы постучать к Виктору, как он того просил. Никто не ответил ей, и она позвонила ему по мобильному телефону. Он взял трубку на последний сигнал, и по его голосу Натали поняла, что он спал.

- Виктор, если ты устал, может быть куда не пойдём, - предложила она, совершенно не обижаясь на него и даже чувствуя непонятную нежность к его усталому сну. Но он быстро пришел в себя и, извинившись, попросил себе пять минут на сборы.

Набережная Гранд-Мота не идет ни в какое сравнение с роскошными набережными Ниццы или Канн. Если это города-аристократы Французской Ривьеры, то Гранд Мот - скромный сын Прованса. И все же, побывав хоть разок в нем, обязательно хочется вернуться, чтобы опять вдохнуть этот воздух, который замешан на двух ветрах - южном, несущим с собой жар Африки и свежесть Средиземного моря, и северном - настоящем на виноградниках Севенских склонов.

Погуляв по набережной, они единодушно выбрали ресторан под вывеской с каким-то морским названием. Маленький полутемный зал, освещенный цветными лампадами и декорированный рыбацкими сетями по стенам, был устроен очень уютно. Понравилась Натали и милая пожилая женщина - по-видимому, владелица ресторана, которая встретила их с ненавязчивой заботой.

Они выбрали салат из креветок с необыкновенным майонезом, экзотических осьминогов, испеченных в гриле, овощи по-провансальски в маленьких керамических горшочках и запивали все это прекрасным красным вином, запечатанным в кувшине ручной работы.

Натали, чуть разогретая вином и присутствием этого человека, который показался ей даром судьбы, вознаграждением за все ее унижения и муки ревности, не могла говорить с ним ни о чем. Ей хотелось просто сидеть рядом и смотреть на него и слушать его рассказы, находя в них отсылки, указания на встречу с женщиной, которая готова принять его судьбу и разделить каждое мгновение его жизни.

Виктор, как ей казалось, чувствовал важность этого отпуска, после которого их жизни должны были или соединиться или разделиться навсегда. Но он не собирался слишком копаться в своих чувствах, в которых он бы и не смог разобраться так быстро, как это даровано женщинам!

В середине ужина, когда хозяйка была занята с другими клиентами, подыскивавшими себе столик в ресторане, ее заменила у их столика молодая мулатка. Высокая, очень стройная, в обтягивающих белых брючках и с огромным количеством бижутерии на руках, в ушах и на шее, она была вульгарна и очень красива. На Виктора пахнуло ветром ее безоглядной уверенности в себе и открытой сексуальности. Он пристально посмотрел ей вслед, и Натали, заметив это, почувствовала болезненный укол ревности.

Когда пришло время расплачиваться по счету, Виктор вдруг стал неловким: он взял счет, принесенный официанткой и внимательно изучив его, кашлянув, сказал Натали: «Я считаю, что каждый должен платить за себя».

Она, не показав своего настроения, достала банковскую карту.

Днем, когда они пообедали в рыбном ресторане, она заплатила сама, чувствуя себя хозяйкой, пригласившей гостя. Конечно, она не полагала, что этот - пока еще совершенно чужой для нее человек - должен будет оплачивать ее развлечения, обеды и экскурсии, но она не сомневалась, что у них обоих хватит такта решить этот вопрос поизящнее: она платит один раз, он - во второй. Этот ночной ужин - был и по очереди и по смыслу для Виктора.

Пока они в напряженной паузе расплачивались с официанткой, Натали почувствовала свое моментальное разочарование в этом человеке, и теперь уже стали ей понятны многие его поступки, которые до этого ужина оставались необъяснимыми. Например, нежелание оставаться в маленьком художественном салоне, когда она хотела присмотреть маленькую акварель в подарок подруге, познакомившей их.

Или его жесткая аккуратность, оказавшаяся вовсе не профессиональной докторской привычкой, а скорее постоянным самоконтролем педантичного скряги.

Выйдя на улицу, по которой они собирались погулять, Натали сказала, что она устала и идет спать. Виктор при этих словах немного собрался, не зная, последует ли за этим приглашение его - почти официального жениха - в свой номер. Натали, заметив это, внутренне усмехнулась не без горечи.

- Спокойной ночи, Виктор. --пожелала она ему, видя, как его лицо стало обиженно высокомерным и по мягкости душевной добавила: - До завтра.

Самое ужасное, что обманула ее внутренняя теория, которая помогала ей пережить самые тяжелые моменты ее развода, утверждая, что после таких переживаний обязательно наступят счастливые времена, которые принесут компенсацию и вознаградят за терпение. Она чуть не плакала в своем номере, переживая погружение в свое привычное чувство полной безнадежности.

Не в силах больше оставаться в номере, она вышла из гостиницы и пошла куда глаза глядят. В эту минуту она боялась даже подумать о своем будущем, представляющей ей в виде холодной пустоты, открывавшейся перед ней во всем своем безразличии

Выйдя к морю, она подставила свое лицо морскому свежему ветру и сидела так, ни о чем не думая. В этот момент кто-то подошел сзади, ступая в темноте по мягкому песку.

- Добрый вечер.

От неожиданности она вздрогнула и с досадой повернувшись увидела «кожаного» продавца картин.

- Продали свои работы?

- Ни одной.

- Вы художник?

- Нет, безработный.

Не чувствуя больше никакого интереса, она с некоторым усилием поднялась со своего места

- Мне пора.

- Я - студент, - объяснил он, - меня зовут Анри-Поль.

- Ах, вот как, - недоверчиво протянула Натали, собираясь побыстрее уходить.

- Мне двадцать семь лет, просто я поменял уже два факультета. Но вы испугались того, что я сказал «безработный».

- А что вы изучаете?

- Не так интересно. Я подошел к вам потому, что вы сидите здесь, такая одинокая в темноте. Я почувствовал, что у вас что-то случилось.

- Да, - неожиданно для себя самой сказала Натали, - случилось.

- Что?

- Не так интересно.

- Хотите прокатиться на моем мотоцикле?

- Хочу, - согласилась она, боясь только одного на свете - остаться сейчас одной.

Надев запасной шлем и, надеясь, что темнота скроет ее вместе с ее слезами, Натали обняла Анри-Поля, забыв про свой вечный страх от орущих на огромной скорости мотоциклов

Прижавшись щекой к его кожаной куртке, она почти отключила сознание, чтоб не чувствовать страха. И они понеслись вместе! На огромной скорости! По ночному шоссе, которое блестело под светом фар, как ледяной каток!

Натали что-то кричала от страха и восторга, когда скорость перевалила за двести!

Она не боялась умереть в этот момент полного освобождения от самой себя!

И эта буржуазная женщина тридцати шести лет сказала своему спасителю (когда они остановились далеко-далеко от городка, в котором была гостиница, где которой сонный Виктор думал постучать или не постучать к ней в номер) - у моря, среди песков и пустынных пляжей, она сказала:

-Я люблю тебя, - доверчиво отдавшись его страстному порыву. Его длинные черные волосы упали ей на лицо, она хрипло вскрикнула, принимая его силу и нежность.

Потом они, не растеряв своей силы, неслись под дождем обратно, потом танцевали в каком-то ужасном баре, где сидели одни хиппи и проститутки, и Натали громко смеялась грубым жестам их пьяного соседа, поссорившегося со своей подругой.

Ее жемчужное платье было брошено в угол его маленького номера, а она до крови укусила его - свою любовную жертву, отдававшегося ее порывам полностью и без остатка!

Она хотела уйти на рассвете в свой номер, но, устав так, что не было никаких сил подняться с этой постели, она проснулась уже поздним утром, обнаружив себя совершенно обнаженной в объятиях Анри-Поля, который спал как убитый. Пытаясь осторожно выбраться, она нечаянно разбудила его, и он - теплый - потянулся к ней с поцелуем.

- Ну все, мне пора, - удивляясь самой себе, сказала она ему в каком-то новом для нее стиле.

Но этот парень был ужасно уверен в себе.

- Почему тебе? Нам пора!

Презрев пресный гостиничный ресторан, где, как заметила через стекло Натали, жевал свою порцию Виктор, они - свежие после душа, переодевшись, сели опять на мотоцикл.

Он привез ее в маленький городок, окруженный, как туманом, розовыми лиманами. Все дома были на один лад - одной высоты и под одинаковыми черепичными крышами. Все улицы вымощены красноватыми круглыми камнями. После собора на главной площади, откуда благословленные крестonosцы отправлялись завоевывать Святую Землю, их повели к высоким, грубой кладки старинным стенам города-крепости.

Натали вслушивалась в увлеченный рассказ девушки-экскурсовода об истории этой крепости. Анри-Поль куда-то исчез.

Построенный Людовиком Девятым как единственный город-порт на Средиземноморье, Эг-Морт был освобожден от налогов в пользу короля. Главную башню города-крепости, названную Башней Постоянства, спланировал главный королевский архитектор, снабдив ее различными хитростями для обмана врагов, на случай войны и осады.

- Но крепость Эг-Морта никогда не была атакована, - сказала им рыжеволосая девушка-экскурсовод. - Она стала знаменита по-другому. Как известно, Людовик Четырнадцатый запретил протестантизм во Франции и эта крепость, особенно Башня Постоянства, стала тюрьмой для разбегавшихся от католических отрядов гугенотов. Вначале в крепости содержались мужчины. Позднее эта тюрьма принимала только женщин.

Натали вместе с другими ходила по круглому каменному залу Башни Постоянства и не могла понять, как тут годами, даже десятилетиями, могли жить заключенные женщины.

Солнечный свет попадает только через узкие щели-бойницы. Даже в этот жаркий день каменные стены и полы очень холодные. Никаких возможностей - ни туалетов, ни душа, ни отдельных помещений для жизни в этой Башне, предназначенной лишь для защиты от врагов. Все на виду в этом огромном круглом каменном колодце.

- Одна из заключенных, Мари Дюран, уроженка Ардеш, была брошена сюда в возрасте 19 лет и просидела в этой тюрьме 38 лет. От нее требовалось сказать только одно слово «Да» - свидетельствующее о ее переходе в католичество, но от нее этого согласия не услышали никогда.

Под голос экскурсовода Натали рассматривала надпись, нацарапанную каким-то металлическим острым предметом на каменных плитах пола: «REGISTER (ВЫДЕРЖАТЬ)»

- Это слово, защищенное от разрушений стеклянной табличкой, принадлежит той же самой Мари Дюран, - сестре гугенотского пастора Пьера Дюрана, предназначенной быть примером послушания для непокорных протестантов и ставшей неожиданным примером твердой веры для атеистов и традиционных христиан, рассказывала экскурсовод.

А Натали в это время представляла, как вошла в эту узкую дверь юная девушка, оторванная от своих близких, от своих молодых размышлений о любви, семье и детях, которых она будет кормить грудью и растить с ежедневной и трезвой заботой.

Вся жизнь ее прошла здесь! Натали была задета этой невероятной историей.

В это время экскурсовод пригласила их к стене, на которой висел список с именами всех женщин протестанток, сидевших три века назад в Башне Постоянства.

Анри-Поль, стоявший все время у этой таблички, подждал ее. Натали прочитала : «Анна Лаваль, уроженка Севени, мать четырех детей, заключенная в Башню Постоянства в возрасте 28 лет, была выпущена на свободу через 35 лет по последней всеобщей амнистии».

- Это моя пра-пра-прабабка, – сказал он ей.

...Девушка экскурсовод рассказывала, что муж заключенной протестантки Анны Лаваль, измучившись своим положением соломенного вдовца с четырьмя малыми детьми, присылал ей длинные письма в это глухое заточение, исключая все встречи с близкими, умоляя жену сдаться, согласиться и вернуться скорее домой. Он особо надеялся на ее материнские чувства, описывая болезнь младшего сына, оторванного от материнской груди и страдавшего бесконечными поносами от козьего молока.

Она не согласилась ни на его жалобы, ни на его угрозы привести в дом новую жену, на что он уже получил разрешение от местного епископа.

Бог знает, как разрывалось ее сердце, когда она читала эти письма из дома, отчего ее молитвы становились еще неистовой и горячее. Погребенная заживо в этом каменном колодце, общем гробу для плоти, она, лишившись мужа, детей и самой жизни, имела что-то еще, что перевесило чашу ее мучительного выбора. Отказавшись от супружеской и материнской любви, она имела любовь другую, и это факт - вдруг поняла Натали - что без любви к Тому, Кому молилась Анна Лаваль она не смогла бы выдержать, не сломавшись.

Ведь от нее требовалось сказать слово короткое, как прыжок: «Да» - и она целует своих детей, гладит их истосковавшимися руками. «Да» - и ее муж смеется от над своими глупыми мыслями о другой жене, «Да» - и домашний уют заботливо принимает ее уставшее промерзшее тело, ломимое муками ночного холода на этом каменном полу, составленном из грубых камней, не предназначавшимся для человеческого жилища...

Обедая в ресторане на маленькой площади городка-музея, Натали спросила его:

- Ну, а какой а же предмет ты выбрал, наконец?

- Историю.

Ей захотелось сказать еще что-то, но она промолчала, зная, что если даже они сию минуту расстанутся навсегда, она будет любить его, этого потомка Анны Лаваль, спасшего ее от того, что ужаснее смерти - от тоски нелюбимого, всеми забытого существа.

Лион, Франция

Эвелина РАКИТСКАЯ

Э.Ракитская родилась в 1960 году. Лучшие стихи были написаны ею в 84-86 гг. (в возрасте 24-26 лет), но смогли увидеть свет только в 1991 году. Книга была встречена прекрасными отзывами. "Независимая газета" помещает о никому не известной поэтессе большую статью, где характеризует ее чуть ли не как нового классика: радиостанция "Свобода" тоже рассказывает об ее книге... С 1989 по 1994 год стихи Ракитской постоянно публикуются во вновь открывающихся и старых "толстых" журналах (публикации идут без ведома автора). Однако Эвелине совершенно недосуг заниматься своей литературной карьерой, слишком много времени она уделяет работе с молодыми и неизвестными авторами, изданию их книг. Постепенно о ее собственном творчестве начинают забывать. Творческая манера Э. Ракитской ею самой сформулирована так (в предисловии ко второй книге стихов, вышедшей в 1998 году): "... во всяком случае, слово в моих стихах ничего не значит...". Она пытается создать музыкально- поэтическую формулу, считая основным свойством поэзии "раскрытое пространство стиха".

ВОЛОГОДСКИЕ ПИСЬМА

ПОЭЗИЯ БЕЗ АЛКОГОЛЯ

Дорогая Галя! С большой радостью узнала, что Ваш муж Сергей Фаустов - племянник М. П. Еремина. Мы учились у Михаила Павловича Еремина. Он был у меня на дипломе рецензентом и очень меня хвалил, и даже как-то сказал, что когда у его жены болела голова, он ей читал мои стихи в качестве лекарства вслух. И еще он сказал, прочтя мой диплом, что меня нужно называть только по имени и отчеству, соответственно моим стихам. Мне тогда исполнилось 28 лет. А Еремину, я полагаю, в три раза больше. Вы напечатайте на принтере это письмо и покажите Сергею - ему, наверное, будет интересно. А Анатолий очень тоже Еремина любил. То есть, сперва Еремин хвалил Анатолия, а потом уж Анатолий меня привел к Еремину (который не терпел женщин-поэтов... что, в принципе, вполне входит в харизму вологодской литературы, о которой пишет в своей чудесной книге Ваш муж (С. Фаустов) - да я без всяких обид. Я тогда сказала, что у меня оппонентом будет только Еремин, и что если я хорошо пишу, то он должен меня похвалить! Хотя некоторые умные меня отговаривали: мол, он женщин принципиально не считает за поэтов... Ничего, меня посчитал.

А сперва, наверное, думал, что я пишу чушь. Впрочем, так всегда бывает. У Анатолия есть стихотворение, кстати, его можно найти на сайте Саканского, в публикациях - надо искать в левой колонке "Анатолий Богатых", и в его книге это стихотворение есть. В этом стихотворении есть строчки такие: "Старик Еремин нас заметил / И на судьбу благословил".

Теперь немного о книге Сергея Фаустова ("Харизма вологодской литературы"). Анатолий, прочтя эпизод про пароход на Рубцовских чтениях и падение пьяных людей за борт, сказал уверенно, что это было не в 76, а в 89-м году, и что об этом рассказывал Еремин, и что упало не 2 человека, а один человек - а именно - Вова Т, ужасный поэт. Но я думаю, что таких эпизодов могло быть и два - и в том году, и в другом... Всё это входит в харизму ту же самую, и я очень обозлена на эту харизму после чтения книги Людмилы Дербиной о Рубцове. Правда, у Сергея имеется в виду несколько другая харизма, и я думаю, что с учетом менталитета вологодского СП, возглавляемого Беловым, Сергея должны были просто зарыть в землю живьем и за его взгляды вообще, и за сравнение Рубцова с Бродским - в частности.

Хотя это совершенно верно, и очень верно! И я бы еще добавила, что сходство их в том, что они открывают пресловутое пространство стиха – если я рассказами об этом пространстве еще не надоела. Цитируемые стихи про холмы того и другого поэта как раз иллюстрируют эту мысль. Пространство стиха ведь раскрывается как? – разными приемами, если можно это так назвать: и образами, и интонацией, ритмом, мелодикой стиха. Правда, у Бродского это потом приобретает характер постоянного метода, а у Рубцова это выходило, наверное, случайно, потому что у него мало таких стихов. Но направление одно и то же – именно в методе некоторых стихотворении. Может быть, Рубцов, если бы не погиб – сделал бы то же, что и Бродский.

И я скажу даже больше: тот же метод находим у Людмилы Дербиной, чью книгу стихов мы тоже приобрели в вашем вологодском книжном магазине. Издана она, конечно, безобразно, но какие хорошие стихи! Если бы Рубцов ее не погубил, то она бы развивалась как поэт и ему бы еще утерла нос, я Вас уверяю! Впрочем, ценить женщину как личность, а тем более поэта, – не входит в харизму Белова и его друзей, которые потом плавали на пароходах, отмечали дни рождения Рубцова, напивались, естественно, как свиньи, но вовремя умели убежать от несчастий – вот что меня удивляет! А женщина – не только Рубцовым, но в первую очередь ими же и погубленная – сидела в тюрьме, да еще они писали в органы всякие гадости, чтобы только ее не оправдали и не выпустили! Какие все же подлцы – и Астафьев (царство ему Небесное!), и Белов, и Коротаев этот и другие, которые ходили к Рубцову с бутылкой в любое время дня и ночи (обо всем этом есть в воспоминаниях Дербиной – причем она, бедная, искренне полагала, что так и нужно: такова, мол, жизнь поэта... А кто ее в этом убедил? Да друзья Рубцова – им же удобно, чтобы его "спасали" не они, а кто-то другой, в данном случае – несчастная женщина, поверившая во всю эту литературную чушь!!!).

Эти воспоминания нужно читать, их нужно издать огромным тиражом и сделать настольной книгой всех, кто думает, что пьянство – это принадлежность истинной поэзии... Какая чудовищная ложь и подлость – так говорить и снисходительно рассказывать о том, что такой-то поэт, и такой-то поэт, и все они вошли в историю литературы... А ведь все это преподносится студентам Литинститута как откровение, и уж во всяком случае алкоголизм трактуется как вполне нормальное явление и неизбежная принадлежность творческих людей. А потом самые чистые, тонкие души этому верят и хлещут водку, а другие, более хитрые, как Белов с Астафьевым или лучший друг Коротаев – придут, выпьют – и домой, к семье... И все посты занимают, и все блага получают, а их товарищ, (которому друг – любой, кто стакан нальет), погибает... Вот и вся харизма вологодской литературы (советского толка). И не только вологодской, к сожалению! И не только советской (к несчастью).

Сегодня случайно читаю интервью с Риммой Казаковой в "Аргументах и фактах". Она говорит, что ее первый муж, писатель (!) Георгий Радов (отец Егора Радова), – был алкоголик, ее бил, сам бегал бросаться под электричку, она за ним гонялась по Переделкину (будучи беременной), чтобы он не бросился в пьяном виде под эту электричку... Вы знаете такого писателя Георгия Радова? Я – нет. Я знаю писателя Егора Радова, его сына... А Георгий Радов – прославился, видимо, только тем, что издевался над Риммой Казаковой. Вот Вам еще одна такая же пара, как Рубцов и Дербина. Уверяю Вас, Дербина терпела Рубцова только потому, что она была талантливейшим человеком (и до сих пор есть, слава Богу, хотя ее поздние стихи мне не очень понравились). Простая баба не терпела бы Рубцова, не согласилась бы выйти за него замуж, не жалела бы его, а если бы и вышла, то просто сдала бы в ЛТП, и завладела к тому же квартирой. Дербина справедливо пишет, что тогда это был единственный метод лечения, но нельзя же, мол, сдать человека туда насильно (какое благородство, навеянное писательскими мифами!) Это ведь – пишет она – как в тюрьму, ее все будут осуждать – так она, вероятно, думала – будут осуждать все вологодские писатели (обратите внимание! – именно писатели! – потому что соседи по лестничной клетке как раз одобряют!).

А эти писатели – они дерьмо как люди, я Вам скажу, если видели, как Рубцов издевается над самоотверженной женщиной, и ее не остановили, не сказали ей, что не надо жить с таким человеком, не спасли ее! А ему никто не набил морду за то, как он издевается над женой, а ведь видели, были свидетелями, она даже пишет об этом... Ну а то, что она его не задушила, я думаю, Вы сами понимаете. Он был хронический алкоголик, по всем признакам, ну и ему стало плохо с сердцем в какой-то момент, вот и всё...

Вот он-то мог ее задушить, и запросто! Вообще, многие эпизоды – это просто классика поведения алкоголика во время запоя: и эти уговоры не бросать его – ведь алкоголики боятся оставаться в одиночестве – вообще и, в частности, в данное время, – вот он ее и уговаривал, а она такая чистая душа, что шла ему навстречу, подталкиваемая к тому же общественным мнением писательской организации: как же, гениальный поэт, его надо спасать! Это "спасать" – лейтмотив всех литературных отношений... Но это, Галя, ложь, лучше бы Дербина писала больше стихов, а ее саму "спасал" бы какой-нибудь добрый слесарь-сантехник, а еще лучше – завмаг. И обратите внимание: если бы так, как Рубцов, погиб бы слесарь-сантехник (да и гибнет их очень много!) – то все бы жалели его жену и ни в коем случае она бы не пошла в тюрьму. Наоборот: ей бы еще материальную помощь дали и все бы помогали и сочувствовали! Какая же мразь – писатели!

В книге Дербиной детально описаны многие эпизоды, читая которые просто невозможно не поставить Рубцову диагноз - "деградация личности на почве хронического алкоголизма". Эти сцены иной раз один в один - даже слова совпадают! - повторяют сцены, лично мной виденные... Например, вот Дербина заходит к Рубцову, который находится в запое, кругом - грязь, валяются бутылки, окурки. Рубцов на вопрос, ел ли он сегодня что-нибудь или только пьет водку, высокопарно цитирует Блока: "Пускай я умру под забором, как пёс..." и т.д. Галя! Эта цитата - это классика поведения пьющих поэтов во время запоя! Я бы это включила в учебники психиатрии в главу "Психология поэта-алкоголика". И я бы просто запретила это стихотворение к печатанию, чтобы не губить души юных поэтов. По крайней мере прекратила бы толковать стихи о пьянках в положительном смысле. Я бы говорила студентам так: "А вот если бы Блок вообще не пил, он написал бы еще более гениальные стихи!" (Пусть это и глуповато звучит, зато верно...)

И вот, после смерти Рубцова эти люди (писатели поганые) не то что не защитили его жену, которая со страху взяла причину этой смерти на себя, но и содействовали тому, чтобы ее упечь полудеше, изъяли чудесную книгу из печати. Эта книга - "Крушина" - была потом издана в 94 году за счет автора. Очень плохо издана, но стихи прекрасные. Особенно - стихи тех лет, когда происходили печальные события.

Ну, а книга воспоминаний - я Вас уверяю - такого нарочно не придумаете: совпадают и поступки, и даже слова Рубцова и других людей, страдающих той же болезнью. Поэтому Людмила Дербиной надо верить от первого до последнего слова. Такое не придумаете нарочно, уверяю Вас! Да Вы и сами это поймете, если прочтете книгу. Совпадает и реакция жен алкоголиков на выходы алкоголиков. Жены алкоголиков отличаются неустойчивостью психики и неадекватностью реакций. В частности, описывается эпизод с полем - вот она бежит по полю, не зная, куда деться, так как отчаяние уже перешло все границы (опять же, жена Васи-слесаря, может быть, и не подумала бы бегать по полю, а сдала бы Васю в милицию...)

Ну, а Сергей Фаустов, ваш муж - прекрасный критик. Особенно меня порадовал тезис "автор всегда прав, даже если он не талантлив". Это просто мои собственные мысли! Вы только ему передайте от меня, чтобы он вообще бросил пить. А о том, что он пьет, я отчасти узнала из Вашей прозы («Теодиум»), ну, а отчасти просто догадываюсь.

Галя! У меня появилась еще такая мысль: организовать во время Рубцовских чтений (когда они, кстати, проходят?) альтернативный семинар - чтения под девизом "Поэзия без алкоголя". Как Вы думаете? Галя, а что если выступить с таким предложением в Вашей мэрии? Если она (мэрия) согласится, например, и нам тоже дать паром, то я Вам обещаю прекрасных поэтов, и всех непьющих или умеренно пьющих, во всяком случае - не алкоголиков! Или тех, кто принципиально бросил пить. Будем пить на этом семинаре только кофе... и немного коньяку. Причем коньяк будут пить только женщины. Как Вам такая идея? Представьте: по реке плывет пьяный паром алкогольных любителей Рубцова и параллельно идет другой паром - с огромным лозунгом: "Поэзия без алкоголя!"... Это зрелище! С пьяного парома падают люди за борт, а наши, безалкогольные, их спасают и перетаскивают на свой правильный паром! А?.. Это прямо, постмодернистски выражаясь, - "перформанс"!

Всё сказанное несколько не отрицает поэтических заслуг Рубцова. В его судьбе, я думаю, немало виноваты его друзья, которые теперь веселятся на пароходах во время Рубцовских чтений, а молодые поэты, как описанный выше студент Литинститута Вова Т., восприняв всё за чистую монету, чуть ли не гибнут в этой мутной воде (Вову Т. искали за бортом 40 минут - он спасся просто чудом! - об этом Еремин рассказывал, это даже я помню...)

05.2002

О ФЕМИНИЗМЕ

...Наши, советские женщины, называющие себя феминистками, этим отодвигают себя на 100 лет назад. У нас совсем другие проблемы: на западе в иных странах женщинам только сравнительно недавно дали избирательные права, верно? Они еще от этого успеха не могут опомниться. И разрешили работать. А наши женщины давно борются за то, чтобы этих прав не иметь (кому они нужны?) и не работать столько. На западе иные женщины борются за то, чтобы их пускали работать во вредный цех, потому, что там они могут получать много за вредность наравне с мужчинами. А у нас их давно везде пускают: и на трактор, и в горячий цех, и в космос. И мы уже боремся за то, чтобы нас туда не заставляли ходить, разве нет? Мне рассказывал один мужчина из города Королева (случайно вез меня на машине), который раньше работал там, где космонавты и кое-что знает... Что Терешкова не хотела ни в какой космос, то есть, когда пришло время лететь, она стала бояться и ее буквально пинками загоняли в ракету... Вот вам и феминизм. Вот вам и права человека! Не знаю, правда это или нет, но вполне может быть!

И если вдуматься: а кому нужен космос? Мужчинам! Кому нужна оборонная промышленность, где много платят? Мужчинам! Кому нужно это поганое избирательное право в таком виде, в каком оно есть? Мужчинам!

Феминизм был бы в том, чтобы мир немного опомнился и перестал ориентироваться на кроважидные ценности, нужные только мужчинам. Женщинам кроважидные ценности не нужны. Если бы был правитель-мужчина, который бы решил отказаться от войн или наконец-то навести порядок в армии, чтобы там людей не калечили и не делали из них в мирное время инвалидов, то он бы и был самый настоящий феминист. А не та женщина феминистка, которая пришла к власти и вооружается, что есть сил. эта женщина не феминистка, а предательница всего человеческого... А все человеческое - это и есть женское, мужское - оно по большей части античеловечно и разрушительно. Так уж сложилось.

Мужчина выносливее физически и более абстрактно мыслит умственно, что делает мужчину способным к бесполезным физическим открытиям приводящим мир к новому оружию, к созданию многих других вещей, без которых человечество могло бы жить успешно и лучше... Все мы восхищаемся компьютером и интернетом. Но откуда вынаете - а может быть, если бы не было интернета, но человечество развивалось бы другим путем, и мы бы просто сейчас с вами переписывались телепатически? Интернет никому не повредил, я считаю, но оружие повредило! Мир, построенный на мужских ценностях, во многом определяется одним словом: самоутверждение. Ради самоутверждения отдельных индивидов, правящих народами, начинаются войны (недавние примеры: Гитлер, Буш, и т.д.). Не ради рынков сбыта или капиталов (хотя и ради них), но в первую очередь ради самоутверждения мужских особей, которые испытывают разные комплексы (в первую очередь - сексуальные). Женщины менее склонны испытывать такие комплексы, а тем более ради них губить целые народы. Поэтому мир, построенный на идеалах женских, был бы более мирный, благоразумный.

Мужчины готовы хапнуть сегодня, не думая о потомках (пример: полезные ископаемые). Женщины думают о завтрашнем дне. Мужчина способен создать сложное изобретение типа атомной бомбы, не думая, зачем он это делает, а просто самоутверждаясь. Женщина, прежде чем делать, всегда спросит себя: зачем? Какая от этого будет практическая польза (или вред)? Если бы способности мужчин, создавших атомную бомбу или танки, направить бы в нужное русло, то было бы лучше. А кто бы мог их направить? Только женщины с совершенно противоположным взглядом на ценности. Конечно, женщины покалечены цивилизацией и они тоже рвутся изобретать новые модели танков или же делать открытия в математике. И им этих открытий не сделать, потому что у них мозг устроен по-другому. Но зато они могли бы - если бы мир перешел на другую систему ценностей, сделать многое другое, полезное для людей.

Я считаю, что если бы действительно феминизм был серьезным направлением, то надо было бы стремиться (в идеале) к тому, чтобы женщины в конечном итоге пришли к объединению и организовали что-то вроде компании гражданского неповиновения - с определенными требованиями: отказаться от войн, прекратить полеты в космос, отказаться от клонирования, отказаться от тюрем для малолетних преступников, где куются кадры тех, кто выйдет и станет бандитом, отказаться от армии в ее нынешнем виде - как места, где унижается личность, да и не нужна она, если нет войн, и т.д. Тогда бы вся деятельность государств была бы просто парализована. Например, если бы женщины перестали выходить замуж или обслуживать сексуально бандитов и тех, кто сделал себе состояние в результате бандитизма, то люди просто перестали бы быть бандитами... Потому что кому же нужна такая жизнь?

Вот сборник "Новые амазонки". Конечно, он так назван в шутку. Но легенда об амазонках прямо противоположна женскому сознанию. Кто такие амазонки? Это те, кто взял на себя мужские функции и присвоил себе мужские жизненные ценности. А женщине они противны. Женщина имеет свои ценности - она пойдет в обход там, где мужчина полезет напролом - вот основное отличие. И этим сбережет и себя, и свое потомство... А мужчина полезет напролом, сам покалечится, детей своих за собой уведет в болото, затем покалечит и женщину тоже, если она полезет туда же. Вот так вот образно - в этом главное отличие... Иными словами - не получить доступ к благам и ценностям мира мужчин, а переделать мир так, чтобы женские ценности были в них на первом плане. Чтобы миром правило благоразумие, любовь и доброта, а не сила, самоутверждение и унижение человека человеком.

...Понимаете, как ставятся гендерные проблемы? - А вот так: сколько женщин находится в Думе? Если бы пополам с мужчинами, то это хорошо бы было - так считается... Сколько женщин состоят на должности губернатора? В США - 6 женщин, у нас ни одной, кроме Матвиенко. Это плохо... Ну, не так ли? Или: женщинам надо становить сокращенный рабочий день, а платить ровно столько же, сколько мужчинам - потому что женщина дома еще работает, обед варит... Или так, женщинам надо дать возможность работать неполную рабочую неделю - чтоб она могла служить и вашим, и нашим, и детей воспитывать, и двигать свою карьеру... Так ведь ставится вопрос?

А я ставлю его по-другому: надо чтобы государствами руководили только женщины. Надо, чтобы губернаторами и на ответственных постах были только женщины. Женщины не кровожадны, они менее склонны разбазаривать казну, так как думают о завтрашнем дне, и т.д. Не случайно в семье деньгами, как правило, распоряжается женщина, а там, где распоряжается мужчина – там развал, сбережений нет, и всё рушится... Женщины не будут вести бессмысленных войн, если уж совсем без них нельзя пока что прожить.

Если кто-то действительно переживает за существование человечества, то вопрос можно решить только так: убрать мужчин с руководящих постов в корне и навсегда. Надо, чтобы мир перешел на другие ценности. В корне. Тогда всё остальное тоже решится. От этого будет лучше всем - и мужчинам, и женщинам, и детям, и сексуальным меньшинствам... Этот тезис мой не против мужчин, а просто иначе людей спасти невозможно. Иначе всё очень скоро рухнет - а может быть, уже и рухнуло: вы посмотрите, как мы живем! Какой кругом бардак и кровожадность! Это всё из-за того, что миром правят мужские ценности. Вот как надо ставить вопрос. Я не знаю, может быть, этот вопрос уже кто-то из феминисток так и ставит. Если такие есть, то скажите, кто? Я бы им написала благодарственное письмо.

Какие стереотипы бытуют в обществе, построенном на мужских кровавых идеалах? А вот какие, например: мальчик должен уметь драться, чтобы защитить девочку. Да, должен, на него на улице могут напасть. Да, должен, очень хорошо... Или такой: отец должен научить сына драться, чтобы сын мог за себя постоять. А если бы стереотип был другой, например, такой: "отец должен научить сына, что нельзя причинять боль никакому живому существу..." – то никто бы и не дрался... И незачем было бы этому учиться. Разве я не права?

Как только скажешь это - про женщин, начинают приводить примеры. А Голда Меир? А Маргарет Тетчер и т.д. А я вам скажу, что та же Голда Меир куда больше внимания уделяла устройству государства, строительству дорог, кибуцев и домов, больше, чем войне. А войну ее вынудили вести, она должна была защитить то, что она устраивала внутри страны: иначе зачем строить? Так говорить нечестно: Израиль все время воюет - если бы Голда Меир не оборонялась, то ее страну разнесли бы в клочья, так как она была поставлена в окружение враждебных государств - то есть, в окружение кровожадных мужчин... А если бы соседними странами руководили тоже женщины то я думаю, никто бы и не воевал, а договорились бы мирно. Так, женщины хотя бы говорят откровенно: та же Тетчер говорила откровенно, что ее страна маленькая и надо обороняться в случае чего, поэтому она вооружалась. А мужчина бы на ее месте говорил бы (и всегда так и говорят!), что он вооружается исключительно из интересов гуманизма! Ну, разве я не права?..

Октябрь 2003. Москва

Ирина Фещенко-Скворцова **«ТЫ ЛЮБИШЬ МЕНЯ ЛЮБОВЬЮ...»**

Эссе

Нельзя сравнивать языки по степени их выразительности, каждый язык имеет собственные яркие средства для высказывания мыслей и чувств. Но есть такие чувства, которые ни одна язык не может передать с помощью обычных слов. Мы слишком привыкли к этим словам вследствие неосторожного отношения. Есть такие чувства...

В одной из лекций курса "Эстетика мышления" известный грузинский философ Мераб Мамардашвили вспоминает: во Франции, если влюбленные хотят узнать о сути чувств любимых, они спрашивают: «Любишь ли ты меня любовью?» То есть, любишь ты меня для себя или для меня? Желаешь ты счастья сначала для себя, а потом уже вспоминаешь о любимом человеке, или, наоборот, готов пожертвовать многим, даже собственным счастьем, если это сохранит душевное спокойствие близкого человека?

Это же надо суметь./ Это же так по-людски
Без особой тоски/ И любить, и ласкать, и жалеть./Убивая...
Убывает неласковый день./ Затихает звенящая медь...

Есть ли вообще в жизни чистая – совершенно! – любовь? Как бы любовь в чистом виде, полностью бескорыстная? Конечно, нет и быть не может. К самому чистому земному чувству примешиваются, хоть в малейших дозах, эгоистические соображения, наконец, даже мечта о счастье с любимым – ведь тоже эгоизм? Вспомним жертву Авраама, разве мог человек, ведя на заклание сына, не иметь в голове мысли, что всё это делается не по-настоящему, что в последнюю минуту что-то должно случиться? («Эстетика мышления»).

В древней Греции было четыре слова – четыре краски для того, чтобы рисовать разные лица любви, напоминает нам священник, философ Павел Флоренский. Эрос, филиа, агапе и сторге – от любви-страсти до любви к ближним.

Эрос в поэтическом языке означает: направлять на предмет все целостное чувство, отдаваться предмету, для него чувствовать и воспринимать. Этот глагол обозначает любовь-страсть, ревностное, в том числе, чувственное желание.

Филиа – Флоренский сближает с русским глаголом любить в его общем значении. Это внутренняя склонность к лицу, выросшая из задушевной общности и близости. Это дружественное отношение, нежное выражение любви, в частности, филиа – поцелуй. **Сторге** относится к органической родовой связи, нерасторгаемой, в силу этой прирожденности, даже злом. Это нежная, спокойная и уверенная любовь родителей к детям, мужа к жене, человека к Родине. **Агапе** означает любовь рассудочную, основывающуюся на оценке любимого, поэтому не страстную, не горячую, не нежную. В ней меньше ощущений, привычек или непосредственной склонности, чем убеждений. Её можно обозначить глаголом – ценить, уважать.

Здесь преобладает, по-видимому, рассудок над чувством. Это любовь безотносительно к чувственности и сердечности, скорее её рассудочно-моральный аспект, не включающий идеи об охотном, из сердца идущем действии.

По Аристотелю, филиа – склонность, соединённая с самим любимым лицом, вызванная близкой совместной жизнью и единством во многих вещах. Агапе соединена, скорее, не с самим лицом, а с его свойствами, поэтому склонность несколько безличная, абстрактная. Это любовь, управляемая волей, как ни странно это звучит для нас. Сторге же – чувство, по преимуществу родовое (в отношении лиц, с которыми существуют бытовые, корневые связи), тогда как три другие вида любви – личностны. (П.А. Флоренский «Столп и утверждение истины»).

Как совмещаются эти виды любви в каждом конкретном случае, решают индивидуальность любящего и особенности ситуации... Любовь милосердствует, любовь прощает. Все мы помним эти прекрасные слова апостола Павла. Симфония двоих на земле. Будь то любовь или дружба, – это победа над самостью. Она достигается, хотя и не достижима полностью, а мера её достижения есть вместе с тем и мера кротости любящих. «Всякий внешний ищет моего, а не меня; Друг же хочет не моего, но меня... Получать от полноты – легко: это значит жить на чужой счёт. И давать от полноты не трудно. Получать же полноту трудно, ибо нужно сперва принять самого Друга, и в нём найти полноту, а Друга нельзя принять, не отдавая себя; давать же себя трудно» (Флоренский).

Может быть, эти взгляды устарели, ведь цитируемая книга П. Флоренского написана в 1914 году? Откроем книгу современного мудреца, наиболее известного широкой публике по экранизированному роману «Женщина французского лейтенанта». Итак, Джон Фаулз «Аристос» об отношении современного человека к старению: «С ослаблением веры в загробную жизнь и сопутствующим ему ростом требований равенства общечеловеческая тенденция сводится к уклонению от смерти и возраста, в котором она наступает. Во всех сферах духовной жизни наших сообществ – от искусства до рекламы – мы сталкиваемся с культом и жаждой вечной юности... а значит, страсти... Вопреки мужскому мифу о женской суетности, именно мужчины наиболее упорно преследуют химеру вечной молодости... Обычное современное желание 40-50-летних мужчин отделаться от своих ровесниц-жён и завести интрижку или заключить новый брак с девушкой, которая годится им в дочери». Фаулз подчёркивает, что для оставленных женщин, которые сидят дома и страдают, это означает фактическое рабство, ещё более изощрённое, чем то, которое существовало прежде. Страсть, интимные отношения прекрасны, как всё естественное. Но страсть и страстный период брака носят животный характер; человеческий брак отличает гармония. Именно женское начало: терпимость и скептицизм в отношении адамовой веры в право силы – наиболее ценны для общества. Мать – эволюционная система в миниатюре: ей ничего не остаётся, как только любить своего ребёнка, каким бы он ни был. Материнство – важнейшее упражнение в терпимости, этой самой важной из человеческих премудростей. Вывод Фаулза: все прогрессивные философии феминистичны, будущее, если оно есть у человечества, – заключено в женском начале. Носителем этого начала могут быть и мужчины, вспомним опять поэтов, в которых женское начало сильно. Они, понимающие женщину, единственные, кто умеет любить (М. Цветаева). При этом они могут быть поэтами только в душе, не написав ни строчки за всю жизнь. Секс – обмен удовольствиями и потребностями, любовь – безвозмездный дар (Дж. Фаулз).

Погоня за эросом в современном мире рушит основы человеческого, человеческого супружества... Супружества – тихого каждодневного подвига, подвига терпения и прощения, о котором говорил П. Флоренский. Сочетание всех видов любви, сохранение её, когда ослабевает напряжение эроса, благодаря усилению других видов, в том числе и с помощью разумных волевых усилий, это возможно?

Такая разная бывает любовь в жизни: неразделенная любовь и любовь-взаимность, любовь к родителям и любовь родителей к детям... Страшно: кажется, мы всегда отрываем кусок от нашей любви, чтобы отдать его другой любви. Женщина полюбила вторично, и незаметно для нее, она начинает обделять любовью ребенка от первого мужа, бывает ли такое? Почему? Потому, что она

подсознательно связывает его с отцом или потому, что существует неумолимый закон сохранения любви, ну, как сохранения любой энергии?.. А если мать – художник по призванию, не в ущерб ли проявление её творческой энергии заботе о собственном ребенке? И тогда можно ли оправдать даже гениальным творчеством, которое нужно многим людям, жертвование судьбой, счастьем собственного ребенка – вопрос, который сопоставим со “слезой ребенка” Ф.М. Достоевского? Неужели для женщины и на самом деле всегда существует такой ужасный выбор? И ведь, знаем, знаем в жизни женщин, которые именно из-за этого боятся иметь детей...

Любовь в своей семье, к самым близким людям естественна. Людей связывают кровные родственные чувства или молодая пылкая любовь. А если этого нет, сумеет человек любить?

Вечер символами плен, / Только имя улови...

Ночь стирает всю палитру./ Купиной неопалимой

Проступает контур сути./ Отступает суета...

Если так стирает старость/Буйство красок Сладострастья, -

Может там, за гранью пола./ Тайна истинной любви?..

Любовь к друзьям? Может быть, мы утратили возможность по-настоящему дружить, когда ни одна корыстная мысль не загрязняет родниковой ясности чувств? И насколько усложняются отношения друзей, если они - художники, если начинает разгораться соперничество? Мы еще можем дружить с художником, чей талант мы снисходительно лелеем, но если мы поймем, что его творчество может затмить наше – тогда неискренность приходит на смену бывшей привязанности...

Не случайно философы XX столетия настаивают на том, что только через Другого человек может создать себя как образ Бога. Только через Другого открывается человеку понимание единства всего человечества, возникает стремление понять каждого человека около тебя... Может быть, нет только одной разновидности любви - несчастливой. Человек, который сумел полюбить, не может быть несчастным. Как прекрасно сказал Ф. Тютчев: Когда на то нет божьего согласия,

Как ни страдай она, любя, -

Душа, увы, не выстрадает счастья.

Но может выстрадать себя...

Жизненный пример такого сотворения собственной творческой чуткой души художника благодаря неразделенной, утраченной любви даёт нам русский писатель М. Пришвин в автобиографическом романе «Жень-шень». Охотник скрывается в шатре орехового дерева, опутанном лианами, - и вдруг, дикая ланка, обрывая виноградные листья, просовывает к нему маленькие изящные копытца. «Всякий охотник поймёт моё почти неудержимое желание схватить зверя и сделать своим. Но во мне был ещё другой человек, которому хотелось сохранить это мгновение нетронутым и так закрепить в себе навсегда». Но потом, сколько раз в своей жизни восклицал он про себя: “Охотник, охотник, зачем ты упустил ее и не схватил за копытца?” Зачем бояться, избегать печали в жизни? Она превращает человека в поэта...

«У Пришвина оно/ с глазами дани -/ желание.../Не сбудется – желание./Вот женщина./Устала, пожилая, а все дела. Привычные дела./Печаль. Ее не сразу приняла я, / и оттого роднее поняла».

Любовь художника, поэта, музыканта - творца... её своеобразие. Об этом писали и продолжают писать. Жадность в любви: я – люблю и не мешайте мне, будь то даже ответственное чувство любимого. Я – люблю и мне для полноты ощущений нужна вся любовь, я не могу её делить, даже с любимым (Марина Цветаева). Утонченные письма о любви поэта Райнера Марии Рильке... Хорошо – любить, потому что любовь трудна. Любовь к человеку, быть может, самое трудное из всего, что нам предназначено, это последняя правда, последняя проба и испытание.

Общественная мысль всегда склонялась к тому, чтобы видеть в любви удовольствие, и должно было устроить всё очень легко: дешево, безопасно и надежно, как устроены все прочие общественные удовольствия...

Любовный бред. Друг к другу - вброд./ Попытка - вплавь. Попытка - с лета.

Никчемный щит. Ничейный счет./ Дифракция луча сквозь слезы.

Не дорасти, не досиать /Сквозь мрак внутри, тягуче-плотный.

Обоим слишком - до себя. Обоим - плохо.

Молодые люди еще не умеют любить. Торопливо и жадно стараясь найти настоящую любовь, они расточают себя, тратят всё, но при этом отдают друг другу только собственные мрачные мысли, собственную неуравновешенность и тревогу. В них ещё нет того, что можно на самом деле отдать любимому. Каждый из них теряет себя ради любви, но теряет и самую эту любовь... Чрезмерное сластолюбие, алчность, хмель и тревога, которые часто встречаются в мужской любви, и, в особенности, надменность этой любви унижает, даже убивает любовь... («Письма к молодому поэту»).

Поэт одиночества, которое он считает необходимым условием духовного роста. Рильке и любовь определяет как два одиночества, оберегающие, защищающие, приветствующие друг друга.

Бесконечно бережная, тихая, добрая, ясная любовь, и в сближении, и в разлуке: "осторожность жестов несмотря на силу торсов... руки, легко положенные на плечи: любовь и разлука... только так дано нам касаться: против более сильного - боги" ("Дуинские элегии").

Близорукими глазами/ Контур улови.

От сплошного бормотанья / Строчки оторви.

Так и будет: вечер, тайна, / Не черты, а очертанья./ Контур любви.

В современном мире, где все более теряются настоящие живые связи между людьми, властвует откровенная польза, жадность к наслаждениям тела или к утонченному холодно-ироническому наслаждению интеллекта, собственным превосходством над другими – в этом мире единое спасение – это любовь. Трудный и узкий путь, но единственный....

Украина-Португалия

Галина Щекина «ТЫ КТО ТАКАЯ?»

Галина Щекина родилась в 1952 в Воронеже, там закончила университет. В Вологде с 1979 года. Работала экономистом, корреспондентом газеты, ведущей гостиной в библиотеке, выпускала альманах «Свеча», староста литарттели «Ступени». Начала писать в 1985, публиковалась в местной периодике, «Книжном обозрении», «Дружбе народов», «Литературной России», сборнике «Женщины и СМН: свобода творчества». Автор повестей и рассказов в книгах «Бая и колтанья», «Ария», «Графоманка», «Мелисса», «Тедиумм», двух сборников стихов. Член Союза Российских Писателей с 1996. Участница нескольких литературных совещаний в Ярославле, Москве

То, что для меня событие - вино, мужчины, музыка, – для нее скучно и обыденно. Я вообще никуда не ходила, один раз в жизни была в ресторане на юбилее начальницы. Мы там сидели сугубо женским столом и игнорировали всех, кто не обращал на нас внимания. А на нее обращали, она привыкла. Она в этом ресторане почти десять лет отработала. Она быстро носила подносы, не спорила с клиентами, часто подменяла подруг и всегда получала хорошие чаевые. Подруги говорили - с каждым пойдет. Но она не ходила, просто старалась создать такое мнение, чтобы думали. Она могла выйти, сесть в машину, выскочить из нее за углом... Зачем? И сама не знала. Может, подчинялась негласному стандарту. То есть это был, может, и не лучший, но устойчивый образ жизни, она в нем освоилась. Она сильно взбивала свои бело-пепельные волосы, одним движением резко подводила глаза, затягивала широкий пояс на девчоночьей талии, бросала грустно-дукавый взгляд в зеркало. На голове облако, в глазах грусть. Как не хватает ей сына Артемки! Как невыносимо, что она сама, сама свезла его в деревню... Но ведь на время! Теперь все утряслось, уже пора везти его обратно, ой, пора. Не получается. Эй, актриска! Расправь бровки. Все будет хорошо...

И вдруг эта простая модель жизни сломалась...

Гена ее увидел в ресторане. Она на шпильках не прыгала, как на ходулях, она плавала между столиками ровно, как яхта. Она не была похожа на обычную крашеную куклу с потресканным ртом. Увидел ее, попросил чего-то принести и... больше не отвязался. То ли себе доказать, что такая гордичка будет ему прислуживать. То ли покрасоваться перед своими братьями художниками. То ли правда, что-то там такое было свыше? Когда они забрали ее в тот первый раз и пошли к кому-то допивать, она в своей черной рубашке, завязанной на животе, сидела столбиком, молчала. Вокруг был такой притон, гостей тошнило, падали у стола, не отходя от кассы. А она одна была трезвая. Хотя друзья потешались над Геней и удивлялись при ней: Геняч, мол, зачем же брать из кабака, таких и бесплатно не надо... Она понимала, что люди пьяны, но надеялась, что он заступится. Но он не заступился, смеялся со всеми вместе. Почему она осталась, почему? Надо было сразу уйти. Она тогда еще не любила его, просто притягивала атмосфера. Это же художники! Они умеют видеть то, что другим незаметно. Они видят тайное, и после этого другим тоже становится ясно, это просто

чудеса, как здорово. Может, и у нее получится так? Когда-нибудь... И она сразу же, еще не любя его, почувствовала – мужчина. Сильный, необычайный.

Когда он без церемоний велел ей раздеться и позировать, она заупрямилась. Ей было лестно, но одновременно оскорбительно. Ну, хотя бы спросил для видимости. Она тихо что-то сказала, возражая.

Он поднял брови

- Ты кто такая? Кто-о?!

Она задрожала, она боялась, что он сейчас скажет – официантки, они же все... Но он посмотрел на нее с таким презрением, что лучше бы уж сказал вслух. Она, конечно, стала позировать, ведь художнику нужна модель. Но ей казалось, что модель хоть и обнаженная, беззащитная, но к ней относятся с большим уважением, а к ней – так наплевательски... Почему-то слезы ее пробивали, пока он углем набрасывал контуры. Она наивная была, Марина. Она не понимала, что все женщины для них не люди. Тем паче официантки. Профессия превращалась в клеймо.

... - Я так больше не могу, - твердила она, оглядываясь и шарахаясь от любого прохожего.

- Не можешь, так сбегай, - упорствовала я, - посмотри, какая ты задерганная.

- Он меня все равно найдет, - мотала она головой, - найдет, из-под земли достанет.

- Уезжай! - убеждала я.

- А дочка?! У нее не будет отца.

Марина ни о чем не догадывалась в то время, как жизнь уже взяла ее за нежное горло грязной клешней. Она очень переменялась к лучшему после того, как встретила его. Никаких крашенных ресниц, никаких масляных губ. Безжизненные волосы, сбившиеся комом от лака, вернулись в забытое шелковистое состояние. Умытое лицо, помолодшее лет на десять, светилось румянцем и шурилось теплом. Сероглазое, аристократично-тонкое, с очень белой кожей. Лицо, на котором что носик, что глазик, что бровки – каждая черточка цвела и лучилась.

Она фанатически стирала, развешивала кружевные тюлевые занавески и варила супы. У них даже косяки были расписаны ягодами и жар-птицами, но, конечно, этим занимался не Гена, а Марина. Ее никто не просил, но она, наверно, хотела заслужить его одобрение. Ради этого и работу в ресторане бросила, хотя денежная была работа! Но она ее бросила без сожалений – любимый не хотел. Я, кстати, познакомилась с ней гораздо позже в подшефном садике, где наша библиотека проводила для детей Книжкины Именины. Марина расписывала стены в группах и нарисовала героев сказок прямо на стене, от пола до потолка. Они оттуда как бы спускались к нам... Мы и мечтать не могли о таком роскошном оформлении.

Она говорила – «мой любимый не хочет!» – и это был закон. И то, что закон необсуждаем – ее горячило. Кажется, она даже гордилась этим. И даже я сама робела как-то, ожидала и боялась его увидеть. Мы сидели у нее на кухне, она у плиты, я у стола с чашкой чая. А он вошел тихо, прислонился к двери. И насмешливо смотрел! Мне представлялся мрачный бородач богемного склада. Так и есть – рыжебородый, с лысиной. Из-за нахмуренных бровей мужчины не видно глаз, но они поблескивали плавленной смолой, плясало в них что-то, как огонек в воде.

- А ну, подружка жены! Говори! Тоже официантка?

- Нет, - запнулась я, - библиотечарша.

О. Как он усмехнулся. Некрасивый, чертовский, жесткой складкою рот. Маленький, коренастый, кривоногий. Как чеканка из меди.

- Знаешь Яна Шевского? – спросил он вдруг, –пейзажи с японками.

- Знаю, - покраснела я, - и люблю очень.

- Почему?

- В нем все... нерусское. Как будто «Иностранную литературу» читаешь.

- Да уж, да уж. Как Гоген, который любил таитянок! А я вот против. - Он опять ушел глазами под брови. - У нас мастерские через стенку. Выйдем курить, все спорим. На этой земле вырос, эту землю пиши. А то – японки...

Марина забегала по кухне, доставая тарелки, помидорки

- Маловато, - сказал Гена, - сейчас еще придут.

- Но, Гена, я же не знала, у меня только котлеты.

- А надо знать! Ты подруга художника!

Я полезла было в кошелек, видя растерянное красное лицо подруги. Но Гена быстро достал деньги из кармана и велел Марине сбегать в магазин. Я сказала – да ладно, давайте я. И притащив большую сумку, постаралась уйти. Художников я знала хорошо, и с одной стороны, благоговела перед ними. А с другой – ну их. Однажды столкнулась с ними в мастерских, где обитал Геннадий: мне нужно было взять материал для газеты, я спрашивала, нужна ли им своя газета по искусству, а они как начали ржать. «Газеты все душные, - сказала мне бородастая личность, - густопсовые». Так сказал Гена. Шевского не было среди них. Шевский так и не сказал бы. Больше я в мастерские худфонда не совалась.

Когда Марина работала в ресторане, она кормила одного Гену. Когда он велел ей отсюда уйти, она стала кормить всех его друзей, даже если они приходили к ней без него. Она была как на иголках все время. Однажды Гена опять пришел не один - с приятелями, да еще с женщинами, и весь вечер сидел, обнимая их, шекоча. Марина носила еду и тарелки, кормила и укладывала дочку, плотно закрывала дверь и снова шла на кухню. Гена сердился:

- Ты кто? Ты жена! Сиди с людьми, как личность. А не на кухне, как кухарка!

Марина стеснительно села за стол, где четверо художников обсуждали отбор на зональную выставку. Спор все вертелся вокруг какого-то выставкома, который ничего не понимает. Портрет важного деятеля, написанный Геннадием, сочли плоским и беспроблемным. Его сразу же сняли с рассмотрения, вынесли в запаску. Автор был в бешенстве и даже сказал, что в такой выставке позорно участвовать... И хлопнул тяжелой дверью худфонда. Он вспыхивал моментально, может гут сказывалось что-то национальное – он был наполовину осетин. Но иногда он сильно портил жизнь себе и людям, загораясь слепым гневом. После той вспышки на выставкоме его два года не пускали на зональные выставки...

Гости по очереди выходили с женщинами прогуляться. Ужас, охвативший Марину, не давал ей даже заплакать. Она смотрела остановившимся взором, глубокими серыми глазами, остекленевшими от горя. Она думала – неужели у них нет такого чувства, что при ней нельзя? Что надо хотя бы для видимости, так как в этой ситуации не Гену стыдно, а ей стыдно за Гену. Но никто не стал делать вид. Куда там!

Плач обычен на ночной кухне. Плач немой и трясущий, который не облегчает душу, только надрывает... Он вошел, включил свет. Она, закрывая ладонями опухшее от слез лицо, отвернулась.

- Зачем? Ты меня зачем поманил? Я совсем тебе не нужна.

Он помолчал, потом сказал своим низко-скрипучим, как колодезный ворот, голосом:

- Нет, нужна. Но указывать не смей. Пил – и пить буду. Гулял – и гулять буду. Не тебе судить. Ты вообще кто такая?

И взял ее на кухне прямо. И она настолько не хотела, что не сумела воспротивиться. Когда ушел, осталась там лежать. И так лежала до утра. Она не спала, но не могла пошевелиться – изнутри все вынули. Сил просто не было.

Гена вскоре уехал на пленер, ничего не сказав. Он всегда так молча уезжал, приезжал. Любил держать в неизвестности. Мы с Мариной потом пошли посмотреть его картины в салоне, и долго не могли от них отойти. Мне запомнился велосипед в чулане, где полно хлама, но в открытую дверь бьет солнце и ребрятся озерные воды. В этих темных водах вздымались острова и от них шел гул. Вот человек отвернувшись, бьет веслами и пытается повернуть лодку к острову. Да. Это он, сам Гена. Сильный жилистый человек, один против всей стихии. Значит, он такой: повелитель волн, шестидесятник, «смело, братцы, с ветром споря»? А мы, значит, его несколько не знаем – настоящего? Там еще выставили портрет известного поэта Рубцова с шарфом через плечо. Сходство с фотографиями – потрясающее, но было еще сходство с самим Геной. Да, они оба были слиты в этом портрете. И экскурсовод объясняла, что они правда были знакомы, очень дружили... Марина задумалась: «Он никогда про это не рассказывал. Хотя я могла их видеть вместе за бутылкой, и не раз, а о чем говорили, не прислушалась...» И я тогда сказала: «Видишь, в ресторане это тебя не раздражало, а тут почему? Пьяных, что-ли не видела?» - «Это совсем другое дело».

Мы очутились перед картиной «Семейный портрет». Мужчина смотрел в одну сторону, женщина в другую. Мужчина был джеклондоновский тип, обветренный путник. А женщина гриновская, волосы пушистые пепельные, как у Марины-официантки... Тонкий профиль. Она будто прижималась к его груди, а он будто не замечал. Это были профили с двух разных монет. Реальная Марина стояла, склонив голову на плечо, щурилась, вытирала щеки. «Как же так? – думала она. – Почему он такой необыкновенный в работе, но такой невыносимый со мной? Неужели от того, что я ему всегда мешаю? Он не говорил мне, что задумал все это. Но... Это же правда - мы разные, господа, мы никогда не пойдем друг друга!» Она смотрела на все это горестно-ошеломленно.

Но от приезда мужа она впала в еще более глубокое ошеломление. Оказывается, он на обратной дороге с озера, где проходил пленер, заехал в родную деревню Марины к ее матери. И там он повел себя по-хозяйски: сам починил поваленный забор, и только после этого познакомился с чужой ему Маниной мамой, которая его никогда не видела. Артемка поневоле помогал странному дяде, глядя на него насмешливо и отчужденно. Но поскольку он тосковал по матери, - а получалось, что скоро он к ней переедет насовсем – он заставил себя быть вежливым. Вежливо взял купленные в сельмаге кроссовки. Сердце его билось в предчувствии новой хорошей жизни!

А Марина и не знала этого, пока собирала дочку в школу заранее. Даже фартучки ей шила с буквами. У ее Ниночки у одной в садике было платье из такни «газетка». Мамочка все. Ходила, списывала, где какие кружки. Приходила ко мне в библиотеку, рассказывала свои домашние происшествия, пыталась понять, что с ней происходит. Худая стала, дерганая. Рассказывала, как не ладит со свекровью: та следит за каждым шагом и считает ведьмой, которая губит единственного сына. Его погубишь!

- Ты что все оглядываешься, как военный летчик? Никто же за тобой не гонится. Чего тебе бояться? - уговаривала я. - Ты смотри, какая ты молодец. Держишься, несмотря ни на что.
- Я очень низко пала, - говорила Марина, - как никогда. Даже когда я сына к бабке в деревню отправила - и то не так. Теперь прошу ее привезти его - нет, не везет. Даже когда в ресторане чаевые брала - и то не так противно. А теперь я какая-то... шлюха.
- Брось! - кричала я. - Ты хорошая. Ты должна от него уйти, оторваться. А то до худого дойдет.
- Уже дошло.
- Что такое? Ты серьезно?
- Он меня достал. Он пьяный стал валить прямо при дочке. Она и закричала. А я... Я...
- Что я? Что? Ну?
- Я укусила его. За нос... Нос еле держался. Скорая отвезла в травматологию, пришили.

И он пошел на встречу с югославами. Все смотрели! Не нос, а...

- Ужас.
- А еще я нашла квартиру. Уйду внезапно, дочку из сада заберу, и все. Не вернусь. Ты не сдашь меня?
- Ничего я ему не скажу! Мне тебя знаешь как жалко.

И я обнимала ее, гладила худую спину под майкой со стилизованными заплатками. Мне было непонятно, как это так. Что ее держит? Это я поняла много позже, когда у меня появился мужчина. Это понимают люди, которые нахлебались одиночества - вот так!

Поздно ночью зазвонили по телефону. Я, страшась, смотрела в стену, по которой плавали пятна от фонаря. Гена спросил, не у меня ли Марина. Я сразу сказала:

- Конечно, нет! Где у меня? Знаешь, какая клетушка?!

Но Гена не поверил, вскоре пришел сам и забухал в дверь ногой.

- Говори, где она! Подружка жены! Ну?

Он никогда не помнил, как меня зовут. Всегда так - подружка жены. Как будто я статистка в массовке, с улицы - не знаю кто.

- Гена, я не знаю. Не надо в бешенство впадать.
- Может у нее есть ебать? Говори!
- Перестань, Гена. Если она куда и пропала, то это к лучшему. До беды недалеко.
- Что ты понимаешь? - заорал на меня Гена, поворачивая в ночь. - Она моя, понятно?

Он не был пьян, я бы заметила. Гена выглядел безумным человеком, почерневшим от отчаяния. Нос, действительно, был багрово-синий, сбоку черточки швов. Он был похож на черта - резкие дикие движения, бегающие глаза. Поневоле заколотит! Я потом тоже стала на улицах оглядываться, как Марина. Даже в библиотеке, идя меж стеллажами, я оглядывалась. Один раз было много читателей, я замучилась искать формуляры, вся жаркая, обалдевшая... «Сейчас. Сейчас иду!» И вдруг вошла Марина.

- Спрашивал?
- Конечно! Я не сказала. А ты где, как?
- Устроилась ночной сторожкой в одну контору. Нинка все папу зовет. Что я наделала? У ребенка не будет отца...
- Да найдешь ты ей отца. Посмотри какая ты ровенькая. Марин!

И в этот момент зашел в библиотеку Гена... В костюме, в рубашке цветной, с чего это он, всю жизнь в спортивных костюмах да в штормовках... Цап ее за руку! И они вышли, быстро очень. Сердце мое до того застучало, что стало останавливаться. Я так боялась, он с ней что-то сделает. Смотрела в окно и глотала пустырьник... Но идти к ним еще больше боялась. Ведь для него я была шестеркой, предательницей.

Потом она сбежала второй раз, подальше, в детский лагерь, вместе с дочкой. Он нашел ее и там. Она один раз позвонила с работы, сбивчиво обещала прийти... Но я уехала в отпуск, где столько случилась событий. Мне стало не до чужой беды. А потом я приехала, но Марина исчезла. Я стучала в дверь, звонила - все зря. Дома никто не откликнулся. Однажды на стукот-грохот вышла соседка.

- Ты тоже из них?

Вид у нее был вполне банный - махровый халат до полу, пояс завязан узлом на спине, а на голове намотан тюрбан из полотенца.. Она меня испепеляла всем своим кирпичным лицом.

- Из кого из них? Где у них вся семья-то? - заикалась я. - Марина где?

- Тот день у них, видать, было попоище, ой-ти. Сам-то бегал несколько раз до магазина, в рай вошел. Сама один раз вышла до лавки до нашей, все самурная была, села, руки уронила, смотрела в небо. Да не следила я за ей, а дверь не затворится, внук туда-сюда шнырит. Я за им пошла: чтоб курточку накинул, ветер стал уже. Сам-то сверху пошел с новой девахой, не знаю, из чьих она. Так идут-идут - и повело, повело на стену-то, ой-ти, хороши, видать уж, были. О чем-то там переругнулись, и вдруг он поволок ее под лестницу и вот снова там, прям при белом дне, стыдобище, ой ти. Ну, сколько живу, не видала, чтоб так по-собачьи... И тут - сама Марина за

ния следом. Встала эдак-то напротив, смотрит, как они там спариваются, и вот стонет сама себе. Мороз по мне пошел. Выскочила я, повернула за плечи к себе: «Да не смотри ты, глупая, что тут смотреть? Уйди от греха!» А лицо у ей бело, бело. И глаза вот эдак закатила, только зная белки блестят... Я ее веду к себе, глажу, ее – тихо мол, тихо, иди ляг, очнись иди, голуба. А она мне несет не пойми что: «Гулял, гулять буду, пил, пить буду, гулял, гулять буду...» Без конца одно и то же, заклинило бедную. Потом вырвалась, ушла. Я внука отловила, куртку дала, и опять туда, к им-то. Думаю – пьянь у них разошлась надолго, как бы с ей чего не сделалось.

Толкнула дверь – а там тихо-тихо. В кухне, вижу, сам стоит с расстегнутой ширинкой, веселый, как черт, тут и деваха из-под лестницы, со стаканом в руке, еле сидит, икает... Марина у окна молчит. Он к ей подходит с куражом – дескать, теперь очередь твоя... Она ж не глядя, рукой назад как махнет! Дескать, отвяжись! – И он упал. Ножом значит, она его... Ой-ти, мать моя женщина. Сам упал и поплыло красное, деваха в крик – и побежала, видно, до нее дошло. И тут сестра ее заходит. Где, говорит, картина, что мне Генка обещал? А вот она, картина – и Марина ей ножом кровавым-то указывает. А куда глядеть – то ли на картину, то ли на мертвого рядом? Как увидела сестра – так и села на пол. Я побежала звонить. Сразу милиция прикатила, а скорой все нет. Марину, значит, руками назад, лицо растеряно – «Нину, Ниночку из садика заберите»... И увели. Нинку я забирала, у меня она спала, пока все тут бегали. Скорая приехала через полчаса, сестра, поди, все так и просидела в столбняке, среди той крови-то. Сперва сестру допрашивали, как свидетеля, а потом глядь – баба-то совсем с ума съехала, опекунство не разрешили над дочкой Марины. Дочку Нину увез в монастырь какой-то друг Гены с родины. Геннадий любил монастыри, и был туда вхож, друг там в батюшках. А что Марина? Сидит на строгом режиме в Башкирии, сестра говорила...

Я ушла от соседки чуть живая. Что ж наделала Марина с жизнью со своей, да с дочкиной, и как теперь себя терпеть после того ножа? Да, видела и я тот сувенирный набор под хохлому – на окне, красивый, сверкающий, его вручили Гене на выставке в районе. Знал ли он, зачем привез его домой? Через полгода пришло письмо от Марины. «Может, ты не будешь со мной разговаривать... Но мне так хочется найти хоть ниточку в прошлое. Мне тяжело тут, но спокойно. Ведь теперь мне нечего бояться, все страшное позади».

Она начала писать стихи. Мы потом разбирали их, нежные и гневные, веселые и печальные. «Дорога до неба размыта, А небо как старое сито, А небо вот-вот упадет. Не солнце, а ворон в зените. И дождь все идет и идет. И вязок мой путь и беспутен. Сплетаются ночи и будни. В зловещий канат, не порвать. Мой голос рассвет не разбудит. Лишь вороны будут летать». В содеянном несколько не каялась. Я никак не могла понять, что она чувствует. На что надеется, когда предала смерти другого. «Наказание всегда со мной, всегда оно в душе и так будет всю жизнь. Эта мука не сравнима ни с каким сроком – это – бессрочно...» Но самые горькие мыли ее были о дочке, увезенной от нее далеко, в город с монастырем. Как вернуть ее? Неужели судиться с другом Геннадия? Марина писала священнику, но он не отвечал. Не о том ли ожидании была маста в стихах? «Под стрехой мокрая ворона дремлет. Дождь шелестит. Моя душа аккорды не приемлет, в тиши грустит. Не нужно мне ни солнца, ни веселья... Я жду письмо. Пусть горькое, как тяжкое похмелье – Мне все равно. Ворона встрепенулась, улетела, Легка ей тьма. Я у окна без мыслей и без дела. И нет письма».

Через год Марина написала прошение, чтобы ее перевели в родной город. Сестра ее была совсем слабая, дали инвалидность. Вскоре я получила письмо с местным обратным адресом. Она была здесь! Она теперь смотрела на это же северное небо, на эти же купола с белой штриховкой снега. И снова полетели письма, минуя тюремный забор: «За окном дождь, а на душе светло – я почти дома... Слышу радио. Сердце кровью обливается от знакомых имен. В худфонде новый салон, ты, наверное, сходишь. Завидую... Друзья, конечно, считают, что потеряли гениального художника, да и ты мне твердишь о покаянии, но милая моя... Никому не жалко тех, кто с этими гениями жил... Ты вспомни, вспомни Дербину. Она, как говорит начальник отряда, убила поэта Рубцова. А что она вынесла – теперь я знаю, что это такое, я сама пережила. Я нахожусь в ее камере, представляешь? Ведь ты ее жалела. Мои сокамерницы многое пережили, по сравнению с их жизнью тюрьма – это курорт. Алина своего пьяного мужа убила, когда он дочку насиловал. По голове дала чугунной сковородой. Тамара – она отчима, который мать палил поленом, в сараюшке подожгла. Оля отравила брата, потому что он детей ее привадила колотыся. Никто из них не виноват! А их судили! Суди и ты меня. Кто я такая? Скажешь, я убийца. А жить-то стало легче. Ведь на земле одним подонком меньше... Он пил, гулял, а я за него на шконке корчусь, да не сплю».

Не знаю, как другие, но я от Марины так просто отказаться не могла, даже если бы все вокруг ее прокляли и не позволили знаться. Слишком ясно видела ее перед собой прежнюю, веселую и розовую от плиты, с Ниночкой на руках, поминутно стягивающей с Марининой головы резинку, отчего волосы вырывались потоком. Слишком я любила смотреть, как в ней просыпается и крепнет жажда осуществить себя в рисовании и стихах. Любила ей читать стихи и углом зрения замечала, как у нее стремительно влажнеют глаза. Я писала ей, что надо молиться, что душу надо спасать, а сама думала – а как ее спасать? Ведь она второй раз так не сделает, она же понимает. И плачет, и

мучится она там, только она старается писать - хорошее. «На зоне работы нет, из трехсот работает пятая часть. Но мне обещали место в библиотеке... Давай устроим вечер Цветаевой? Ты знаешь много песен, я помню».

И мы договорились встретиться. Меня не пускали. Но когда я произнесла имя Цветаевой, железные двери открылись. Как страшно они открылись и закрылись - три раза. Дын-длан, дын-длан. Длаа-нн. Ворота клацнули так, как будто закрывались за мной навсегда. На КПП меня обыскивали, даже гитару трясли над столом, но главную контрабанду я спрятала за пазухой. Какое счастье, что там они не посмотрели. Господи, я была как лед. Мне надо было полтора часа выступить и петь, и за это заместитель начальника тюрьмы, чудесная женщина, пообещала мне пять минут с Мариной.

После концерта меня окружили осужденные - и Алина, которая пыталась защитить изнасилованную дочь, и Тамара, закрывшая отчима в горящем сарае, и Оля, отравившая брата ядом... Все были здесь, в том числе и убийцы. Подошла пожилая женщина в ватнике, беззубая вся, только улыбались черные пеньки во рту. Дотронулась до руки жесткой ладонью: «От меня вся родня отказалась... И ничо, живу...» Но я, кто я такая, чтоб так на меня смотреть, так верить? Разве я имею право им указывать?

Марина обняла меня в ужасном шуме, ее губы шевелились, но я ничего не могла разобрать. Оглянувшись, я вытащила пакетик с дрожжами и подала. Она с улыбкой тут же спрятала его: «Не бойся, это не на брагу, это от фурункулеза хорошее средство. Спасибо, лапушка, приходи, приходи еще, видишь, как тюрьма по тебе плачет». И плотная толпа прошумела - приходи, приходи...

Они так хорошо слушали, осужденные женской тюрьмы. Нигде и никогда у меня больше не было такой аудитории. В том месте, где у Марины Ивановны умирает дочка в приюте, тетеньки в куртках с бирками сжав рты, немо плакали. Плакала и моя Марина, склоня божественную голову в ворот телогрейки. Плакала о чужом горе, получив возможность оплакать себя. Что ожидало на воле? Ничего! Квартиру отобрали. Сын отвернулся еще до заключения, остался с бабушкой в деревне. Дочь отобрали, увезли в монастырь. Сестра тяжело больна. А ей всего лишь тридцать. Вся бы жизнь впереди, а уже одни развалины. Но тут она горевала не конкретно, а о жизни вообще - той, что не осуществилась у Ириши Эфрон и той, что не получилась у нее, Марины. Да и я сама плакала, глотала слезы, как будто в первый раз рассказывая о трагедии любимой поэтессы.

Вологда

Елена Юшкова **ТЕАТР ЧУЖИХ СНОВ**

Елена Юшкова родилась в Вологде в 1964. После окончания факультета журналистики МГУ работала в областных газетах «Красный Север», «Русский Север», преподавала спецкурс на факультете журналистики ВГПУ. Сотрудничала с центральными изданиями - «Общая» и «Литературная газета». Окончила аспирантуру МГУ. Автор многочисленных статей о деятелях культуры, отдельной книги «Пресса России и пластическом театре». Опыты художественной прозы обобщены в книжках «Отзвуки «Турецкое шоу», «Бабочка, летящая на сюжет».

Спектакль появился почти случайно. Безработная актриса и безработная журналистка почти год просидели на кухне, ведя бесконечные разговоры о своих невнимательных мужьях и полной невозможности подключиться к забытому о них социуму. В театрах - одни сволочи и интриганы, в газетах - сплошная тупость. Работы не найти, и вообще - полный тупик.

Потом вдруг что-то переменялось (наверно, выговорились), и они обе вдруг устроились на работу: актриса после десятилетнего перерыва - в театр на бессловесную роль, а журналистка после пятилетнего пребывания за пределами каких-либо редакций - в газету, писать сплетни и слухи для обывателей. Даже видеться они стали реже.

Как вдруг однажды встретились и, впервые почувствовав утомительность пребывания на кухне, пошли в близлежащую кофейню. Аромат кофе и сам крепкий напиток так приподняли их жизненный тонус, что разговор от жалоб на окружающий маразм и неудачливость в работе вдруг перешел в созидательное русло.

- Скоро у нас будет конкурс самостоятельных актерских работ. Давай что-нибудь придумаем вместе, - сказала актриса. - Может быть, взять Цветаеву и сделать композицию, которую я когда-то ставила в самодеятельности?

- Нет. Цветаева - это, конечно здорово, но, ты понимаешь, она вся уже какая-то избитая, тут трудно сказать что-то новое, надо из кожи вон вылезти. Давай лучше возьмем стихи, если ты хочешь именно стихи, какой-нибудь малоизвестной современной поэтессы, - ответила журналистка.

- А где мы будем искать эти стихи? Тем более что Цветаеву я помню, нужно только ее обновить в памяти и выстроить спектакль...

- Конечно, тебе решать, но все-таки давай попробуем что-то современное...

- Мне же просто не выучить много, память уже не та.

- Мы не будем делать много, хотя бы минут на 40...

- Ну, давай попробуем, только чьи стихи возьмем?

- Ой, ты знаешь, у меня дома лежит книжечка моей знакомой, стихи - вообще ни на что не похожие, такие удивительные...

- Пойдем к тебе, я хочу их посмотреть.

И они пошли, обсуждая эти стихи и варианты постановки.

Книжечка была небольшая, очень красиво сделанная, в оформлении талантливой художницы. "В нашей пьесе ровно пять актов..." - начиналось одно из стихотворений, и они обе в голос закричали:

- Это же начало!

Впрочем, актриса быстро пришла в себя и возразила:

- Ну и что? Ведь должно же быть какое-то развитие, какое-то продолжение. Просто так читать стихи не так уж и интересно. Должен быть какой-то конфликт, чтобы оправдать движение, то, что мне на сцене нужно будет все время делать. Что-то я сомневаюсь по поводу этих стихов...

- Да ты послушай, какие прекрасные и возвышенные строки: "Пока мы с Вами в одной вселенной, я буду Вашей прекрасной Еленой...", а вот это - "Гитара, плед, и ноты Брамса, ноты Брамса..." Да ты возьми книгу и почитай сама.

Через несколько дней мнение актрисы о стихах было совершенно негативным.

- Я их не вижу и не слышу. Когда мы читали у тебя, мне показалось, какие прекрасные слова, какие мелодичные строчки. А сейчас - ничего. Просто слова. Да и какой-то сценический эквивалент нужен. Здесь я вообще не понимаю, что я могу делать на сцене. Ну, любовь, и что?

- Давай не будем мудрить. Лучше сходим к Ольге, у нее давно уже ностальгия по театру, может, она согласится немножко нам помочь - просто посоветует, как выстроить спектакль.

Ольга была раньше режиссером самодеятельного театра, ставила там с ребятами из ПТУ шедевры мировой драматургии, сама даже играла. Потом стала заниматься бизнесом, поэтому предложение к ней обратиться показалось поначалу несколько абсурдным - ведь Ольга даже домой приходила поздно вечером.

- Ольга очень занята, ты что, не понимаешь?

- Да мы не займем много ее времени, просто посоветуемся.

Сказано - сделано. Ольга была не просто озадачена, а вообще впала в какое-то истеричное состояние: «Девочки, я не могу, у меня совсем нет времени».

Ее муж вообще накинулся на двух авантюристок, чтобы они не приставали со своей срундой: время - это деньги. Потом вдруг, слово за слово, Ольга начала вспоминать свои прежние постановки, себя на сцене в разных ролях и своих партнеров, поездки на какие-то фестивали. Потом взяла заветную книжку, почитала стихи и сказала:

- Стихи мне, конечно, нравятся...

- Оленька, ну, пожалуйста, мы ведь тебя особо не напряжем, так, немножко поможем.

Выбив из растерянной Ольги согласие, подруги удалились.

- Теперь ты пиши композицию, потому что я ничего в этом не понимаю, - сказала актриса журналистке.

С композицией дело обстояло сложнее. Стихи никак не складывались, не вставали ни в каком порядке. Тогда она вспомнила о том, сколько мистики всегда окружало поэтессу. Можно сказать, что вокруг нее всегда висело густое мистическое облако. Да и выход книги сопровождался таким количеством таинственных происшествий... Тогда она просто перепечатала самые интересные стихи и сказала актрисе: "Учи пока эти, а там - посмотрим". Долго смотреть не пришлось. В городе объявился некий эзотерический музыкант Эдик, который долго отсутствовал: сидя в московском метро, он играл Баха и зарабатывал там бешеные деньги. Теперь, вернувшись, он решил снова заняться организацией своих синтетических шоу, состоящих из крайне свободной музыки, совершенно отвязанной поэзии, то есть попросту из эпатажа скромной публики, которой, как правило, набиралось "с гулькин нос". Придя в редакцию, он долго рассуждал о своих, мягко говоря, гениальных стихах, которые вдруг у него начали писаться.

- А у нас здесь создается женское общество. Мы даже спектакль будем делать: участвуют одни дамы, мужчины в проект не допускаются, - похвасталась журналистка.

- Обожаю женские общества! - вскричал музыкант. - Я тоже участвую в вашем проекте.

- Ты не понял. Мужчины к нам не допускаются.

- Ты тоже чего-то не понимаешь. В спектакле нужна будет музыка, а никто, кроме меня, такую спонтанную музыку вам не сыграет.

- Ну ладно, давай сходим к Татьяне, поговорим с ней.

И они отправились к актрисе.

Он, конечно, производил весьма странное впечатление. Носил синие непрозрачные "байкерские" очки, какой-то ярко красный комбинезон, купленный в "секонд-хенде", и все время отпивал какую-то алкогольную жидкость из пластиковой бутылки из-под кетчупа, которую именовал "байкерским шейкером" (английского языка при всем этом он совсем не знал).

Поэтому актриса была несколько шокирована, но виду не показывала.

- Пошли репетировать, - сказала он, - Сейчас будет рождаться живая музыка. Будем сливаться в эзотерическом оргазме.

Актриса, как всякий здоровый человек, слегка хмыкнула, но стопочку стихов прихватила.

Он подошел с пианино, снял с него все крышки и стенки, и начал шипать струны. Потом стал что-то импровизировать. Журналистка подсунула Татьяне листок с первым стихотворением и сказала: "Читай!"

Думать было некогда. Актриса начала читать. Вдруг стал угадываться скрытый смысл этих таких, казалось бы, простых стихов, и оказалось все понятно: зачем это делается, и как должно быть сделано. Разложенные на полу листочки вдруг сами, как намагниченные, стали выхватываться в нужном порядке и подсовываться актрисе. Музыка менялась, актриса читала, и вообще, происходило что-то невероятное. Вдруг возникло последнее стихотворение, и все прекратилось.

На том и расстались.

Вскоре начались репетиции: Дамы договорились собираться в "домике" - то есть в Доме актера, где на втором этаже был сделан театрик-кабаре. Стояли столики и стулья, сцена почти не возвышалась над полом, да и вверх пространство не особо простиралось, то есть человек на такой сцене выглядел довольно большим. В глубине стояли два торса манекенов с задумчивыми лицами и висели какие-то полупрозрачные тряпочки. Одну из них быстро приспособили под занавеску, чтобы часть действия происходила в каком-то ирреальном мире, в полусне.

Все происходило как-то необыкновенно. Магия стихов создавала такую неземную оболочку вокруг них, что и сцена, и маленький зальчик утрачивали контуры реального и превращались в странный и прекрасный сон.

Актриса порой удивляла их сказанной строчкой, фразой, а порой - и весьма разочаровывала. К тому же она все время твердила, что не понимает - откуда ей нужно идти, куда двигаться и вообще... Но это были еще цветочки.

Потом наступило время для музыкального оформления спектакля.

Сначала пригласили профессионального композитора Иванова и долго на пальцах и на словах объясняли ему, какая должна быть музыка. Он гордо ответил:

- Такую музыку вам Эдик сделает (как оказалось, они были знакомы и даже враждовали). А я - формалист! Я пишу ноты, а здесь, к этому спектаклю, раз он состоит из одних стихов, нужны обязательно песни. Вот, например, я посмотрел книжечку и набросал одну песню. И он запел, со скачками больше октавы, выпевая каждую не только гласную, но и согласную: "Тво-о-о-о-е ли-и-и-и-цо-о-о-о-о..."

Увидев испуг на лицах дам, он пояснил, что Татьяна так особенно выпевать ничего не будет, а скорее проговорит речитативом. В общем, композитора деликатно выпроводили, хотя актриса все же сходила к нему домой порепетировать, и с этой репетиции пришла просто с вытаращенными глазами.

- Он сделал все, что мы просили его не делать! - воскликнула она.

«Значит, участвовать в проекте композитор не будет, - решили дамы, - нечего в наш огород со своим уставом...»

Снова возник Эдик. Его пригласили на репетицию, думая, что хотя бы примерно он посмотрит, что нужно сыграть и на самом спектакле более-менее близко к этому повторит. Не тут-то было. Во-первых, Эдик пришел уже изрядно пьяный (да еще целый "шейкер" принес с собой). А во-вторых, он заявил, что репетиция - это большая глупость, их он не признает вовсе, а искусство - это не что иное, как "соитие в творческом экстазе" прямо на глазах у зрителя, а как это соитие будет протекать, зависит от настроения, от публики, и от много другого. А репетировать соитие... извините, это удел ремесленников.

- Извини, но я же должна понять, как мне двигаться, я должна определить смысл моих действий, найти всему оправдание. Должна знать, какая будет музыка, какое настроение.

- Ты вообще очень земная женщина, и летать в принципе не можешь!

- Давай только без хамства.

- А если вам нужна какая-то конкретная музыка, пригласите композитора Иванова (которого они уже и делали попытку пригласить), он вам ноты напишет, и по нотам все сыграет.

Но репетиция все же состоялась. Режиссер Ольга оценила музыкальные изыски Эдика, но согласилась, что работать серьезно с ним не получится. Постоянно отхлебывая из "шейкера" (похоже,

в этот раз там был очень крепкий напиток) он к концу репетиции заплетающимся языком ругался и оскорблял всех без разбору, кричал о том, какой он гениальный и что никогда, наверно, не найдется человек, который его оценит, и так же, как он, сможет летать на глазах изумленной публики.

В общем, с Эдиком пришлось расстаться навсегда, а с музыкой пока подождать. Решили заняться пластикой и пригласили балетмейстера, тоже мужчину. Его вышибла какая-то неведомая сила: после первой репетиции он больше не появился и, очевидно, где-то скрывался.

Несмотря на всю чехарду, дамы стойко держались. Собирались почти каждый день, сидели просто до ночи, забросив детей, мужей и хозяйство.

Можно сказать, что контуры будущего спектакля стали постепенно вырисовываться: во всяком случае, Татьяна больше не спрашивала, почему она сейчас идет туда, и чего хочет сказать, произнося ту или иную фразу. А уж как они полюбили сами стихи! Они ими просто разговаривали.

- Боже мой, - говорила одна.

- ...Я сходила с ума, - продолжала вторая.

- Какое счастье...

- ...Спешить туда, где ты...

Дозвонились до автора стихов, чтобы порадовать или огорчить ее неожиданным использованием ее стихов.

Эмма только что приехала из Парижа, которым бредила всю жизнь, но посетила только теперь. Поначалу она даже не поверила в то, что ей сообщили. Потом, вникнув, дала свое согласие и обещание приехать на премьеру.

Совершенно неожиданно решились проблемы и с балетмейстером, и с композитором. Ими оказались две очень талантливые женщины, которые быстро в проект вписались и никаких денег за работу тоже не потребовали. Композитора и пианистку Светлану дамы научили, как нужно, сняв крышку, щипать струны, и все пошло как по маслу. Внезапно даже родилась мысль о "втором я" героини, которую Светлана же и исполнит.

Каждый день приносил множество открытий, удивительных впечатлений. Приходили разные интересные люди, да и вообще, жить стало интересно и как-то наполненно.

Но реальность тоже караулила у входа. До премьеры еще было далеко. Но все же... Спектакль не сыграешь без костюмов. На костюмы нужны деньги. Денег ни у кого нет. Тогда пошли по спонсорам. И - о чудо! Деньги нашлись сразу, без всяких бумаг и утомительных хождений.

Не будем утомлять читателя рассказами о пошиве костюмов и много еще о чем другом, что окружало рождение спектакля.

Наконец наступил день перед премьерой. Спектакль был не очень готов, но представился подходящий шанс выступить в большом шоу, с открытием выставки, показом мод и с джазовыми музыкантами. (Дело в том, что праздновался городской праздник, и везде проходили народные гулянья с огромным количеством публики).

Дамы собрались на репетицию в выставочном зале, расположенном в бывшем соборе. Огромные своды, пространство, картины ассоциативных жанров, отсутствие темноты, кулис, в общем, актер здесь оставался один на один с публикой и с этой огромностью. И вдруг Татьяна испугалась.

- У нас ничего не получится, - сказала она обреченно.

- Почему? - напряглась Людмила, ведь она уже пригласила поэтессу.

- Потому что здесь играть невозможно, - твердо заявила Татьяна. Когда она говорила так веско, возражать ей было бессмысленно.

Ольга тоже грустно покачала головой.

- Все, что мы нашли, здесь пропадет. Ничего, девочки, не получится.

- Какие проблемы? - поинтересовался директор выставки.

- Да у нас спектакль не рассчитан на такое помещение, к тому же и сыроват он, - зачем-то высказалась Ольга.

Услышав это, директор (он же художник и участник выставки) долго не задумывался.

- Значит, спектакля не будет, - сказал он и даже, как им всем показалось, с облегчением вздохнул - понятно, у него у самого здесь большая программа, а позорить свое доброе имя кому захочется, да еще и при таком стечении народа.

- Как не будет? - закричала Людмила. - Ведь Эмма уже едет!

Но директор уже ушел, тем более имя поэтессы ему совершенно ничего не говорило.

- Иди ей звони, чтобы оставалась, мы потом ее на настоящую премьеру в "домик" пригласим, - посоветовали взгрустнувшие дамы. И она-таки сделала такую попытку. Но телефон был долго занят, и напрасно целый час она простояла в душевной будке на центральном телеграфе, набирая номер.

Снова побежала в выставочный зал, но там уже никого не было.

- Вот это да, - подумала Людмила и поехала домой.

Там ей радостный муж сообщил, что Эмма перед отъездом позвонила сама и назвала номер вагона, а сейчас уже в дороге.

Значит, спектакль будет, обратного пути нет. Но как убедить в этом директора выставки, режиссера и саму Татьяну, которая уже распрощалась с мыслью о своем появлении на публике завтра вечером?

«Утро вечера мудренее», - решили они всем миром. Надо будет просто сделать еще одну попытку. Но завтра.

Поезд пришел с точностью до одной секунды. Из купейного вагона выглядывала Эмма, улыбаясь.

Ее привезли к Татьяне домой. Поначалу беседа была светской, поскольку Татьяна Эмму видела впервые. Поговорили о Париже, о том, о сем. Татьяна нервничала. Остальные - тоже. Как начать неприятный разговор, никто не представлял.

Потом поговорили о стихах, о драматургии спектакля, о "втором я" героини и музыке. Наконец Людмила не выдержала, потому что хозяйка квартиры была уже мрачнее тучи.

- Знаете, Эмма, я вчера вам не смогла дозвониться...

Эмма напряглась, заметив всеобщее смущение.

- Да, и что же случилось?

- Вы понимаете, со спектаклем получаются небольшие накладки. В общем, директор выставки не хочет, чтобы мы его играли. Поэтому мы предлагаем вам просто пожить недельку, отдохнуть, попутешествовать, а потом будет премьера в нормальных условиях, где все приспособлено для спектакля.

- Нет, что вы, это невозможно, послезавтра у меня важная встреча, и ее нельзя отменить. Я считаю, что спектакль будет сегодня.

На Татьяне не было лица. Она извинилась и поехала в выставочный зал, чтобы сделать еще одну попытку прорепетировать и уговорить директора.

Про таинственную силу, которой обладала Эмма, Людмила много рассказывала своим сообщницам, но они особенно в это не верили. "Ты преувеличиваешь", - говорили они. Но Людмила уже просто не сомневалась, что спектакль состоится, что бы ни происходило.

Пока Эмма приходила в себя с дороги, в выставочном зале уже кипела жизнь. Сотрудница, работающая здесь, пообещала, что директора она уговорит, поэтому им разрешили прорепетировать спектакль. Но не было "второго я", она была занята в своем театре и должна была освободиться только к вечеру.

- Таня, используй это другое пространство. Убери весь интим из интонации. Сделай ее более открытой, площадной, посылай звук вверх, - пытались советовать Татьяне, но она уже вообще плохо понимала, что происходит и только говорила, что ничего не может и что десять лет не выходила на сцену перед публикой.

- Но ты же ездила на какие-то семинары по лайф-спрингу, и вас там учили, как вести себя в экстремальных ситуациях, как себя мобилизовывать...

- Когда это было, тренинг нужен постоянный, а прошло уже несколько лет.

- Ну и что, соберешься и все сыграешь.

- Если, конечно, директор снова не появится со своими запретами.

- Его уговорят. Жалко ему, что ли?

- А если плохо сыграю, про него же потом скажут, что пригласил каких-то идиотов.

- А ты вообще напрасно даешь ему понять, что ты такая идиотка, и вообще зря показываешь свои сомнения. Если бы сами не повели себя так неуверенно, он бы и слова не сказал.

Так ни о чем толком не договорившись, ушли они из выставочного зала. Сочувствующая им сотрудница ласково сказала:

- Не переживайте, девочки, я все устрою. Алексей просто волнуется перед выставкой, устал, а потом пойдет программа, он и успокоится.

Вечером было что-то невообразимое. Раскрашенные в стиле боди-арт манекенщицы ходили перед толпой зрителей, не только сесть, но и встать было некуда. Гремела музыка. Картины, крайне далекие от реализма, мерцали причудливой колористической гаммой. Шоу получалось что надо. Но надо было и что-то предпринимать, ведь зрители могли уйти. К счастью, никто особенно не торопился, потому что шел дождь.

Сотрудница музея вышла на самое высокое место и зычно крикнула:

- Господа! Очень просим вас не уходить. Через полчаса вы увидите спектакль.

Ее призыв подействовал. Но было еще одно "но"! "Второе я", то есть Светлана еще не пришла из своего театра, где играла на рояле (там тоже шло какое-то праздничное представление). Но все же дамы надеялись, что через полчаса она уже появится.

Татьяна, держась весьма мужественно, все же пеняла Людмиле на то, что выгоняют ее на позор и что здесь так, как надо, не сыграть, и что больше всего ей стыдно перед Эммой. Эмма, вообще, похоже, перешла на беззвучные молитвы и заговоры.

Полчаса пролетели как миг. Публика начала поглядывать на часы и перешептываться. Тогда вновь на амбразуру выслали сотрудницу галереи, которая не менее убедительно, чем в первый раз, попросила подождать еще немного.

Прошло еще полчаса. Светланы не было. Публика стала уже открыто выражать свое недовольство. Тогда выслали Ольгу. Она тоненьким голосом начала рассказывать о спектакле, представила Эмму и потом скромно попросила еще немножко подождать.

Но немножко опять затягивалось. Тогда снова вышла Ольга и торжественно объявила:
- Сейчас наша московская гостья прочтет вам свои стихи!

Раздались аплодисменты. Эмма, предупредившая заранее, что ее представлять ни в коем случае не надо, и что она здесь присутствует только как зритель, в невероятном волнении вышла и прочла "Ушла принцесса в комедианты".

Аплодисменты снова оттянули неприятный момент осознания полного провала. Но еще минут пятнадцать зрители сидели довольно спокойно. Потом - просто начали подниматься со своих мест.

В кабинете директора все участницы проекта висели на телефоне. Они пытались дозвониться в Светланин театр. Все время в трубке раздавались короткие гудки.

Тогда Людмила поняла, что провал состоится сию же минуту. Поэтому она крикнула Татьяне:

- Выходи!

Татьяна опешила и не очень-то поняла, чего от нее хотят.

- Выходи одна! Быстрее! Зрители уходят.

- Я не могу одна. В начале у Светы музыкальное вступление!

- Какие вступления? Иди быстрее на сцену!

И Татьяна вышла, скорее, вылетела пулей. И начала читать. Затянувшийся стресс подстегнул ее истощенные неопределенностью силы, и она с первой же строчки заморозила зал.

- В нашей пьесе ровно пять актов, - объявила она загадочно, и все начали себя усиленно щипать, чтобы убедиться в том, что это явь, а не сон.

- А по жанру, сказать не смею, это драма, наверное, драма, если я сбежать не успею, не успею исчезнуть внезапно где-то там, где-то в третьем акте...

Светлану ждать уже просто перестали. От Татьяны исходила такой накал страсти, что все сидели в каком-то оцепенении.

- Как прекрасно читает, - сказала Эмма, - Она возьмет зал.

- Элегантен и небрежен, в черном кожаном плаще, он с женой свою нежен, осторожен и...

- Вообще! - раздалось вдруг из зала. В него ворвалась Светлана прямо в концертном серебряном платье. Она пронеслась, шурша своим кринолином, вдоль рядов, просто упала за рояль, и начала играть какую-то немислимой красоты импровизацию

- Это он меня оставил, - продолжила Татьяна, заметно воспрянув духом и чуть ли не полетев куда-то ввысь - Это он меня забыл, это он за нас обоих все так правильно решил...

Дальше спектакль стал просто чем-то неподвластным человеческому разуму.

Особенно мистически прозвучало последнее стихотворение (предполагалось, что оно символизирует прощение и то, что героиня отпускает своего возлюбленного). "Гитара, плед, и ноты Брамса... и ноты Брамса", - говорили актрисы рефреном, причем, Татьяна - как-то светло и жизнеутверждающе, а Светлана - мрачно и демонично. Получалась интересная диалектика: вроде живи, дорогой, как хочешь, а вроде бы - но ты меня еще попомнишь.

Потом были уже настоящие аплодисменты, даже, можно сказать, бурные, поклоны, выходы и так далее.

Весь следующий день возили Эмму и всю команду по городу на двух машинах, останавливались, смотрели какую-нибудь достопримечательность, ехали дальше... В общем, Эмма потом призналась, что все было как в фильме Феллини. Вечером поезд помчал поэтессу обратно, а остальные герои остались. Была потом еще одна, уже настоящая, премьера, которая, можно сказать, с треском провалилась, хотя приглашенные зрители (свои) об этом постарались умолчать.

Но мнениями все же обменялись.

- Хорошая инсценировка, но режиссура - ужасная, - сказали одни.

- Замечательная постановка, стихи чудесные, но как актриса безобразно играет, - заметили другие.

- Потрясающе играет, но музыка - просто никакой критики не выдерживает, - прокомментировали третьи.

- Все неплохо, но Светлана... Чего играла, и вообще, зачем? - сказали артисты ее театра (се вообще там недолюбливали - очень уж она была талантливая и активная).

Хореограф вообще поинтересовалась, зачем ее приглашали, ведь все, что она Татьяну просила сделать, она не сделала.

Деликатные (или лицемерные?) люди говорили:

- В общем, конечно, интересный замысел, но надо вам над ним еще поработать.

Наконец был вынесен самый строгий вердикт:

- Актрисы играют замечательно, музыка - чудесная, постановка потрясающая, но стихи... просто кошмар!

Но все это было уже после премьеры. А самое главное - все-таки - до нее. (Вологда, 1998)

Ирина ГОРЕЛОВА ВЕТЕР КАК ВЕРМУТ

Родилась в 1977 году в пос. Береговой Омской области, окончила экономический факультет ОмГУ, преподает экономические дисциплины в ОмГУ. Участвовала в семинарах молодых литераторов в Томске (2000), Красноярске (2001), Омске (2000). Автор книги стихов "В поисках Мастера" (Омск, 2001). Печаталась в омских газетах, журналах "Сибирские огни", "День и ночь", "После 12", сборнике молодых литераторов "Пролог" (Москва, 2002). Лауреат областной премии им. Достоевского. Член Союза Писателей России.

Холодам и метелям отходит срок.
Пока не вижу в этом хорошего.
Иду и, как альпинист альпеншток,
всаживаю каблук в снежное крошево.
Дубленка, начитавшаяся Лермонтова,
пытается изобразить из себя парус.
Ветер сильный, липкий, горький как вермут,
неверный шаг — и я искупаюсь.
На дорогах — подарок самоубийцам:
толстый слой льда под тонким слоем воды...
У весны и любви одинаковый принцип:
все начинается с маята,
с долгих и нудных разборок прошлого,
грязи и слез, срастания боли,
сомнений по поводу мутного крошева —
весна ли это? любовь ли?

Как тебе лабиринтов моих повороты,
где проморожены стены на треть?
Что же мне спеть тебе, златобородый
почти сибирский почти медведь?
Что же поведать тебе, рисковому,
вразвалку вошедшему в зимы мои?
Глаза, как озера, льдом позакованы,
Но видишь - чёрные полыньи?
Видишь ли, как они расширяются?
Зрочки не лгут. Тебе ли не знать?
Лёд темнеет, и волосы распускаются.
Это значит - тепло. И возможно - весна.

Жизнь — это вдох. Вдох невозможен без выдоха.
Просто и буднично, без истерик
творческая энергия требует выхода,
но не хочет выходить классически в двери.
Она не может, она ведь гордая!
И с жадностью ряда моих знакомых
выскидывает мельчайшие поводы
для образования новых проемов.
... мой внутренний мир похож на дуршлаг.
Каждый новый проход — в косяках и обломах.

Только, наверное, лучше уж так,
чем не дышать в заколоченном доме.

Не буду звонить, не буду писать.
Из фото твоих не сделаю фетиша.
Только заплачу, если опять
пройдешь и меня не заметишь...
Смирение - очень трудная вещь.
Я соглашаюсь на поражение,
тебе чтоб свободу воли сберечь...
Всего лишь заплакать - это уже достижение.

Отрекаясь в тысячный раз,
принося себя в жертву,
как голову Иоанна на блюде,
под темным взглядом
инквизиции утренних стен
она прошепчет, не поднимаясь с колен:
«А всё-таки он меня любит...»

Я не «кто» и не «что». Я —
растянутый в бесконечности взрыв,
от первой инертной точки нуля
до летящих веером расплавленных брызг
я разговариваю с каждой вещью
на языке, незнакомом ей прежде,
на языке первозданной силы,
крушащей преграды, рвущей жилы
во имя великой цели движенья.
Остановить не пытайтесь! Поздно.
Я — разрушение.
Я — для того, чтобы все было создано вновь.

Приколи булавку к изнанке пальто.
От глаза и зависти, в какой-то мере...
Нет, не она защитит, а то,
Что я в неё верю

Омск

«ДВЕ ЯРОСЛАВНЫ»

1. Любовь НОВИКОВА ЛИЦОМ В ЛАДОНИ

Мне и теперь еще. Господи, снится
Ветер любимых волос.
Каждую буквою с этой страницы
Сердце летит под откос.
Словно тобою отброшенный камень,
Камень печальный один,
Сердце летит, как в беспамятство память
В гиблые бездны морщин.
Не отболела. Такие болезни,
Стихнув, гнетут изнутри.
Нет меня каменной, нету железной,
Нету бессмертной – смотри,
Как я пишу тяжело и устало,
Жизнь свою строчками рву.
Вот она вся – под откос и пропала.
Я и без жизни живу.
Что моя жизнь? Чье-то жесткое слово.
Данное мне не всерьез.
Бьется во мне вместо ветра сквозного
Ветер любимых волос.

Успокоилось сердце – ни больно, ни страшно,
Только слышно, как липы скрипят.
Но не зря же он был, этот вечер вчерашний,
И чужой неразгаданный взгляд.
Помнишь, осень дождливые листья роняет
И касанья таинственный ток,
Почему он глядит, словно помнит и знает,
Этот мне неизвестный Никто.
И зачем промелькнула мне так невозможно
В глубине незнакомых зрачков
Та, похожая на шепоток осторожный,
Полувывдумка, полублюбовь.
То ли свет не погас, то ли хочется света,
То ли очень уж в мире темно.
И брожу я весь день в ожиданье ответа.
Как багряное бродит вино.

Настегало метелью, морозом намучило.
Искорежило душу постылым трудом.
Я стою среди поля – безмозглое чучело
И ворон разгоняю пустым рукавом.
Только зря эти грязные ключья качаются,
Зря топорщится ветер в моих волосах.
Ведь уже и вороны меня не пугаются
И спокойно сидят на распятых руках.
И напрасно клубится нездешними страхами
То ли ночь, то ли черный безлюдный туман.
Что мне здесь охранять, если поле не пахано,
Не засеяно поле, бурьян да бурьян.
Ах ты, поле безродное, поле колючее.
Где людская ног не ступала давно.
То и выросло здесь, что безмозглое чучело,
И о чем это, Господи, плачет оно?

ЖЕНСКОЕ

Ветер крутит густою пылью.
А над ним чистота такая!
Просто есть у меня крылья.
И поэтому я летаю.
Мне полы бы помыть в доме,
Приготовить тебе ужин.
Врачевать бы, когда болен.
Согревать бы, когда стужа.
Горло стиснуть в тоске сильной,
Слезы вытереть в злой муке.
Ну, зачем они мне – крылья,
Мне бы - руки.

2. Ольга ЛЮСОВА ТУДА, ГДЕ НЕБО

О себе,
Что боль выносила, не морщась,
Что в почве не видела грязи.
Кого не пугали ни порча,
Ни случайные связи –
Я плачу.

Зверею, бледнеют щеки,
Глаза наливаются кровью.
Болею, рву одеяла,
Поставьте свечу к изголовью.
Не верю, захлопну уши,
Слова пролетают мимо.
Не зверю, мне, женщине.
Любовь твоя необходима.

Нет у меня иной книги –
Чистый тетрадный лист.
Нет у меня иных религий –
Поле и ветра свист.
Нет у меня иного храма –
Творческих мук экстаз.
Нет у меня иного шарма –
Только разрез глаз.
Нет у меня иного рая –
Чувство из крана лить.
Вы разрешите, я сяду с края –
Скоро сходить.

Мне детство казалось волчонком.
Смотрело дико из-за угла,
Сжимая грязной ручонкой
Кусочки битого стекла.
Бежало прочь с ключом на шее,
В дырявых красных сапогах
Туда, где все цвета свежее,
Где небо ходит на руках...

Ярославль

Татьяна Жмайло БЫЛА ЛИЛИТ...

Татьяна Жмайло – поэтесса, автор книги «Соль минор», имеет диплом Артиады народов России. Закончила Литературный институт им. Горького, публиковалась в центральной прессе. Живет и работает в Череповце Вологодской области, член Союза Российских писателей. Далее – ее ответы на журналистскую анкету номера.

1 – Зная свой потенциал, как думаете – на сколько процентов вы его реализовали?

- Не более половины.

2 – Вашей самореализации мешают внутренние причины или внешние?

- Внутренние – усталость от неустроенности быта и нехватки денег и времени, внешние – неустроенность быта и нехватка денег и времени.

3 – Какую роль в самореализации играют финансы?

- Одну из главных, есть деньги – есть время, есть возможность куда-то поехать, купить новые книги, наконец, посидеть в интернете и поговорить с коллегами по писательскому цеху, то есть, найти свой круг общения, которого в данный момент мне катастрофически не хватает.

4 – Пример резонанса на ваше творчество или проекты. Может, после гастролей.

- Из Германии пришло письмо-отклик "Скажите мне люди" от Б. Бориса, очень эмоциональный и приятный для меня. Есть отклики на французском языке. Это вряд ли подойдет. Написала музыковед из Бельгии.

Здесь до рассвета тихо – ни души...

Устало засыпает город древний,
похожий временами на деревню,
свет фонарей и окон притушив.

На улицах пустых и площадях,
и в сквере у Софийского собора,
как часовые в вымокших плащах,
деревья сторожат уснувший город,
где домики, как гномики, стоят.

где в три ступеньки старые крылечки...

Пятиэтажки – их нахальный ряд,
смутит патриархальное местечко.
Меж ними затерялись купола,
поблекла, потускнела позолота.
И Золушкой все ждет и ждет кого-то
та Вологда, что Вологдой была.

Ты – детеныш земных роц,
заблудился в небесных лугах.
Когда схлынет последний дождь,
я пройду с хворостинкой в руках.
Прогоню белопенных кобыл
мимо облачного коня.
Ты еще никогда не любил,
потому не узнаешь меня.
Оттого, что под сердца стук
не родилась еще душа,
оттого-то, седой пастух,
седина не стоит гроша.
Вдаль уходят мои стада,
лист роняет небесный сад.
Может быть, я приду сюда,
чтобы мать твою стать.

Сегодня так низко начертаны тучи
незримым художником в небе пустынном.
И так одиноко, что было бы лучше
уплыть в сновидения в царстве простынном.
Но время не терпит пустых закоулков,
и я забиваю в него неустанно,
как старые письма в утробу шкапулки,
как старое платье в нутро чемодана,
весь хлам, что накоплен за долгие годы:
удачи, провалы, надежды, сомненья...
Но время, как часть одичавшей природы,
не терпит излишка в любом проявлении.
Сжимается время в пределы ореха
до черной вселенской дыры, и напрасно
пытаюсь заштопать я в прошлом прорехи –
по черному – белым, по белому – красным.
Та нитка, что вьется под пальцами Парки,
вот-вот оборвется – в угоду изъяну,
а я как обычно гуляю по парку
где низкие тучи сроднились с туманом.

Кругом арсны очерчена жизнь, а смерть –
вот она, рядом, в горячем дыханье быка.
Грань, за которой уже невозможно смель
видеть плывущие над головой облака.
Храбрый торсеро! – Трибунный

клокочущий вой

катится в небо и бьется в небесную медь
Раненый бык роет землю, трясет головой,
в каждом дыхании, в каждом движении
смерть.
Красный, как кровь, и яркий, как солнце,
подбой.

Медленный танец странный венчает брак.
Не поединок, верней, поединок с собой.
Храбрый торсеро – и воин, и друг, и враг.
Танец безумья, молниеносный полет.
Раненый торо трясет головой, кружит.

в каждом дыхании, в каждом движении пост
неистребимое вечно желание жить.

* * *

Вы напрасно перстом указующим водите
по атласному, в жилках, листу.
Я стираю нули километров из сотен
и вбираю в себя пустоту.
Оцарапавши душу минутой прощания,
словно палец о шляпку гвоздя,
на какой-нибудь станции в маленькой чайной
выпью водки пол суток спустя.
В городке, отмеченном красною точкою,
как мишень на солдатском плацу:
две тоски, две бессонницы – только ночь и я,
на перроне лицом к лицу.
Все «мое» исчезло за давностью времени,
за бесчисленным количеством дней.
Я бреду по земле по законам трения,
притяжения душ и теней.
Вы напрасно перстом указующим тычете –
даль бездонна, а карта мала.
Вы меня в этом городе вряд ли отыщете,
просто помните, я – была.

плач адама

Что явилось итогом молитв,
угадать не дано нипочем.
Прежде Евы была Лилит
и за левым стояла плечом.
Оба – равные и похожие,
как на пару свою носок,
были двое мы – дети Божии,
белой глины один кусок.
Не сумел понять равноденствия,
не успел унять норов свой –
улетела с тенями – с песнею
часть души унесла с собой.
Вот и создал земную женщину
вместо девы небесной Бог –
то печальную, то беспечную,
мотылька на короткий вздох –
из ребра, и меня обделил он,
без ребра, как без посоха в путь...
Грунт, холстина, чернила, белила –
не вернуть Лилит, не вернуть.

азбука дождя 1.

Наверное, за тридцать земель
вкусней и слаще мед. Пьянее хмель,
чернее карандашный тонкий штрих.
Ты помнишь наши зимы? Ровно три,
похожи друг на друга как одна.
Привычный вид на крыши из окна,
под Рождество – термометр и мед.
И карандаш, законодатель мод
от прошлого до будущего лета...
Мои друзья, твои подружки... - Эта,
что с рыжею косою до бедра,
любившая звонить тебе с утра,
как говорят, все так же любит утро
и чтит святую мать «Кама сутру».
Ты в этом – дока, я – ни в зуб ногой,

предпочитаю стих любой другой
из форм «перпетуум-мобиле» для чувства
и воплошаю лозунг «жизнь –
искусство».

2.

Все в городе у нас как прежде: стены
то дождь, то снег крошат попеременно.
и крепость споров ниже сорока
еще не опускается – пока.
Но, чтящих дух превыше, чем живот,
все менее в потоке мутных вод.
Дубовый стол, собрат мой и отец,
доставшийся в наследие от тех
бездомных зим на вековечный срок,
стоит все так же, крепок и широк –
подобием гранитных вечных глыб.
И мне казалось, мы с тобой могли б.
за ним работать вместе до зари.
Но ты с друзьями заключил пари
и бросил карту – выпал долгий путь.
Я без тебя сумею как-нибудь.
Но зимы ненавижу вкупе с летом,
лишь осень – это время для поэта.

3.

Люблю бродить кругами йод дождем
по городу, подолгу, так как в нем
в такие дни ни шума, ни гульбы,
в такие дни над ним царят дубы.
И царствуя, как будто бы парят,
полет листьями влажными творят.
В такие дни сильней родство домов
и крыш, что разумеется само
с собой – не ехать крыше, не лететь,
лишь крепче прижимать к фасаду медь,
иль, может быть, другой металл, я в том
не смыслю, знаю – есть дубовый стол,
березовый, как рошча, табурет.
Иное все – таинственный секрет.

4.

Итак, возврат к дубам необходим.
Сегодня город чудно нелюдим.
Дождь – «primo», и «secundo» –
выходной,

барометр зашкалило на зной,
как сердце на томление в груди,
хотя десятый день идут дожди.

5.

В широких складках мокрого плаща
свое существование влачат
бесполье, вневозрастные тени,
уже почти святые, вкупе с теми
дубами, что над ними вознеслись,
пространство раздвигая вширь и ввысь.
И, кажется, лишь я одна телесна –
мне в складках и в самом пространстве
тесно.

6.

Пора за стол дубовый. И на тот,
как жар в печи, древесный табурет,
который, коль менять, так на живот,
и то по истеченью долгих лет,
за лист бумаги. Бедный, бедный лист!
В его нутре поклеточно срослись

волокна слов с волокнами дерев,
и волчья кровь, и вечная «пся крев».
И хочется любовь, и кровь, и тлен
зарифмовать в единственный рефрен.

7.

Как рассказать тебе, который там,
за тридевять земель, что жизнь пуста
не может быть, пока есть карандаш,
окно и подчердачный мой этаж,
дающий право видеть выше крыш
тот свет, который для иных сокрыт.

8.

О чем же я? Да, верно, о дожде.
Коль дождь идет, то, кажется, везде:
не выходи, сиди, не зная броду.
Но для двоих, влюбленных в непогоду –
раздолье. И по азимуту вдоль,
они, минуя светскую юдоль,
однажды подойдут к семи дубам.
И сразу станет холодно губам,
не знающим, как говорить слова.
Не важно кто ты – грек или словак,
у сердца нет иного языка.
Есть только ритм, глухой, как тамбурин,
и тихий, как осенняя река.

9.

И влажный танец губы заведут,
желая то ли петь, а то ли дуть,
и пальцы под дождем заговорят,
сминая прочь горизонтальный ряд
застежек, линий, петель и прорех,
одежды раскрывая, как орех,
уже готовый к новому росту...
Дождь навевает вечную тоску.

10.

И все же я люблю мои дожди,
смывающие все, что позади.
Передо мною чистая тетрадь.
Пишу: аз, буки, веди, глаголь, ять...
Ведь чем-то надо карандаш кормить.
От кармы не уйдешь, как от кормы
уходит берег в странствии земном,
«Edem der Seine»* – я все об одном.

11.

Те, под дубами двое, были мы,
еще не пережившие зимы,
постельный холод, голод новизны,
еще не погрузившиеся в сны,
которые с реальностью роднит
единство чувства – крошечный магнит.

12.

Стоп-кадр документального кино:
два человека чувствуют одно.
Но жаль – свет уступает место мгле,
а нежность – саркастической игле.

13.

Как рассказать тебе, который там,
за тридевять земель, что всем мостам
не суждено сгореть, пока до дна
не вычерпаны реки, фонари
вдоль набережной шуряты, со сна.
Ты помнишь наши зимы? Ровно три.
Похожих друг на друга, как одна.

маргарита

Не в зеркальце смотрюсь – оно разбито,
в проем окна, что инеем покрыт.
А на меня из мрака Маргарита
загадочно и пристально глядит.
И тот же иней в поседевших прядях
(но льется солнце на Ершалаим).
Я окна настезь: «Залетай, присядем,
по-бабьи о судьбе поговорим».
Легко влетела – что ж, на то и ведьма.
Я в кофеварку «мокко» – и на газ.
«Поговорим за чашкой кофе, ведь мы
с тобой похожи, словно пара глаз».
(Взбиралось солнце на гору устало
вдоль мраморных колонн в Ершалаиме).
«Скажи мне, Маргарита, что же стало
с тобой, с твоим любимым и с другими?»
... Такая гостья, сердцу в ребрах тесно!
На полпути к бессмертию рука.
В прозрачных пальцах чашка – словно бездна,
сквозь донце вьется звездная пурга.
И голос... нет, не голос, только шорох.
Ловлю слова, но не поймать ответ
(в Ершалаиме – ночь, на вечный город
ложится бесконечный лунный свет).
Короткий вздох – созвездия сместились,
меняя отражение теней.
«Но как же так? Мы даже не простились!»
«Зачем? Разлуки нет, и смерти нет...».
(Над белым градом ночь уже мелеет).
Чернее тьма, чем пять минут назад.
По бесконечной звездной галерее
два всадника, два призрака летят...

на рубеже веков

Сегодня в доме большая стирка –
стираю от простыни до шторы
все. И в стекле протираю дырку,
чтоб видеть солнце в окне, в котором
пока лишь тьма, но не за горами
весна, ее посевные сроки...
Большая стирка, и я стираю
в своих тетрадках чужие строки.
Стираю кадры видеоленты –
чужие руки, чужие лица.
Стираю песни, которые спеты,
стираю сны, от которых не спится.
Большая стирка. Сдирая кожу,
стираю карту судьбы с ладоней,
стираю век мой, который прожит,
и как иные, во мраке тонет.

сад

Мой сад истаял, день восстал
над белой глиной
снегов. И встал на пьедестал.
А сад мой клином
летел на север, на восток,
на юг, на запад,
и помнил каждый свой листок,
и каждый запах.

Мой сад летящий – колыбель
добра и света,
клубящий облаком апрель,
преддверье лета.
Мой сад, парящий в небесах
всем птичьим звоном!
К тебе, в тебя – на полчаса –
дышать озоном,
воспоминанием, стихом,
и каждой клеткой,
по-птичьи прыгать шегольком
от ветки к ветке.

Мой сад осенний, листопад –
приют скитальца.
Костры, что жертвенно горят.
И может статься,
мы разобьемся – упадем
хрустальной пылью
к порогу дома. Прорастем
быльем и былью.

он п она

Он говорил – я пуст, и я безволен.
Она шептала – я тобой полна.
Он говорил – я болен, болен, болен.
Она шептала – я тобой больна.
На жаркий лоб ладони опускала,
как птица, бергущая птенцов,
крыла. И что-то трепетно искала,
исследуя любимое лицо.
И находя какую-нибудь малость,
от радости смеялась, как дитя,
и плакала минутою спустя,
выплакивая радость и усталость.
Взлетали галки с черных колоколен,
черня закат, чертили небеса.
Он говорил - я болен, болен, болен.
Она в ответ - бывают чудеса.
И ночь, длиною в десять или двадцать
ночей, на канареечный приют
упала - не добиться, не дозваться.
В такие ночи птицы не поют.

И вслушиваясь в трудное дыханье,
и вглядываясь в полнолунный бред,
она шептала как молитву - встанешь!
А он в ответ - без слов, губами - нет.
Они очнулись. Плыл рассвет над полем,
гудели пчелы в розовых кустах.
И он воскликнул - я тобою полон!
Она вздохнула - я тобой пуста...

Лилит

От разлук не сходят с ума.
Уходи, мой друг, налегке.
Я плечу твоему сума,
крепкий посох твоей руке.
Сбросишь сумку – ненужный груз,
пепел писем в глаза метет.
Упирается посох в грудь
револьвером меж двух пустот.
Двух бездонных, где сам ты был.
За огляд – соляные столбы...
Из пустот, не кровь – пустота,
и сочится не медом из сот.
Засосет сквозь зрачки в никуда,
в никуда с собой унесет.
Лечит пепел, с тех самых пор,
как зажжен был первый костер.
Жги, пали, раздувай огонь!
Пей огонь, пусть нутро горит!
Заполний пустоту другой,
все равно и она – Лилит,
станет мной, не зная сама.
Я – плечу твоему сума,
крепкий посох твоей руке.
Уходи, мой друг, налегке...

* * *

Друзья мои, ваятели, воители,
легко ли вам, заоблачные жители,
крылатыми среди ангелов сиятельных?
Друзья мои, воителя, ваятели,
на ангелов такие непохожие,
легко ли – в райский сад, в район ухоженный,
где некому и нечему противиться.
Строптивые ревнивцы и ревнивицы,
воители с поломанными шпагами,
скользите ли по саду тихим шагом и
читаете стихи глухим архангелам,
не впрок себе и вопреки всем правилам?
А может быть, ведь судьбы переменчивы –
поскольку петь и некому, и нечего,
в стерильном мире даже слезы пресные, –
там стали вы садовники небесные.

Череповец

Татьяна Калашникова

МАНУСКРИПТ ЧЕТЫРЁХ КАРТИН

Сестёр прекрасных колесница
тебе то видится, то снится.

В руке – перо. Вот – чистый лист бумаги.
Здесь ныне лягут строки, а меж строк –
проваливаясь в белые овраги
и коротая там идейный срок,
упрячутся четыре манускрипта
о девах небывалой красоты.

Преследуя то явственно, то скрытно,
не преступив сближения черты,
сменяют бездыханно незаметно
одна другую за моей спиной.
Я узнаю о смене по приметам
в своих глазах.

То болью, то виной,
то радостью лучистой, то печалью...
переливает спектр в зеркалах.
Всё глубже воды глаз, а к их причалам
всё реже прибывает детский страх.

Картина первая

Гляжу в себя сквозь зелень глаз с восторгом.
ещё полна надежд и юных грёз.
И вижу – много света, мало толку,
глаза еще не выцвели от слёз;
душа-дитя трепещет от волненья,
как девушка пред выходом во свет;
а мысли – в хаотическом смятении –
вопрос не повстречает свой ответ;
потоки одержимости и силы
во мне бурлят неистово теперь.
Пришла моя Весна. Я – так красива.
Ещё мне не знакома боль потерь.

Ах, вербочка-весна – пора рожденья
любви невинной в пору вешних вод.
Я по разливам с томным наслажденьем
Одна, босая, пробираюсь вброд.

Движенье мельком... Показалось, что ли?
Нет, точно движется прозрачна и легка,
белесой дымкой, духом вольной воли
касается меня её рука.
И силуэт расплывчато-летучий –
то вижу ясно, то исчезнет вдруг,
вот снова показалась из-за тучи:
«Летим, летим со мной, - зовет, - мой друг!»
То находя, то вновь её теряя,
далёкую манящую звезду,
почти па ощупь движусь, как слепая,
и оступаюсь часто на ходу.

Картина вторая

Мои шаги чуть медленней, но тверже.
Речной разлив сменяет водопад.
Слегка робея, я вступаю все же
в божественно цветущий летний сад.

Извилисты прекрасные лианы,
от спелых запахов схожу с ума.
Мне жарко, дурно, я от страсти пьяна.
Нагое лето – это я сама.
Раскрепостившись, силой нетерпенья
исполнена, порывисто бегу.
Лианы жадно путают движенья,
касаясь рук и бедер... Не могу,
устала. В травы - сонм душистый
доверчиво склоняюсь, предаюсь
забвению, погружаясь плотью чистой
в ласкающий и нежащий союз
шелков тончайших с запахом дурмана.
Я – так слаба, я – снова будто пьяна.

Но что же это? Что за странность? Травы
мои лицо и тело ядом жгут.
Обжегшись лицемерия отравой,
срываюсь и бегу, опять бегу.
От зноя обессилев и сгорая,
мучительно ищу, молко воды,
одна по саду дивному блуждая
и потеряв давно свои следы.

Ах, Боже мой, оно – моё спасенье –
вода, река!... Но, коль глаза не лгут,
в речном зеркальном гладком отраженьи
кого-то тихо хоронить несут.

Прискорбный миг – и мой черед настал
терять родных, своих друзей и близких,
любви навек воздвигнув пьедестал
и памяти разглядывая фрески.

Пришла пора поудержать удила
в горячечном безвыходном бегу
и распознать, что тягостно, что мило,
что лету согреть, а что в пургу
нести, упрятав в старую шубейку,
и трепетно ладонью укрывать:
пора понять, где лаз, а где лазейка,
как сохранить себя, как не отнять
чужого, перепутав боль с гордыней,
а коль болеть, так только самому...

Пришла пора задуматься. Отныне –
долги платить и сердцу, и уму.

Горячим лбом задумчиво прижавшись
к холодной грани глыбы осмысленья,
порой в слезах, порой от слез сдержавшись,
приобретаю мудрое терпенье.

Картина третья

Уже пахнуло лёгкою прохладой,
осенний клавесин дождем поёт.
Над пожелтевшим и подвявшим садом
повис тяжелый серый небосвод.
Осенний вдохновенный воздух влажен.
Листва у ног и запахи – покой.
Уже не так быстра, не столь отважна,
уже не так исполнена мечтой,
уже не повторю ошибок дважды,
уже разочарована собой...

И все же золотистых красок пенье
меня порой приводит в изумленье.
И новое глубинное значенье
теперь имеют связи и влеченья.

Я нынче в гости к Осени пойду.
Вот – дом из бревен. Никого. Найду
немного дров сухих, камин раздую,
в тепле предамся мыслям, порисую...
и после, наслаждаясь жара треском,
забудусь мирно на качалке-кресле.
Приятная ленивая усталость.
И хоть душа немного холодна, –
я знаю точно, – мне ещё осталась
одна моя последняя весна.

Шурша подмерзшею безжизненной листвою,
в объятиях прощальных ноября
веду беседу грустную с собою...
Уж вечерет. Красная заря,
на западе разлившись, предвещает
морозный день на завтра, захват
ночной гуляка-ветер покрывает
прозрачной хрупкой коркой старый сад.

Картина четвёртая

Открывшись ветру, душу освежая,
от холода глаза дугой сужая,
сквозь снег пытаюсь в горизонт всмотреться.
Далёкая, еще совсем чужая,
к объятиям ладони обнажая,
летит Зима в своих саях из детства.

Повиновенно Зиму принимаю.
Вздохнула. Ей торжественно внимаю.
Морозный воздух – дивен, обожаю
кристалликов-снежинок легких стай,
что на губах моих и веках тают.

Прекрасная суровая подруга,
твои холодные глаза до рези близко,
в них – колкие: пороша, лед и вьюга,
и красным на закате небо низко.
Возвышенны и тем великолепны
в своём уравновешенном терпении,
что закалилось в поры грез и лета,
сливаемся навек... иль на мгновенье.
Пускай волос седых и снежных иней
метель перемешает воедино;
твоих очей сияющий хрусталик
мне талисманом напоследок станет;
твоя слегка заметная улыбка
не обвинит, не упрекнет в ошибке;
и может быть однажды, голоса тихи
прочтет друзьям баллады и стихи.

Какое, к черту, может быть прощанье?
Бежит узкоколеечка моя.
Оставляю строки - память в завещанье
потом... когда придётся... сыновьям.
Деньков неудержимых скоротечность
уходит, как сквозь пальцы жизнь-вода,
и повторяет мне: «Ты – мать, ты – вечность,
и где-то есть, поверь, твоя звезда».

Оттава, Канада

Юлия КЛЮКИНОВА

ХРОНИКА ЛЮБВИ

ПОРТРЕТ

Я не умею словами резкими,
Но слишком Вы яркая, слишком странная,
Как – с бриллиантовыми подвесками –
Та королева... как ее... Анна!
Но не из романа, австрийско-французская,
А – здешняя, наша, податливо-твердая.
Такой не помеха и тропочка узкая,
Такая и бедствовать будет, но – гордая!
Такая не прятаться станет пугливо
От гения злого, от мести и подлости,
А попросту выйдет навстречу спесивому
И спросит: «Ну как у тебя хватит совести?!»
... Я не умею словами, а надо бы
О королеве сказать хоть немного:
Увидьте, услышьте, как шла – и как падала,
Служа не прислужникам Божьим, а Богу.

ХРОНИКА ЛЮБВИ

1.
Тоскую по тебе...
Всего лишь день прошел.
Как я с тобой рассталась.
Всего лишь день прошел –
Огромный, словно Вечность.
Тоскую по тебе...
Прошел всего лишь час,
Как я закрыла двери.
Прошел всего лишь час –
Невыносимой муки.
Тоскую по тебе...
Лишь несколько минут,
Как ты меня покинул.
Лишь несколько минут –
Безмернее Вселенной.
Тоскую по тебе...
Вместят ли боль мою
Все океаны мира,
Все бездны между звезд,
Пока я в ожиданьи
Тоскую по тебе?
2.
Магия вечна,
Магия слова и взгляда...
Тихо, как свечка,
Я догорю с тобой рядом.
И не заметят,
И никогда не узнают.
Светит – и светит.
Видит ли кто, что – сгорает?..

3. ЧЕРНЫЙ САД

Сумрачный сад темных цветов моих.
Холодом дышат хрупкие лепестки.
Я не растила, я не сажала их –
Сами взошли они, дети моей тоски.
Черные маки, тяжелые, как эбен,
Багровые розы, примулы из свинца,
И маргариток чугунных непрочный тлен
Тенью совьется безрадостного венца...
Там – меж цветов – черные стрелы травы.
И ароматы жестоки, как блеск ножа.
В черный мой сад я одна лишь войду – не вы,
Только лишь я, пока рана моя свежа.

4. УЩЕДШЕМУ

Когда повеет ароматом снега
Холодный, свежий ветер ноября
И разлетится о тебя с разбега,
Знай – это я.
Когда льет дождь, и хмурые потоки,
Блестят глазурью в свете фонаря
На куртке у тебя и бьют под ноги,
Знай – это я.
Когда лучи пронзают знойный воздух
И плавят, словно глыбу янтаря,
Твой безмятежно-тяжкий день, твой отдых,
Знай – это я.
Я – ветер: дай коснусь твоей ладони.
Я – дождь и солнце. Бытие и весть.
И лишь о том прошу, чтоб ты запомнил:
Я – здесь.

Вологда

Ольга КУЛЬПИНА «ЕВЕ ДАНО»

Родилась я в 1979 году, 4 июня - в Подмоскowie, там же и училась, закончила юридический лицей, сейчас заканчиваю Московский институт электроники и математики (вечером), экономический факультет. Времени нет, приоритетов литературных тоже. Люблю фантастику (Лукьяненко и Перунова), самые любимые сказки - про Карлсона и Алису в стране чудес. Собираюсь засесть за Агни Йогу, Рериха, Ницше, Гессе, важен Маркес, Павич, Кундера и, конечно же, Цветаева... Пишу стихи лет с шестнадцати.

Взгляд одинок, но светел.

Из меня не песок, но пепел.
Всё остальное – ветер.
Всё остальное – вытер
День.
Вымер

Я распахну рубаху –

Нет ничего за пазухой:
Ни камня,
Ни даже хлеба,
Ни за душой, ни в кармане.
Мне бы скорей в небо,
Мне бы скорей в сказку,
Только в мешке за плечами
Кучка твоих пазлов.

Ты не звонишь даже -

Боишься слышать мой голос.
Такой искушенно-вражий.
Такой неуёмный голод
Полос взлётных
И просто полос тонких
У кисти...
Прости.

Я совершенно холост.

Я одинокий дома.
И холостым патроном
Буду пугать встречающих.

Только ты всё о вечном...

Что у меня в заплечном?
Но не жена она дева.
Ты посмотри обратно
Буквы на деле...
Будто таких Адамов,
В душу твою и тело
Вхожих
Не было вовсе?!!!

Я холостым патроном

Буду пугать прохожих.

Комплекс.

Этот Адамов комплекс –
«Я ничего не трогал.
Во всем виновата...»
Проклятой будь, проклятой...
Познанной будь с болью.

Еве дано другое...

Еве продлить в вечность
Слабость его крови.
Нежность его речи.
Грубость его чресел...

Взгляд одинок, светел

Что у меня в заплечном?
Да, не песок...
Пепел.

Настольная книга – мой бессонник
Усталый немного потрепанный томик.
Где ты не приснилась... Ни в полоборота!
Где ты не ждала меня поздно с работы
И я не вернулся ни с рейса, ни с рейда
Спросить бы, что значит, -у дядюшки Фрейда-
Ты мне не приснилась...
Ни в море, ни в поле, и не на опушке,
Ни как убирала рукою за ушко
Волнистых волос непослушную прядку
Ни небо на нас не смотрело украдкой
Я не выносил на руках из пожара
И самых счастливых детей не рожала
Ты мне... – не приснилось.
Ни в белом, ни в красном, и даже ни в синем
И руки мои опустились бессильно
И шариком в горле пульсирует нежность
Ты думаешь... думаешь - не обо мне же?!
Запуталось влажное что-то в ресницах
Не спится... поэтому мне и не спится...
Что ты не приснилась... (Москва)

Наталья Маслова

ХОЛСТЫ

Наталья Маслова (Круглова) была самой знаменитой поэтессой Вологды в 60-70 годы, печаталась в областных газетах, но никогда не имела своей книги стихов и не стала членом какого-либо писательского союза. Подборка ее стихов украсила альманах «Дверца», но большое поэтическое наследие утрачено.

Памяти бабушки Ефросиньи Ивановны

1.

«Кабы не пил ты
Водку горькую!
В светлой горнице
С темной горкою
Гну головушку
Виноватую:
Третий раз тебя
Нынче сватаю.
Третий раз пришел,
Опустив глаза,
И уйти никак
Без тебя нельзя.
«Всем ты взял -
Умом,
Статью гордою, -
Кабы не пил ты
Эту горькую.
У тебя ж руках
Дело спорится
И красильня новая
Строится.
Отдала б тебе
Свою зорьку я.
Кабы не пил ты,
Паня, горькую».

2.

Мама, матушка,
Как я счастлива,
Возвели на Паню
Напраслину -
Мол, не подойдешь,
Если во хмелю,
Ну, а он твердит
Мне одно — люблю.
Да и вовсе редко
Теперь хмельной.
Словно верный пес,
Ходит он за мной,
И свекровушка
Мной довольная -
Да и дом у нас
Чаша полная.
Целый день в дому
Белкой я верчусь.
Красить вечером

Я холсты учусь.

Сядет солнышко

За красильнею,

Из котла холсты

Выну синие,

Расстилаю их

Прямо у реки,

На лугу они

Словно васильки.

А поднимется

Солнце ясное,

Достаю холсты

Ярко-красные.

Сарафаны шью

Кумачовые —

Бабы в очередь

За обновлениями.

Хорошо ты, матушка,

Сделала:

Замуж выдала

Меня в Белово.

3..

Кленовыми листьями годы
Летели один за другим.
Немало над Лежей холодной
И всен промчалось, и зим.
Тринадцать детей ты рожала,
Но семеро нынче с тобой —
Бывало, осиною дрожала
Над свежей могилы землей.
Твои муж, попивая нещадно,
По-своему все же любя,
То словом корил беспощадным,
То ласкою нежил тебя.
Но ты на судьбу не роптала —
Надежды твои и мечты
Цветным — васильковым и алым
Узором легли на холсты.
Тебя-де влекут по-старинке
Жар-птицы и розы-цветы.
Брусники родные кровинки
На серые каплют холсты,
На бабы твои сарафаны
Садятся цари-глухари.
Рассветы, седые туманы
И клюква — горстями — бери.
Не зря на рассвете вставала,
Работала ты на заре:
Чтобы краска твоя не слиняла,
Ты подолгу искала секрет.

Однажды отправила мужа
С подводой печатных холстов,
А дочери старшей подружек,
Гостей усадила за стол.
В гимназии дочка училась,
И радость, и гордость твоя.
А средней — машина строчила -
Приданое шила семья.
И младшие детки резвились.
Играли на желтом полу...
Вдруг: «Фрося, скорее! Поплыли...

Ловите!» - неслось по селу.
По Леже осенней холодной
Подвода с холстами плыла.

Ты с берега бросилась в воду,
Ловила их, сколько могла,
В воде собирала бруснику,
Спасала царей-глухарей,
Пока голова не поникла...
Муж пьяный лежал на бугре...

«Что ты, Лежа.
Со мною сделала,
Нарядила
В холстину белую,
Ты меня разлучила -
Не рано ли? -
С белым светом.
Детьми и Панею.
Что ты, Лежа.
Со мною сделала?...»
Над могилой берега
В Белове...

4.

Ты прости меня, бабушка,
Слышишь, прости:
Не смогла я холсты
Подхватить, донести,
Не смогла разгадать
Твоих красок секрет
И в стихах передать

То ли быт задавил,
То ли мужества нет -
Не могу разгадать
Твоих красок секрет.
Я всю жизнь к нему шла
И нелегко мой путь.
Вроде вот разгадаю.
Осталось чуть-чуть,
Будто все хорошо
На холсте, на листе,
Только краски не те
И слова все не те.
Видно, надо за ними
Но мукам ходить,
Может, верно, за них,
Надо жизнью платить,
Может, надо себя
Отдавать всю сполна...
Я не знаю,
Такая ль судьба мне дана...
Я над Лежей стою,
Над вечерней рекой.
Наполняется сердце
Щемящей тоской,
Я смотрю, как зеленые
Ивы-кусты
Тихо в речке полощут
Тумана холсты. (Вологда)

Мария Маркова- Шумакова ЗДРАВСТВУЙ, УДИВИТЕЛЬНОЕ «ТЫ»

*Студентка Вологодского педагогического
университета. Пишет стихи и прозу.*

Я отдаю себя раскосым
Глазам твоим – не легче ль в омут?
К губам – за вкусом абрикоса.
Загаром щедро тронут.
И май приник к твоей ключице
В опасном жарком поцелусе.
Мне уготовано случиться,
Любить тебя напропалую.
Ах если хочешь, правду вызнай,
Почем медовое печенье.
Не хватит и трех сотен жизней
Перебороть твоё влечение.
Во сне ты видишь стаю граций,
У них одно лицо, я знаю,
Позволь мне наяву родиться.
Одновременно умирая.
А утром я к тебе приникну,
И всю одежду с тела скину.
И сохранят ручные книги –
Как Бог сминал руками глину...

Знал бы ты, как тосковала по-птичьи,
Как зазывала туманные дали,
В грустной березовой жизни девичьей
Стал ты единственной светлой печалью.
Сердце спало до тебя безмятежно.
Не торопилось любить без оглядки.
Видишь – проснулось, и белая нежность
Гладит волос поседевшие прядки.
Как же ты часто снился мне глупый,
Дождь твой бродячий и пенные лужи.
Нежность бесценную цедила скупой,
Но никого не пустила в душу.

Здравствуй, удивительное Ты!
Солнечным пятном на покрывале,
Сладкою дремотою мечты,
Живописной строчкой Калевалы
Что же ты так смотришь на меня
Преисполнен тайной пониманья.
Обликом загадочность храня.
Чудное химерное созданье.

Доступны кажутся, но в руки не даются
Я злюсь, не понимая, что к чему.
И кажется, что надо мной смеются.
А по утрам, заваривая чай,
С тобой болтаю (ясно, про себя),
Что ты не пуп земли, а коромысло,
Где «да» и «нет» качает, как весы,
И если бы уметь его нести,
Не обливаясь непонятным смыслом...

Вот мы и врозь, и всерьез, и надолго,
Вот, наконец, говорят, что мы разные.
Кажется, мне ничего не заказано,
Освобожденной от этого долга.
Кажется – выпорхну, вылечу разом
В новую жизнь без забот и с улыбкой...
Но вместо этого чувствую пытку
Белого снега, смешенного с грязью.
Осень дождями киснет,
Весны замедляя бег.
Скоро рваными письмами
Выпадет первым снег.
Далеким, прошедшим бредом
Запорошит печаль.
Кутаюсь старым пледом.
Уверю себя, что не жаль.

Снежная тяжесть застывших волнений,
Крыши, деревьев соединенья,
Светятся окна раздоров кошмарами,
Были мы молоды, стали ли старыми?
Старше на годы понятий и правил,
Старше предательств, мудрее доверья –
На одиночество, на неуверенность
В завтрашнем дне и далеком грядущем
Грезятся нынче не райские куши...
Так вот под тяжестью белого неба
Тихо крадется новая эра...

Вологда

М. Осиева

Н. Бурдыковой

Голосом горлинки
В самую суть.
В ноги, поклонники!
Не обессудь.
Розы закидывает
Вверх, до волос.
Славить, завидовать –
Так повелось.
Воскрешайте слушаньем,
воспойте слезой.
Возжаждуйте лучшего!
Горлинка, пой.

Марина ОСИЕВА ПЕСНИ НЕВОЛИ

Что было – то ушло. Что будет – то уйдет.
Лишь память мутной ночью постучится
Коварною голодною волчицей,
Когтистой лапой по сердцу скребнет.
Но дня водоворот затянет, закружит,
И будет новый день от прожитых отличен.
Ты только не забудешь по привычке
С утра чаек покруче заварить.
Судьбу не угадать, и очень может быть –
Швырнет меня судьба под питерские арки.
Скажу с порога: «Машенька, запарь-ка!» -
Втроем с волчицей будем пить и пить.

1992, Чувашия

Споем, подружка, споем, родная,
Глотнем по кружке воды из крапа,
Затянем песню - пусть все подхватят -
Про то, как где-то «стольпинн» катит.
А в грязной клетке грустит парнишка:
Судьба-злодейка готовит вышку.
Споем про Зойку, подружку вора...
Поют девчонки нестройным хором.
Слова простые, мотивчик легкий.
Ах, золотые мои девчонки,
Сидят на шконках, грустят и плачут,
Поют тихонько – а как иначе?
Но вот подружка слезу смахнула,
Тряхнула челкой и подмигнула.
И вновь смешинки в глазах, как свечи,
И скоротали девчонки вечер.

Загаженный перрончик,
стольпинский вагончик,
Веселые ребята
и дуло автомата.
Глаза мои все видят,
А сердце ненавидит.
И все-таки, как прежде,
Живет во мне надежда.

Вот покуролесим,
Вот поколесим.
Будет путь наш весел
Смех неутолим.
Смех девчат сквозь слезы,
Оттого звончей:
На душе морозы,
На щеках апрель.

*1991, 23 сентября. «Столыпин»,
из Горьковской тюрьмы в Чебсару*

Новые лица, новые звуки,
Все здесь не так.
Сердце щемит от тоски и от скуки -
Полно, пустяк.

Надо – ты слышишь – ведь надо стараться
Вынести ночь.
Надо как прежде собой оставаться,
Боль превозмочь!

Тот унижает, а тот раздражает –
Вот как и я,
И униженьям судьбы возражает
Гордость моя.

1991.Транзитная камера в Чебсаре

Еще не встреченный, чужой,
Мной не изведанный мужчина,
Я не твоя и ты не мой,
Мы не друг друга половины.
Когда обрушится беда,
Не твоего спрошу участия,
Моя слеза – тебе вода,
Не я в твоих мечтах о счастье.
Мы разминулись в толчее,
Под ровный гул толпы таких же,
Как мы, бредущих по земле –
Слепых, глухих, богатых, нищих.
И оттого я жажду жить
И умереть не умудрилась.
Что знаю – нашей встрече быть,
Иначе б вовсе не родились.

ТЕЗКИ

И то же имя у меня,
И челка та же,
Я так похожа на тебя, -
Скажу, куражась.
И, не куражась, повторю
Вполне серьезно,
Что гвоздь хочу забить в зарю –
Пока не поздно:

Вдруг да не вынесет душа,
Напишет ложью,
Шагну к тебе, уж не дыша,
Чуть помоложе
Тебя, распятой на кресте,
Святой и грешной!
А я смогла лишь тезкой стать -
Судьба? Конечно.
Пусть с той же челкой – до тебя
Не дотянуться,
И гвозди крепкие давно
Не продаются.
Погнется гвоздь – мой тяжек грех,
Не отмолиться.
Остался – лист. Он чист как снег.
Не отступиться.

Как ласточки, годы летят.
Когда-то я буду седая.
Сошью себе строгий наряд,
Куплю скромных бусинок ряд...
Как ласточки годы летят.
Но все это буде потом,
Когда подрастут даже внуки
Когда я пройду босиком
С веселым душистым венком –
Да. Все это будет потом.
А нынче зовет меня день,
И я в сарафане воздушном
Вдыхаю кипенья сирень,
Моя голова набекрень,
Ах славный зовет меня день!

Весна – наконец-то – скорей заходи.
Я старый певец твой с надеждой в груди.
С надеждой терпела я зимние вьюги.
Мы встретимся снова с тобою, подруга

Смотри, голова-то моя в серебре –
За что оно мне и на что оно мне?
Мне рано еще кликать осень в подружки,
Еще попрошу – подари мне веснушки.

Быть может, в последний разок попрошу –
Морщинки разгладь – на свиданье спешу.
Тебе вот стихи, что всю зиму писала...
Спасибо, подружка, а я побежала.

1991 Вологда

Елена ПОПОВА

Родилась в Шексне, училась в Ярославле, там же была активной участницей литобъединения «Третья среда». Живет и работает в Вологде (врач-психиатр). Автор поэтической книги «На грани рождения травы» (Вологда, «Марафон»). Лауреат литературного конкурса в Костроме 2002

танцуем
на лезвии чувств
джигу чувственного
наслаждения

возрастаю
в боль - тебя
половинностью
тепла восход

смотреть сквозь
расщелину
слов
видеть глаза
твоей
души

двортерьер
сторожит ветер
в своих
лохмотьях

(HEL P)

в одуванчиковом
поле
улыбаться
жёлтым
солнцам
парашютами
взрываться
как небесный
тихоход

тяжёлые сосцы
коровьи
роняют на дорогу
влагу жизни
рождая
млечный
путь

верхушка тени
прячется в
чёрное
верхушка души -
в белое

осенние пределы
невиновны:
листают
с желтизны
на грязь
секунды счастья

залечатаны
уста
тяжестью
букв

двигаться
навстречу
восходу
ловить утро

ёлки скеле
на трёхроговой люстре
свечи ночные
сгорели дотла
маятник мерно
считает секунды
или года

красная клеёнка
на кухонном столе
а на ней рисунок:

МУЗА

птицы и цветы
все когда уснули
очень любопытно
пальцем повторять
его очертанья

пьяница
идёт за Солнцем
ее зовут

ножницами
отстригни
меня от себя -
получится

розовое
тощее светило
на мрачном
ночном небосводе
то нечаянно
поранилась
луна

Стану тишиной
Между твоими
губами

медовый секс
пьяняще губы
целуют кожу уходите
чужие
звуки слухи
стоны
мы лишь
вдвоём
в огромном
небе

мука плеч:
губ и пальцев
икебана
снежный всхлип
закинь крючок
мучь меня
мне так теплее

я одна ты один
мы сидим в разных
углах маленькой
комнаты
ты - своей я - своей

(Вологда)

Анна РУБАНОВА ЖЕМЧУГ НА ЛЕД

Родилась в Подмоскowie, училась в Москве в Московском Педагогическом университете. Где только не работала, потому что момент получения диплома о высшем образовании совпал с периодом дикого капитализма. Сейчас, перебирая в уме все вывихи своей жизни, я, как начинающий мистик, понимаю, что меня фатально прибавляет к журналистике. Читаю и перечитываю Достоевского, Цветаеву, Бунину, Бродского – всякий раз убеждаюсь в том, что слово - инструмент божественного происхождения. Мне 30 лет. Я много любила, и заглядывала во многие бездны. В глубине моего мира водятся и морские чудюица, и бешеные нсы, и райские птицы. "Мой день бесцутен и нелен, у бедного прощу на хлеб, богатому даю на бедность"... Так получаютя мои стихи.

Бессмысленно, но как болит душа,
Как будто гамму первую левша
Смычком выводит по дрожащей скрипке.
Как будто я в душе своей несу
Тоску зимовья в сумрачном лесу,
Где мерзнут в небе золотые рыбки.
Мне не с кем поделить свой Эверест.
Таков судьбы неблагородный жест,
Нам, одиноким, сладостно известный.
Не говори: "Я больше не могу", -
Я нахожу следы твои в снегу
Как маков цвет, зимою неуместный.
Так нам грехи прощают в декабре,
Так плачет детство в каждом букваре,
В отдельных буквах запертое глухо,
Так сердце, обнажаясь догола,
Влекомо гранью битого стекла -
Открыть в себе кровотечение слуха.

Снова зима, и январь притворяется мартом.
Я не живу, а скорее гадаю по картам.
С детских качелей падая снова и снова,
Я наконец отделяю свое от чужого.
То есть не я проживаю день, как обычно
бывает,

А, как ни странно, день меня проживает.
Кто объяснит мне, что сны эти странные
значат? -

(Анечка, помнишь, как падала в эту траву?)
Кто же из нас двоих, не просыпаясь, плачет,
Плачет от боли, которая наяву?
Я так люблю тебя, что виновата даже
В том, что царапала кошка тебя, и в пропаже
Куклы любимой, и горше этого только
То, что само по себе невыносимо горько.
Анечка, Анечка. День этот был и прожит.
Не вознеслась. И смысл этих слов, быть может,
В том, что когда замолчу, мы с тобою услышим -
Чья-то душа возвращается к телу по крышам.

Невидимых оков
Измученная пленница!
Воланы облаков
Потягиваясь, лентяся.
Твои ресницы-стон,
Твои ресницы - полдень.
Я голоден, я голоден.
Я умер, я влюблен.
Домов, людей, окон
Упавшая пленница.
Пролитый небосклон
Изнемогаю, пенится.
Подставь стакан простой -
Глоток жары и неба!
Я тень, я сон, я небыль,
Я твой каприз пустой.

Уняв сердцебиенье, отвернуться.
И мимо Вас - походкой, как в балете.
Вы знаете об этом все на свете,
Ведь Вами проштудирован Конфуций.
Ухожен, отутюжен, отгорожен
От серости забором (без калитки)
Ах, осторожно! Но не осторожен.
Что женщины? Так, кафельные плитки.
Случайная ошибка быстрых пальцев
Рождает бесконтрольную нелепость.
В гостинице есть много постояльцев.
Кому-то дом, но никому не крепость.
Я Вас ждала, как точку в предложении.
А фраза обернулась длинной сагой.
И если сердце жаждет продолженья,
То лучше выдать чистую бумагой.
Я помню, что Вы есть, всегда и всюду,
В автобусе, в постели, в лифте, в душе
Вы как болезнь, но только не простуда,
А кос-что значительно похуже.

Я не хочу обидеть Вас (впридачу,
К тому, что виновата перед Вами)
Но Вы мне снится, и тогда я плачу,
И некому будить меня губами.
Вы - совершенство. Вы всегда со мною
Напоминаем, что ошиблась дверью
И хочется, качая головую,
Как Станиславский, закричать «не верю».

Забудешь ночь, и черной ветки скрежет,
Слепое возвращение впотьмах, -
Войдет любовь, и горло перережет
С улыбкой сумасшедшей на губах.
Уже в ознобе - клочкотанье жара,
Окаменев от страха, закричи -
Паучьи пальцы липкого кошмара
Лицо твоё ощущают в ночи.
В гортани жадной запертое имя
В два выдоха на волю отпусти.
Мы все равно останемся чужими,
В одной твоей зажатые горсти.
Агония, рождение, передышка -
Кормя друг друга с лезвия ножа,
Вселенную, как плюшевого мишку,
В руках вертеть, от нежности дрожа.

Февраль, ты весь - усталый жест
В полуденном бреду.
Светает в шесть, темнеет в шесть,
И утром чьих-то санок жесть
Царапает по льду.
Пурги рассеянная дробь
Бьет с четырех сторон.
Любви нечаянный озноб.
И можно поцелуем в лоб
Прервать непрочный сон.

... И я проснулась. Белый потолок
Отобразило зеркало устало.
И цвета серебристого металла
Был с вечера плененный мотылек,
Оцепневший от ночной тоски,
И вяло пили воду васильки.
Как паутина сотканная лень
Ждала в углу рассвета, и похоже,
Присутствие тебя ленилось тоже.
И видимое глазу, словно тень,
Боящаяся света и огня,
Шептало мне: «Дотронься до меня».

Ты веришь? Не верю несколько.
Весна, небеса тяжелы.
Что там - полонез или полька
Несется из ветреной мглы?
Пустая такая морока -
Решать надоевший вопрос.
И ранит весна неглубоко
Пронзительным запахом роз.

И руки не заняты делом,
И слово на губы нейдет,
И белое солнце на белом,
Как жемчуг, упавший на лед

Влюбилась девочка, и снится
Ей невозможность не влюбиться
По поведению единнца
За опозданье ей влетит
Под утро задремала только
Опять будильник, кофемолка
И апельсиновой долькой
Она рубашку угостит.
Штрихом из угольных эскизов
Бежит, как «Скорая» на вызов
Похоже, только ей с карнизов
Капель летит за воротник
Сквозит февраль в душе, и снова
В гортани задохнется слово
И как птенца полуживого
Она несет его в дневник.
Какая тут Марина Мнишек
Весь день из обморочных вспышек
Адреналиновый излишек
Висок измученный томит
При чем здесь очерк по Анюю,
Когда все подошло вплотную
И где взять душу запасную
Взамен исчерпавшей лимит.
А после та же пантомима-
Проходит сквозь - и все же мимо
Одни мы девочка, одни мы
Нам этот город незнаком.
Усвоив формулу кокетства,
Наощупь выбралась из детства
Но только никуда не деться
С твоим нездешним языком

Не оставляй молитв до четверга,
Сказала ты, и нас разъединили.
Тверской бульвар, как полотно Дега
Был пасмурен, и Пушкина чинили.
И Слава Богу, дождик моросил,
И Пушкин терпеливо все сносил.
Ему привычно умирать и жить.
Москва лежала с тепловым ударом.
Мне не на что картину освежить
Мускатами и ялтинским загаром.
Но если всё рассматривать поверх,
То, в общем, послезавтра был четверг.
Его голубка залетает в стих,
(Она живет на голове поэта)
И знаешь что? Я не оставлю их
До четверга в конце земного света.
И надо плыть. И надо заслужить
Обыкновенье умирать и жить.

(Москва)

Эвелина РАКИТСКАЯ АЛЕНЬКИЙ ЦВЕТОЧЕК

Вся русская поэзия. ты - бред.
В тебе ни смысла, ни спасенья нет.
Ты - как рубцовский пьяный пароход,
Что в никуда по Вологде плывет...

И всё одно - всё водка и вино.
И вечно кто-то падает в окно.
Пока друзья поют про ямщика,
Его уносит Вологда-река

В бессмертье ли, в безумие, в запой, -
Когда сомкнутся волны над тобой,
Друзья тебя помянут. так и быть.
И пропойт. что *кони хочут пить*...

...Пока они поют про ямщика.
Мне душу рвет вселенская тоска.
Сжимает сердце в каменный комок, -
Чтобы тоски никто узнать не мог...

Я ваших песен слушать не хочу -
Они всегда подобны палачу.
Но я не знаю, в чем моя вина.
Я жить хочу. Оставь меня. страна...

Оставь. и больше душу не трави.
Стихи и песни - в водке и крови...
А книг, как жил Губанов и Рубцов.
Могу я не читать, в конце концов, -

Здесь нами всё оплачено сполна.
Нерусские у внуков имена.
Им будет жить светло и налегке.
Им не писать на русском языке.

АЛЕНЬКИЙ ЦВЕТОЧЕК

...И лес подступает стеною.
И меркнет полуночный свет.
Проснулось Чудо Лесное
и видит - Аленушки нет.
Проснулся он, зверь безобразный,
в своей непролазной тайге.
И взор помутившийся красный
Аленушку ищет в тоске.

Наверное, ей не вернуться
из дому обратно сюда.
Там люди как люди смеются,
и в спину не дышит беда.
Там нету надежды на чудо,
но каждый как хочет живет...
Нет, ей не вернуться оттуда.
И вот безнадежно и люто
Чудовище в голос ревет...

А умные сестры тем часом
Алене внушают совет.
на свете есть воля и разум,
а долга, родимая, нет.
Его заколдованный терем
тебя уже сводит с ума.
Он был и останется зверем.
А ты, в эти бредни поверя,
чудовищем станешь сама...

...Бушует опять непогода.
За окнами хлещет гроза.
Алена глядит на урода -
в его золотые глаза.
Под эту страшную рожей,
под эту накипью лжи,
есть кто-то другой, непохожий...
Она умоляет: о Боже,
хоть каплю его покажи!

Но сколько бы ей ни молиться --
а страшную маску не снять.
И ей ничего не добиться,
и ей ничего не понять,
и ей никогда не пробиться
сквозь липкий безудержный страх...
И кажется - что-то случится.
И гадкая черная птица
схидно смеется в кустах.

...Так дни или годы проходят.
Алена живет как жила.
К реке и к ручью не подходит.
Не смотрит в свои зеркала.
Вот космы ее, заплетаясь,
уже закрывают лицо.
И в грязную руку впиваясь,
на пальце ржавеет кольцо.
Сидит она с Чудищем рядом.
Глаза ее - как пятаки.
Но там, под бессмысленным
взглядом,
под кожей, пропитанной ядом,
ни горечи нет, ни тоски.

Аленушка больше не плачет,
и сердце ее не болит.
Они одинаковы - значит
неважно, какие на вид.

.....
Тоска подступает стеною.
Смеркается. Сил уже нет
лить слезы, бороться с запоем
и слушать бессмысленный бред.
Ты требуешь водки и водки
и страшно рычишь без конца.
Одна лишь бездонная глотка
и страшная маска лица...

Чем дальше к безумным пределам
душа улетает сама,
тем всё безобразнее тело.

тем всё непрогляднее тьма...
Я вижу ужасную рожу.
я слышу бессмысленный рык...
Но там, за оставленной кожей,
есть кто-то другой, непохожий,
кто слышит небесный язык.

И сколько бы мне ни молиться --
а страшную маску не снять
И мне ничего не добиться,
с тобою туда не попасть.
И мне никогда не пробиться
сквозь липкий безудержный страх.
И кажется - что-то случится,
и кажется -- кто-то стучится,
за окнами шарит в кустах...

Вот я выхожу к магазину,
к ночному, в четвертом часу.
Хозяину лавки, грузину,
я прибыль в кармане несю.
Меня он улыбкой встречает --
наверно, уже узнает.
Но лишь головою качает
и молча бутылку дает.

А рядом -- опухшие рожи,
я мимо скорее пройду.
как будто боюсь стать похожей
и к ним перейти, за черту,
как будто боюсь я подслушать,
как что-то звенит и поёт,
когда их забытые души
уходят в бесцельный полёт.

Уходят, от боли синея,
добру неподвластны и злу...

Но, кажется, нет мне роднее
любого бомжа на углу,
и этой замызанной тетки,
заклеившей пластырем бровь...
У всех у нас общая водка --
а стало быть, общая кровь.

Так долго ли, коротко ль время,
но всё непрогляднее дни.
Едины горят перед всеми
киосков ночные огни.
Я больше тебя не ругаю,
напрасные слезы не лью.
Я водки себе наливаю
и, морщась, глоточками пью...

И словно вся жизнь на ладони,
взрываясь, сгорает дотла.
Несутся крылатые кони,
горят в небесах купола...
И кажется, я улетаю
туда, где другие пути.
Я знаю, я знаю, я знаю --
теперь уже всё позади.
И птица небесная плачет
и льется золотое вино
И мы одинаковы, значит,
какие - не всё ли равно...

1999

Памяти Высоцкого

Я хочу быть такой,
чтобы каждый на мелкие части
мог меня разбивать,
как в лесу разбивается крик,
чтоб над каждой строкой
мог любой, леденяя от счастья,
морщить лоб и вздыхать:
до чего ж примитивный язык...
Я хочу быть такой,
чтоб меня принимали за эхо,
чтобы кто-то локтями
меня отовсюду пихал,
чтоб над каждой строкой
критик мой, столбенея от смеха,
морщил лоб и вздыхал:
я уже это где-то слышал...
Я хочу умереть,
всем понятной от корки до корки,
чтоб со всех сигарет
падал прах мною сказанных слов,
чтоб на кухнях гореть
дополнительной пятой конфоркой
и осесть на руках,
став четвертою стрелкой часов.
Растерять все свое,
стать приправой, замешанной в
блюде.

разлететься в пыли,
чтобы, напрочь меня позабыв,
даже имя мое
отрицали ученые люди,
чтобы споры вели и решили,
что я — это миф...

1989

Москва

Светлана СИНЕВА ХОЧУ СЧАСТЬЯ

Дым - задымить явь.
Бред - переплыть вплавь.
Выйти - забыть, жить!
Жить.
 жить.
 жить.
 жить.
лед топить.
 воду пить.
 свечи жечь.
 утро - встать.
 вечер - лечь,
воздух - сырь.
 пальцы - течь.
В плечи голову! -
С плеч.
 Все как надо.

* * *

Ассоль лоза,
гроза в глаза.
А зорк свет глаз.
Кто свет тот спас?
Нил - мил, сор - рос:
толст слой корост
на ранах был?
Вой ветра звал.
зов ветра стыл...
Для пары глаз
награда зорь -
Ассоль.

* * *

Я и не знала, что осы
кусают в сердце,
Что осень греется летом
И просится в лето из глаз
Медленно точен.
Это не дня рука.
Это рука ночи
Свет уводила. Там
Промельки тени.
Это последний день
Встал на ступени
Дома последнего. Крах
Выведал? Нет, изведал!
Мне не достался страх
Этого следа...

Соленой водой - болью.

От березы тень.
Колокол тени.
День мерк. Бел
Встал на ступени.
Шел в гул шаг
Медленно точен.
Это не дня рука.
Это рука ночи
Свет уводила. Там
Промельки тени.
Это последний день
Встал на ступени
Дома последнего. Крах
Выведал? Нет, изведал!
Мне не достался страх
Этого следа...
Соленой водой - болью.

* * *

Спасибо, - не позвонил.
Закат ядовит и желт,
Как жухлые листья рябин
И сжатые ягоды - рот.
Спасибо - не говорил
Ни слова, ушел так,
Как листья в разбуженный
холод.
Как в шорох - шаг.
Ты думаешь, красен гнев-
Закатное око крови?..
Так сумрака синий напев

Напомнит другое...

* * *

Давным-давно,

Еще зимой,
Когда не грела рук,
Шел человек,
Он шел домой.
Там было больше двух:
Шел человек
Рука в руке
С другим,
Плечо к плечу,
Шел человек -
Я вместе с ним
Идти хочу!

Он в красном был,
Я рядом шла,
И напевали мы,
Шел человек,
Была зима,
И - не было зимы.

Хочу счастья,
 не в подол глядя,
 не сквозь пальцы,
Хочу счастья,
 останься!
Хочу счастья,
 не дыбу,
 не кричать в голос,
Чтоб спалось,
 а не пелось,
Чтоб спалось,
 а не пилось.

Хочу счастья
 и чтоб было меньше
Вокзалов в этой стране
 и твоих женщин.
Хочу счастья...
Не море прощу - малость,
Только чтобы осталось!

Вологда

Ната СУЧКОВА

О Д Н А

Ната Сучкова родилась в Вологде в 1976, закончила Московскую юридическую академию, работает юристом в большой фирме «Спортмастер» и учится в Литературном институте в Москве с 2000 года. Автор поэтических сборников «Ланолиновый блюз», «Нежнейшая пытка», «Пять поэм», редактор вологодского альманаха-индикатора «Стрекоза». Публиковалась в сборнике «Вавилон», антологии «Нестолничная литература». Финалист конкурса «Илья-премия», стипендиат фонда Тенфера и Пен-центра 2001 года, член СРП.

ОНА

она кормит рыбок
стонет мам рыбок
и рот ее липок
и пахнет как жвачка
она говорит прикольная жрачка
ребенок фаст-фуда -
яволь
а ты говоришь мы с тобою
полпуда
откуда там соль
там сладкая вата
молочная пена
как мыльная пенка
она говорит а вот лена
вот ленка
разбита коленка
щипает не тронь
она засыпает смотря на огонь
в без четверти ноль
последняя четверть
она мною вертит
скрипучая старая карусель
(старушка валила бы ты отсель
лошадки на лавочке кто-то сидит)
вокруг своей радикулитной оси
во истину вертит
ей нравится ветер
ей нравится свитер
какого-то жуть-ядовитого цвета
а светка, вот света

а за пазухой – крошка-картошка печет
все (двенадцать!) ребер наперечет
под фольгой – сырое тесто
ты играешь со мною в нечет и чет.
а куда *она* из тебя потечет
ты уже знаешь место?

и снова втыкаясь в меня как кассета
красивая сладкая жизнь
я слушаю лепет ее вдохновенный
и время горячим нектаром по венам
бежит

снегири

*она говорит: магазин лора
по херу, говорит, на рифмы
она говорит: ну где вы там, скоро?
мина, nokia connecting people*

белые снега
белые снега над нами
ты покупаешь «парламент»
дальше – он тает
между твоими губами

дальше – я таю

снег на экране
дальше - все знаю
- с нами, не с нами -
снами, холодными снами
«Я понимаю поздно»
белые снега мерзнут
корочкой на губах
все идет нах...

белые снега
белые снега над нами
ну же - следи за губами
ну же - бери меня, ну же - беги
ну же - под этим снегом
под следа вот этим последом
я глубоко – на дне...
в спину ударит песня
воздух замрет на месте
в горле, как в лодке узкой,
странно звучит (по-французски!)
это ее ж/д

белые снега фоном
облаком над платформой
слово парит: Paris
поезд идет в Снегири

не кури

не кури говорит покуда
с тобой поживу-побуду
подарю тебе чуду-юду
в дветьыши бог знает каком году
не разменивайся на ерунду
и ваше поехали в Крым
в город мой отчим в год побратим
да ну их тут всех да и хрен с ним
Я пускаю дым
смену длиною в вечность
заканчиваю в полночь
под ладонью ворсинки-иглочки
кириллицы на книжной коре
Я говорю тебе
вот только не надо мне тут дурить
орать курить-некурить
льда разносить осколки глыб
катись на свой Казантип
корюшку в банки ловить
вот только не надо мне говорить
решать курить-некурить
корить за выдох за вдых
малины с чужих чаевых
Бордовой не надо
след у тебя на шее
краски вина агдам
я тебя еще как отдам
стриженным короткошерстным
в широких как парус штанах
сидящим тут по тебе
думать о ерунде
и так по детски, по де...
Засыпаю щеккой на воде

Только чужие стонут мне песни,
Только чужие!
В кулаке - мозоли, на сердце - плесень
Как быть? - скажи мне.

прекрасная девушка грифелем тонким
мне рыбий скелетик напишет
на левой ключице
мешается кровь со слезою
под стеблем от гелевой ручки и хною сочится
в отверстие сквозное

потом я оденусь

(на скорую руку заклею остатками скотча
сердечные раны)
до скорого, что ли? (и ночи)
кивок на прощанье под листьев из крана
кап-кан-ы
как двор проходной (кому на...?)
коммунальная ванна

оставить:

тебя зимовать,
опять 25,
и на память в диване мой отгиск -
прокрустово ложе -
что было бы легче сверять
со мною - других,
а чтоб не было грустно
(разбитое, ты - не боли!)
морозного воздуха на пол-укуса,
как укусе - по вкусу! -
немного того, что внутри,

и—и—И

капустного снежного хруста земли,
уходящей в каток,
из-под ног

насквозь ярославский промок
промокашка
и крылья мои отсырели
неважно
и выхода нет
переход закрывается в час
не легче - час от часу -
к ночи - от ночи
(купить сигарет!)
электронная почта
загонит почтовых - гуда, где метели,
(купить сигарет!!)
и слова отсырели
(а мордочки рыбки в ключицу стучатся)
лохматый билет
и уехать на север
до первого повода не возвращаться

ОДНА

*Вот и пришло оно - твоё время испугаться за меня
Пожелай мне счастливого пути в эту бездну...*

Когда на апостроф в зеленой траве
Окажется просто - меня больше нет,
И в черной воде своих мне не петь,
И в белой земле.

И можно хрипеть, задохнуться
и плюнуть,
Но клены кивают и прячут клювы
Подмышкой у голубей -
Чужой мне песни налей!

Не важно в какой постели
проснется моя тоска,
И мир не такой уж бездельник -
Умест стучать в висках,
А пальцы в узлах зачем-то,
Зачем-то узлы туги,
но их не понятен учебник.
И: буги - вуги - не зги.
Не важно в какой постели
моя околет душа,
И будет опять понедельник,
и будет земля хороша,
Зеленым кружа и контузя,
прекрасна - беги - не беги.
Лишь пальцев развяжется узел,
И: буги - вуги - не зги.
И рифму найдут засранцы
На "буги - вуги - не зги",
но в петлю затянутся пальцы
На горле моей тоски.

Не дай зажить -
схвати, держи!
Хоть тем, хоть этим,
Хоть собой, хоть третьим!
Бычок качается -
Земля кончается.
А то вдруг
Я упаду,
А ты друг
Останешься тут,
Мерить потом
Небо - ртом,
Воду - взмахом,
Землю - плахой,
"Пошел ты!" - ахать,
"Останься!" - охать,
В воде по локоть,
В земле без вздоха,
И в небе - плохо!
А я - твой омут,
твой большой ломоть!
Еще вспомнить!
Блином, комом!
Пустить корни
в твоей прорве,
но то - больно,
еще не легче -
в реке-речи,
Держи крепче!

Я прошу тебя - не умирай,
Солнце зайчигово!
Видишь, бесится бледный май
Парашютами одуванчиков.
Видишь, маятся юный мир
Этим маево-желтым маревом,

Но, нацеленные в эфир,
Вижу... видела - умираемы -
Эти пики колючих глаз,
Эти венчики,
Весь игольчато-хрупкий каркас
Человеческий,
Запредельностью запряжен
И не выплакать!
Просто остов уже сожжен
Чьим-то выканьем!
Вечной слякотью старых вин
Не потушится!
Чьим-то выканьем и моим
Равнодушием.

А пойти мне некуда,
и три буквы заняты,
Шоколад ореховый
кареглазой завязью
под родными веками -
молодой да раненый -
умирает блеклыми
в голубые крапины!
Это небо капало
мне в ладонь, закашлявшись,
черно-белой паклею
от ресниц оставшейся,
и закат покатится -
на нечет и четный,
замирая платищем
и моля о чем-то...
На коленях сладко ли
слыть шутом гороховым?
По углам да ватками -
от локтя оторваны!
Эти вены вздутые,
Это горе - луково,
под решеткой уткую
стонет, вечным пугалом,
воем и проклятием,
и отцом Романом -
Руки к солнцу - "братия..." -
только рано рана.
Но терпеть мне некуда,
и опять зачеркнут
флаг мой белый-беленький
голубым и черным.

Рассыпала волосы в бессилии по раненым
плечам,
Не мои - не гнется волос, не курчавится,
И упала капля синяя в ладонь мне горяча -
То душа твоя с душой моей прощается,
Тяжело ли траве и также ли как и мне?
Тяжело ли тому, что укрыто под этой травой?

И когда прокричат: "Отвечай же, чем
любят оне?"

Я подумаю: "Сердцем", но покажу другое,
Я хочу понимать как растет она - эта трава,
Чтобы знать, от чего смущена твоя тяжесть и
неба безбрежность
и когда они спросят: "Кто выставил мир

из ума?"
 Я отвечу наречьем, наречие будет "нежно"
 Есть закон тяготенья земного - нелепый закон,
 Есть привычка летать и привычка садиться
 на камни
 И когда они спросят: "Что сделалось
 с миром потом?"
 Я отвечу глаголом, глагол этот будет "падать".

Земля удивляться да не перестанет,
 Когда на ладонь ее грудью упавши.
 Мы будем тихонько лежать под листьями
 Записанных нами страданий вчерашних.
 Кружатся моря, города и деревни.
 Как тысячу лет они раньше кружили,
 Мы будем почти что большие деревья,
 Когда они были еще небольшие.
 И в этом круженье не новостью падать.
 В зеленый огонь нас охапками сносят,
 И снова останутся ждать листопада,
 Который опять-таки каждую осень.

Дымом шашлычным пахнет,
 тлеющей рыжей паклей
 в даль уходящих по капле
 дымных больших облаков,
 мы нагло, как ситец,
 смотримся в этом спектакле,
 где тяжелеет бархат
 в бежевый снег мотыльков.
 Кланяйтесь - Ваше Величие!
 С прыг-скок походкой птичьей,
 Нам ли блюсти приличия-
 личико-гульчатый?
 Ах, мотыльки последние,
 не допустите петлю нам,
 хочется быть столетними
 и говорить: "улетай!"
 За этим глупо-ситцевым,
 Тоже почти что птицами,
 (Боже, почти что с крыльями!)
 мыльным смешным пузырем!

И раздуваться от ужаса,
 от - голова закружится!
 и от отсутствия кружева
 в слове последнем: живем!
 От того, что такие все умники - сидят по
 углам везде -
 И на Лобном месте, и в кресле в клетчатых
 пиджаках,
 Но еще спускаются рыбы и тянут морды
 к воде.
 Не умеют глупые небом дышать никак.
 А пойти погулять - так ни света там, ни тепла,
 Но собаке хочется - собака меня важней,
 И вчера гуляли и завтра будем - зима,
 Все уныло бестактно - снежата,
 трамвай-олень.
 Жизнь проходит - будет мне - холод.
 Лизать, зачем?
 Разберись, прислушайся - рифмы кричать
 к чему?
 Листья коки жеваны - хватит уже поэм!
 Человеку много ли - строчку согреть ему.

А мне луна светит,
 тепло на белом свете,
 а я смотрю зверем
 и думаю: успею
 еще нажиться вдоволь,
 а глаз луны - вдовый,
 никто меня не вспомнил
 ни злым, ни добрым словом.
 А мне луна светит
 подковою из сплетен,
 а я смотрю в петлю,
 как лик луны бледен,
 а мир белым-белый,
 лишь только там слева
 мои набухли вены
 неправильным припевом,
 мои набухли почки,
 луна в ночной сорочке
 над телом белым квочет
 в последней этой строчке.

Вологда-Москва

Ирина ФЕЩЕНКО-СКВОРЦОВА

КОЕ-ЧТО О ЖЕНЩИНЕ

И. Фещенко-Скворцова родилась 9 января 1954 года в Волгограде в семье служащих. Окончила педагогический институт. Кандидат педагогических наук, доцент. Лекарством для души считает Ч. Диккенса. Любит Ф. Достоевского. Из поэтов ценит Блок, Мандельштам, Цветаева, Ахматова. Преподавала в России в школе, в Киеве в педагогическом колледже № 1, в педагогическом институте на кафедре педагогического творчества, доцент кафедры психологии и педагогики Академии муниципального управления г. Киева.

Автор книг стихов: «Медитация», «Душа желаний» (1997), «Чаща» (1999), «Размышления в пещерах Китаевской пустыни» (2000); сборника стихотворений и эссе об искусстве «Острей кристалла» (2001). Уехжаю в Португалию к мужу.

Кое-что о женщине

(Светлане Поженко)

1.
В зоне мужского азарта,
в зоне мужского хотения -
сверх и помимо –
несыпной картой,
тонкой игрой светотени...

Мысли её отчаянные...
Били их в стае – влёт.
Кровью вмерзали в лёд –
В тысячный раз оттаяли.
Мысли её, о чём они?

Ласковые, заветные.
Выслежены заведомо
Птенчики желторотые
В лисьем лесу.

У нелюбви в заложниках
Плчтит сполна за ложное.
За осторожно-мелкое
Золотом, не скупясь...

Ты всей душой...
Да ты сама – душа,
до пестика, до чашечки, до донца –
в тебя, наверно, закатилось солнце,
отяжелевший от любви

воздушный шар,
Свой горький мёд

на мёртвых пчёл умножишь,
ты можешь

молча, тихо оплести,
и чуть заметно,
в теле полусонном
просвечивает гаснущее солнце.

И было тело –
Настежь, как душа,
раскрытое до чашечки, до донца –
тогда в него и закатилось солнце,
отяжелевший от любви
воздушный шар,
Бесплодна жертва –
жертвенность бесплодна.
На шаткий плот,
почти что не дыша,
и только взгляд назад,
отчаянный и долгий...
Уже прозрачна плоть,
но стянута душа
и не раскрыться ей
до чашечки, до донца...

2.
Проклята...
Просто, потому что ты женщина.
Просто, потому что ты жертвенна.
Просто так...
Столько отболело – не прожато.
Всё перегорело – не та.
Истового самосожжения
Мёртвая твоя красота.

Мария избрала благую часть:
в мужском пиру – не горькое похмелье,
отравленное завистью веселье,
короткую униженную власть, -

но в мире войн и воспаленных вёсен
задумчивую медленную осень.

3.
Чужая среди чужих
Искала она слова.
И были слова её –
Чужие.

И кто-то, державший свет,
С судьбою её чудил.
И свечи в душе её
Чадил.

Металась её душа,
Не помнящая родства,
И в мутном погоде слов,
Давно бесплодных.

Как смертник – последний шанс,
Искала она слова...
И Слово любви пришло,
И стало плотью.

Диалог

1.
Вагон метро. Одна и не одна.
Та, у окна, поднимет взгляд тяжелый.
Взгляд сквозь меня. А в чем моя вина?

Сверканье моей зеркальной сути
Для чьих-то слез, для чьих-то слов и судеб.
Я – зеркало, а зеркало не судят...

Но будет
Резче тень и глуше мгла
В тот день,
Когда закроют зеркала.

2.
А ночью и дальше и дальше
С отчетливым привкусом фальши
Сквозь зеркало время текло.

В простуженном доме не просто
Сберечь для ребенка тепло.
В простуженном доме не просто –
Срывать себя, сонную, с простынь.
Вживать себя в тусклое утро,
В тоскливо-домашнюю утварь...
А та, из окна - визави, -
Она бы печально и мудро
Учила ребенка любви.

Женщина

Не целовал и не благодарил –
Упал ничком, от ласки ослабев.
И – будто свет нездешний озарил :

Она забыла сразу о себе.
О том, как шла – к чужому – через стыд.
Томленье тела жаждала унять,
О том, как жар ее успел остыть
От рук чужих, не тронувших огня.
Под свет неверный, слабый, - законный –
Он ниц упал – упал, как пред иконой.
Скрывая просветленное лицо.
И в этот миг подумалось наверно:
Кем ни был он – убийцей, подлецом –
Он в этот миг очистился от скверны.
И сердце защемило от тоски:
Ведь даже с тем, с кем были так близки,
С кем обо всем на свете забывала
В единое сливаясь до утра, -
Ей так светло и чисто - не бывало.
Исполнившись покоя и блаженства
И, как дитя, угодна небесам, -
Она, склонившись, материнским жестом
Погладила его по волосам.

Милостыня

*«Всякий внешний ищет моего, а не меня;
Друг же хочет не моего, но меня... . Получать
от полноты – легко: это значит жить на
чужой счёт. И давать от полноты не
трудно. Получать же полноту трудно, ибо
нужно сперва принять самого Друга, и в нём
найти полноту, а Друга нельзя принять, не
отдавая себя; давать же себя трудно»*
Павел Флоренский

1.
Что отдать я могла,
если шла,
откупаясь от нищих,
чей презрительный смех
догонял, неотвязно звеня.
Что же мы, как во сне,
от рожденья беспомощно ищем, -
Люди, в роли меня,
Люди, вроде меня.
От рожденья беспомощно ищем...
Невостребован дар –
Принимается милостыня*.

2.
Дар принять не умела –
Милостыню приму.
Благодарить хочу –
Слова неуместны.
Зажгу свечу,
Помолчу.
Последняя ласка. Боже,
Даров дороже.
Мысли о вечном.
Милостыня под вечер.

Украина-Португалия

Елена Хрусталева

ФРЕСКИ

«Горячая рукопись» Щекиной как-то все всколыхнула: мысли, чувства, образы непонимания, амбиции... Все это ложилось где-то по углам, старательно не замечалось, отодвигалось, маскировалось, а случился «сквознячок» - пыхнуло. И сгорело. Но что удивительно - сгорел лишь мусор. Да, все это есть: не только печатать – слушать не хотят. Ну и ладно, почитаю печке... Не только далекий от поэзии супруг, но и собратья по ЛИТО часто не понимают (а я постараюсь понять и их, и супруга). Все эти бури в стакане есть, никуда не денешься. Но ведь пишем, живем. А для чего нам дано и то, и другое? Не по моему замшелому уму вопрос. Для себя знаю: если дано, так надо ценить и развивать, и радоваться жизни вообще. А напечатают ли, почитают ли, оценят ли... Приятно, если это будет, но и только. Самая большая награда и наказание – само творчество. Чужие оценки часто озадачивают. Кто-то увидел, понял свое, а мои стихи были толчком. Так что спасибо «Горящей рукописи», свою жесть не буду.

ФРЕСКИ

1

В Ферапонтову зову
Обитель. Память.
Камень к камню,
Камень к камню
Приложить,
Чтоб жить.
Смысл? – Домыслят!
Дух? – Задушат.
Не издевкой – поцелуем.
Исподволь, тишком балует.
Волю чует
Искунитель.

Искупить... Купить - похоже.
Пригубить – испить – напиться,
Торговать в разлив. И все же!
Ликов вьется вереница
В ласковом тумане фресок.
Он не резок. Тих, но весок,
Густ и плотен, как подлесок –
Монолог фигур. Он лесом
Встанет. если в нас достанет
Мужества... и меры зла.
Камень к камню – все дела!
В Ферапонтову обитель!
Лишь бы память добрела.

2

Ведь чаша-то припрятана,
Та самая – святая!
Среди пеньков с опятами
За воды Бородая.

Заброшена, обложена
Волнами-волунами?
Лесами огорожена.
Укутана полями.

Чтоб только тропка топтана,
Что не спеша, с поклонами.
От Иверской до Оптиной
У склона в час условленный
Отпив воды из пригоршни,
Прийти туда, где сходятся
Пути, где чудом выживший,
Стоит храм Богородицы.
А храм-то сам-то: «Полноте –
Дивятся - царства треснули!
А я стою – наполненный
Сосуд - играю фресками
Пурпурно-фиолетовым,
Зеленоватым-палевым,
Извечными сюжетами,
Предчувствием граалевым».

3

А фресок всплеск нерезок, но круги
Расходятся и образуют нимбы
Ликующе бесчисленные. Им бы
Взлететь, кружить под сводом, но строги
У ликов черточки морщин над переносьем.
Фигуры клонятся, как спелые колосья
И чудится - махнешь рукой – блеснет
Зерна поток. Без плевел – чистых истин,
Заговоренных на столетья кистью.
И каждый лик покажет оборот,
Волнами заволнуются одежды,
Отчаяние накатит и надежда.
Что прорастет зерно, не пропадет.
И вера дать плоды успеет прежде...

09.2002. Белозерск-Вологда

О НЕЙ

ДЕНИС РОМАНЕНКО ОБЪЕКТ МОЕГО ВНИМАНИЯ

Я не любил стихи с детства. Ненавидел. Потом где-то в пять лет написал первое своё стихотворение. Потом опять не любил. Пока не начал писать запоем. Почему, откуда – не знаю до сих пор. И до сих пор пишу. По-настоящему всё началось ещё в школе, спасибо моим Учителям. Гумилёв, Некрасов, Бунин, Вознесенский, Гребенников, Бацлачев, Есенин... Именно в этом порядке. Потом – Пастернак, Горный институт, Бродский. До сих пор. Практически весь список. Только Бродский – на первом месте.

Я та из вас, которая летает
Как птица в задремавших облаках.
Я та любимая, которая прощает,
Я та влюблённая, что не простит никак.
В надежде оторваться от печали.
В стремлении приблизиться к земле.
Я та, которую вы к солнцу отпускали,
Я та, которую оставили во мгле.
Лечу над неуклюжими домами,
Там, высоко, где не скользит ваш взгляд.
Я та, которую придумали вы сами,
Я та, которой ни один из вас не рад.
Я та из вас, которая летает
Как птица в задремавших облаках,
Я та одна, которая не знает
Покоя на трепещущих руках.
Одна любовь – что нам дана в награду.
Одна любовь – что нам дана как боль.
Я та, которая так холодно: «Не надо».
Я та, которая так пламенно: «Позволь!».
Я – день, который ночь не обещает.
Я – ночь, где так нснужен свет дневной.
Я та, которую любой из вас желает.
Я та, которую обходят стороной.

Где ваши леди в фартуках вечерних
Балы венчают мусорным ведром.
Я та, которая смущает вашу верность.
Я та, которая вас возвращает в дом.
От нежности робея, как от чуда,
Не поднимая дерзко-томных глаз.
Я та, которая вас скоро позабудет.
Я та, которая не проживёт без вас.
Так от стыда и гордости краснею.
И тороплюсь вам дверь свою открыть.
Я от любви погибнуть не умею.
И без любви я не умею жить.

Я девочка-колючка, я девчонка-кранива.
Я могу казаться лучше или выглядеть красиво.
Просто всё, что колется, всё, что опасно.
Я храню под своим прикидом –
Все мои позабытые сказки.
Новые сны и старые обиды...
Мои родители меня лелеют –
Так, как они умеют, –
Ругают, обожают, убаюкают.
Надоедают.
Мои родители чего-то не понимают.
Они не знают.
Как бесполезны все их старания.
Ты – Объект Моего Внимания!
- Ты рядом живёшь.
- Ты старше на полгода,
- Свой нос ты несёшь
Высоко и гордо,
- Ты красив по сравнению с остальными.
- Мне нравится, как звучит твоё имя.
Я его повторяю как заклинание.
Но знаешь, *Ты – Объект Моего Внимания!*
Мои подруги – сплошные отличницы.
Примерные дети, гордость родителей.
Я тащусь, как они жарят свои яичницы.
А больше они ничего и не видели.
Я им рассказала о том, кто мне снится.
Они покраснели и согнулись от смеха.
Мне их жаль – для них всё это просто потеха.
Ведь им не повезло так влюбиться.
И мне наплевать на их замечания.
Ведь *Ты – Объект Моего Внимания!*
Сегодня я ждала тебя после уроков.
Как дура, у школы битый час проторчала.
Как бежит время я не замечала.
Просто мне было совсем одиноко.
И вот ты подошёл, ты поздоровался первым.
Мне было так приятно, что я онемела
Стояла, улыбалась и глупо смотрела.
И ты ушёл, сказав: - До свиданья... наверно.
Я ещё долго шептала: - До... до... до
свиданья...
В общем, *Он – Объект Моего Внимания!*

Ты удивляешься: «Зачем я прозябаю
В заштатном городишке областном.
Коль есть Пути, и есть куда стремиться...»

Конечно, есть; но здесь моя столица –
Здесь ты живёшь, и здесь стоит твой дом.
И я к тебе по лестнице взбегаю.
Уйду отсюда – лишь с тобой вдвоём,
Уже без сожаленья оставляя
На улицах, покрытых вечным сном,
Следы, и от твоих не оставая...
Законы человеческих Дорог –
От сердца к сердцу, по пути сгорая,
И каждая из пройденных тревог
Нас медленно друг к другу приближает.
И там, где мы перед одним костром
От холода друг друга закрываем,
Мы понимаем, только это – Дом,
И мы с тобой всю жизнь к нему шагаем.

Север – как элемент беспредела,
Место, где вид обнаженного тела
Гонит зябкую оторопь со-жаленья.
А не, по Фрейду, дрожь возбужденья:
Вот так, снимая штаны в сортире,
Поминаешь, где Африка в этом мире.
Здесь уже деревья в седых ресницах
Как в орденах – в красногрудых птицах,
Это почти однозначно – к снегу,
У нас календарь – это так, для смеху,
Так смешны пируэты в подмёрзших лужах;
Тонкий северный юмор: могло быть хуже.
Не скучайте, хуже ещё случиться,
Например, когда Иисус рождается
В соседней Европе, у нас внезапно
Снег растает, зима убежит на запад,
Оставив в подарок на Новый Год
Серый дождь да грязь посреди болот.
Впрочем, это – мелкая неприятность,
Погоде свойственна неопрятность
И некая ветреность поведенья.
... минус ноль... несладкий миг пробужденья
в семь утра, поскольку к восьми – на службу;
первый шаг в нетопленных комнат стужу,
первый взмах – халат, как тулуп, на плечи
и ... я понял, как Север мораль калечит...
... я смотрел: по-кошачьи неуловимо
потянувшись, ты томно выгнула спину,
обнажив полоску упругой кожи
на животе... меня затрясло от дрожи,
Потому что мысли и проч. губя
Север давил, и я мёрз за тебя.

СЕРЫЕ НОКТЮРНЫ

Спи, мой милый, часом поздним
Я к тебе пришла.
За собою небом звёздным
Тропки замела.
Небом синим, ветром зимним +
Сон тебя связал,
Не согреют, не обнимут
Серые глаза.
Я сама тебя согрею –
Тихо, чуть дыша,
Потревожить не сумею.
Спи, моя душа.

Чуть дрожат твои ресницы –
Мне не отойти,
Мне смотреть – что не напиться,
Глаз не отвести.
Не уснуть в ночи глубокой,
Твой храня покой.
Выдыхая ненароком:
- Сероглазый мой...

Полюбить тебя – отведать
горького вина,
Позабить тебя – не ведать
ни любви, ни сна.
Только горе в этой жизни
не вернуть назад.
Что ж ты смотришь с укоризной
в серые глаза.
Было больно – стало вольно.
Вот и вся беда.
Щёки с высохшею солью
стынут навсегда.
Я всего лишь злой ребёнок
с чистою душой,
Глупый маленький волчонок,
пойманный тобой.
Не сумела, не успела,
не смогла понять –
Не любила, а хотела.
Что мне было ждать?
Разорвал следы-дороги,
не вернусь назад...
Спит мальчишка одинокий
– серые глаза.

Я люблю жестокий жёсткий
Гордых губ изгиб.
Как ни тронешь – против шерстки,
Плюнешь – ты погиб.
Зло тебе меня неволить,
Слова не сказать.
Как молитву стоном вою:
- Серые глаза!
Мне душа твоя – как темень
Белого листа.
Полюбить тебе – не время,
В сердце пустота.
Полуночная дорога,
Ветер-егоза...
Спит, мальчишка одинокий,
Серые глаза.
Злого слова не нарушу –
Следом не пойду.
Отдала тебе я душу.
Новую найду!
Тень свечи над притолокой –
Грозди-образа:
У друзей моих далёких – Серые глаза...

Вологда

Владимир ВЫСОТИН ОРКЕСТР БЕЗ ЖЕНЩИН

Владимир Петрович Высотин работает в оркестре Новосибирского музыкального театра в группе ударных инструментов. Часто его стихи рождаются прямо на работе, во время пауз, когда, отложив палочки, он кладет на литавру лист самой дешевой бумаги и корявым почерком записывает то, что таинственно создается у него в голове. Темы – а соответственно, и приемы – самые разнообразные. Особенно надо отметить своеобразные стихи-отклики на какие-либо жизненные или литературные явления – своего рода пародии. Еще одной чертой его стиля, на которую стоит обратить внимание, являются цитаты, не выделенные кавычками; это именно цитаты, а не плагиат, т.к. сам контекст, в котором они употреблены, отсылает образованного читателя к тем самым произведениям, откуда они извлечены.

У Герберта фон Караяна
Трещит оркестровая яма
От звезд высочайшего класса.
Мужчин стопроцентная масса.
Вы только представьте: на арфе
Играют мордатые парни!
Сидят, уголовные рожи,
Священную арфу корёжат
Какой-то дедок на челесте
Бренчит в неполюженном месте,
А в паузах спит постоянно.
Зато лучший друг Караяна!
Откуда такая причуда
У Герберта, братцы, откуда?
Быть может, пол слабый обидел,
И женщин он возненавидел?
Наверно, жена со свековью
Ему отравляют здоровье.
И вот, не сдержался маэстро
И женщин всех выгнал с оркестра.
Решил, что и дома хватает
С лихвою словесных баталий,
Зачем же ещё на работе
Ругаться с какой-нибудь тётей?
А, может быть, у Караяна
Любовь негасимая к морю,
И чувствует он капитаном
Себя на огромном линкоре?
А имя линкора прекрасно оркестр!
Он в музыку вечно плывет.
Но только ни жен, ни подруг, ни невест
На борт тот корабль не берёт.
Ведь коль капитан и вправду наш фон,
Тогда все в оркестре матросы.
А там, где матросы, там быть не резон
Красавицам длинноволосым.

Матрос он ведь грубый, он может загнуть
Такой оборотец кондовый.
Что боцман (и тот!) головой. - Ну и ну! -
Кивнет, от смущенья пунцовый,
Святые традиции, тяжкий их гнет
На плечи ложится камнем,
Но чтит их веками упорно народ:
К чему, мол, вносить измененья?
Попробуем, все же, загадку раскрыть
Морского закона, который
Брать женщин строжайше на борт не велит,
В поход, отправляясь суровый.
О, эврика! Ясно, как дважды три шесть!
Есть сходство оркестра с галерой:
В оркестр, как в галеру лишь раз стоит сесть
Не встанешь и пенсионером.
Кто к скрипке прикован, кто к жерлу трубы,
Кто к арфе, кто к пикколо-флейте,
Рабы на галере, в оркестре рабы,
Здесь разницы нету, поверьте!
И вот Караян, сострадания полн.
Снял с женщин позорные цепи!
С тех пор лишь мужчины влекут его чёлн
(Примернейшая добродетель!)
А женщины делают множество дел.
И то, что дано им природой,
И не за рукою (счастливый удел!)
Следят, а за ветреной модой!

Хочешь, скукоженность чтобы
не трогала кожу?
Употребляй для мытья лишь одно мыло Дав!
Станешь стройней, элегантней,
красивей, моложе,
Это не мыло скорее изысканный сплав
Неизъяснимо прекрасных чарующих качеств.
На одну четверть из крема оно состоит.
Дав, только Дав рекламирую,
главное надо начать!
Вымойтесь с Давом, он просто вас
преобразит.
Ну, а теперь на диван босоногая сядьте,
Щеки руками потрогайте аж с двух сторон.
Чудо, не правда ль? С какой Ваç
обманывать стати?
Дав - это сказка, какой-то пленительный сон!
Больше скукоженность в жизни Вас
не потревожит.
На одну четверть из крема ведь мыло, вот так!
Сделать из Вас лишь оно невозможное может,
Мыло с названьем таким упоительным Дав!

Новосибирск

Валерий АРХИПОВ ЗА ТЕБЯ МИЛЛИОН

Портрет работы Е Головкина

А когда ты пришла на рассвете,
то ли боль, то ли хмель хватая,
Он подумал, что это ветер
обнимал тебя дорогая.
А когда ты пришла под вечер,
он стелил тебе поцелуи,
И шептал как посол на вече –
«я тебя все равно ревную».
А когда ты пришла ребенком
на порог в вышитой сорочке,
В голове его звонко-звонко
полетели тире и точки.
А когда он пришел усталый,
и сказал, что путь его пройден,
Ты дала ему роль вассала,
и сказала – «какой ты гордый»!
А когда он пришел как быдло,
ты хлестала его по роже.
Мне казалось, что это было
между Алой и Белой Розой.
А когда вы скрестили шпаги,
зарядили ядрами пушки,
Со стены на листке бумаги
хохотал как ребенок – Пушкин.

№ 5

Течет вода на старый пол,
рвет паутинку мысли
я здесь любовь свою нашел
без суетной корысти
я обожал как мог ее
и поливал елеем
сжигал усталое тряпье
красивейшей из фрейлин
она мне бросила в лицо –
ну где твоя удача?
Она ушла в небытие
Смеюсь над ней и плачу

№ 6

Не кусайся волчонок негибкий
Не рычи на добычу мою
Вот аквариум «Спящие рыбки»

Вот рыбак прикорнувший к рулю
Вот весенний пугающий лучик
На моей заблестел бороде
А на шес серебряный ключик
Зайчик солнечный в грязной воде

Польский пан предлагал за тебя миллион
Я убил его вежливый: не понимаю
За стеною рычал дорогой саксофон
Как садист на девятое пьяное мая

Ты одна у меня без капризов и слов
Млечность мигов разлей по бокалам
и тропам

Я жокей Неудача, ты прима Затей
Мы два пленника снов белокурой Европы

БЕЛАЯ ПЕСНЯ

Ты мечтала о белом рояле
О любви в перезрелой траве
О зеленой прозрачной вуали
С белой бабочкой на рукаве

Я сидел на веранде печальный
Смяв свой стих в белоснежный комок
И пришла ко мне жуткая тайна
Я ее пересилить не смог

Ты пришла попросила напиток
Как подранок прибившись у скал
Как же можно в тебя не влюбиться
Я так долго такую искал...

Я все ждал: подойдешь и расскажешь
Я скажу – не печалься, держись
Прилетит за тобою отважный
Белый шарик похожий на жизнь

Ну смелей нам не выдержать скуки
Осторожный ведем разговор
От свиданья до горькой разлуки
Восемь спичинок да Беломор
А на щеках румянец немножко
Но о чем нам с тобой говорить
Сочный запах печеной картошки
Вызывал ощущение жить
Ты дышала как два листопада
Проклиная заоблачный рай
Ты хотела любить до упада
Где твой белый красавец рояль?
Ах какие роскошные плечи
Сладок лифчик упавший к ногам
грудь живот дальше девичий вечер –
я его никому не отдам
И когда разомкнувши объятия
Вылетаешь душой на простор
От тельняшек до белого платья
восемь спичинок да Беломор...

Вологда

Виктор Кичкарев

«ФЕМИНИЗМ»

Вгладость лица, недоразвитый бюст,
Бледность

за счет тускло-плечущих люстр.
Руки, которыми можно гордиться
Ночью эротика липкая снится
Вся из мечты в дымках книжных цитат,
Сок по утрам, а в обед - лимонад
Вечером кофе с перцем и солью,
Крепко сростаясь с выполняемой ролью!
Так, что уже где-кто - неизвестно.
Слева жених, а справа - невеста,
Или наоборот, где тут верх,

а что низ?

Устье, исток, победитель и приз
Перемешались прелучею смесью
Анна Каренина и летчик Мересьев,
Полу, конечно, женского ты,
Но ведь не только для красоты...

Ноги - как надо и бедра - как надо,
Талия есть - ты ей очень рада,
Грудь - на любителя, но тоже потянет,
Чувственность, словно надкушенный пряник
Ногти такие, что гордо гнешь пальцы,
Глазки - алмазки - глазки - страдальцы
Губы всегда говорят об обратном,
Либо о пошлом, либо - приятном
Все это так, но внутренний стержень
Женственность цепкими лапами держит
И в голове, как обычно - бардак -
В сказочном замке плачет дурак
Он заблудился в глухих лабиринтах,
Тает, как сахар в порциях-пинтах,
Очередных, поглощенных тобою
Умного варева, нежной душой
Пылкой, пылливой, на губку похожей,
Вот и глотаешь все, если можно
Если нельзя, ты глотаешь тайком
Весь интеллект заливая чайком
В музыке бешеной видишь спасенье,
А не найдя, притупляешь боль пеньем
Собственным, или выключаешь пластинку

И над Чайковским роняешь слезинку.

Внутренность парня, а внешность - девочки.
Если физической мало силенки,
То уж духовной -

хоть отбавляй,

Вот потому то и любишь себя

Так, что допрыгнуть

самой не под силу

Сколько мужчин тебя отлюбило,

Сколько еще любит пока,

В перспектив в больших дураках

Остаться немало лихих претендентов

И у тебя забавных моментов

Будет достаточно и слезных, и страшных,

Переживаний кошачьих, безбашенных

Пьяных и трезвых, книжных, и нет,

Ты - дама с секретом, а был ли секрет?!

ТИНЕЙДЖЕРКА

Хей, тинейджерка,

Хоп, ла-ла-лей!

У меня навалом красивых идей

У меня глаза, как в полнолуние у беса

Я здесь, с тобой и

Одновременно в Мексике -

Интересно!?

Из маррианской бездны

Здавленные толщею воды

Океана индийского, кипящего

Вопит в тебе сокровища британских каравелл

Они твои!

Ты можешь их присвоить

Одним движеньищем прелестной головы -

Вперед чуть-чуть и вбок

Едва заметно.

Пусть легкая улыбка

Промелькнет, как тень

По твоему лицу,

Вобравшему в себя причуды всех кокеток мира!

Японскую невозмутимость

И темперамент аргентинки,

Испанскую горячность,

И легкий шарм французенок салонных,

И индианок глубину.

Расчетливый консерватизм

Английских леди с холодной головой.

И русскую душицу от которой

Всем тепло.

К тебе вызывают звезды

И круглая, кровавая Луна

Готова стать медалью!

Эй, подними свой взор

И насладись всей широтой и далью!

Преклонит демон пред тобой колени

И ангелы споют тебе свой лучший гимн.

И серафимы вострубят.

Обрушатся лавины!

И фajerверком все вулканы в твою честь
 Зтопят мир расплавленного лавой.
 Если пожелаешь.
 Знаешь, я
 Одной ногой в Раю.
 Другой стою на Джомолугме.
 Руками разгоняя небеса
 Над головой прелестной нимфы
 Над всем мадридом безоблачное небо
 А почему?
 Да потому, зайчонок,
 Что мы с тобой
 Решили по Мадриду прогуляться!

Сердце огромною каплей
 Набухло и закипает.
 Душа развернулась вприсядку.
 И черти на гуслях играют!
 Весь праздник сыр-бор и волнение
 Из-за тебя, моя милочка!
 И бешеный, лихорадочно
 Снаряжено сюрприз-посылочку:
 Смотри не умри от восторга.
 А новости свой нос.
 Тебе посылает художник
 Три миллиона роз!
 Земляпресение, диволо
 Тебе Пренсподно открыл.
 А Гавриил Архангел - Небо.
 Насколько хватает сил
 Пей его, не напьешься,
 Живи - этот мир для тебя!
 Я их попросил обоих.
 Все можно, если любя!

Гора на пути - я гору
 Сверну и пудует шквал!
 И разойдется море,
 И в тине устроим бал!
 И позовем всех джиннов.
 Всех магов и колдунов,
 А ты будешь там Королевна.
 Фатою ночной покров
 Послужит прекрасно.
 А плтьем
 Станут леса и луга,
 Во избежание потопа
 Не станем топть снега...

Такой удивительный парень -
 Хотячая фабрика грез.
 Светящийся пассионарий
 Весь Мир на подносе принес
 Тебе. Yes, of course?

Череповец

Сергей Фаустов ПОСЛЕДНИЙ ЛЮБОВНИК

Я -
 Мужчина начала третьего тысячелетия.
 Я демонстрирую исчерпание ресурсов
 во всех сферах человеческой деятельности.
 Я занимаюсь наукой, но у меня нет успехов,
 как их нет ни у кого.
 Я исполняю музыку, но она никому не нужна,
 потому что у каждого своя.
 Я сочиняю стихи, и они тоже
 никому не нужны.
 Я пишу книги, но их никто не читает,
 никто ничего не читает.
 Я обучаю студентов в университете, но,
 оказывается.
 Я - архивариус знаний 19 века,
 Я - музейный работник в храме науки,
 Я вижу, что студенты это видят и им скучно.
 Я пишу картину маслом, но она никому не нужна,
 кроме одного случайного человека и он ее кушит.
 Я снимаю фильм, но я его могу показать только
 друзьям.
 Я изобретатель, но мое изобретение
 будет скорее прикольным, чем востребованным.
 Я имею сто талантов, но ни один из них не
 реализуем. Кроме одного, что
 Я - любовник.
 И лишь это меня утешает и то, только потому;
 что моя любовница - женщина,
 которая гибче, чем я, здоровее, чем я
 красивее меня, музыкальней меня
 поэтичней меня
 у нее память лучше моей
 У нее все чувства тоньше моих
 Она меньше курит и пьет.
 Она не делает того, на что претендую
 Я в своих амбициях, и она права.
 Она прощает меня за то, что я такой
 И будь я хоть семи пядей во лбу,
 она спокойней и мудрее меня,

потому что она, женщина,
видит, что я не виноват
и нам вместе надо пережить
эту эпоху. Женщина -
утешение океанной эпохи.

ЭМОТИКОН

Я ехал в поезде из города
Великий Устюг, где Дед Мороз
был якобы рожден.
Со мной в купе еще один мужчина,
с которым, бросив пару фраз,
замолкли сразу, все поняв,
что мы не будем
общительными пассажирами сейчас.
Он стал читать свой исторический роман.
Но солнце из окна смирало его быстро
и он, упав головой на книгу, задремал.
На станции с названием «Котлас Южный»
наш поезд очень долго простоял.
В тоске и скуке смотрел в окно я,
наблюдая прибытие другого
поезда с названием «Заполярье»,
который шел в Москву из Воркуты.
Из некоторых окон смотрели лица,
такие ж скучные, как и мое.
В одном из них мелькнула женщина.
Мне показалось, была она
то ль в шляпке, иль панаме.
А может был ночной колпак такой.
Неясно, да все это неважно.
Но мы заметили друг друга
и временами смотрели,
проверяя, не исчезли ль
из полей зрения своих.
Я начал делать вдруг движения
бровями, потом губами,
как будто что-то говорить хотел.
Затем стал строить рожицы,
И делать пальцами уродство носа,
ушами хлопать,
растягивать свой рот, выпучивать глаза,
мешки глазные вниз тянуть
а кончик носа вверх,
раскачиваться в припадке ярости
и страстного дразнения.
Меня никто в вагоне не видал.
И пассажиров было мало,
сосед мой крепко спал.
Я знал, что с ней, с той женщиной,
глядящей на меня, нам больше не встретаться.
Мы не увидимся, забудем друг о друге.
Но вот сейчас, вот в эту хоть минуту -
какое развлечение, взрыв, эмоция,
и расширение сосудов,
выброс адреналина и азарта -
Как я надеялся - для нас обоих.
Потом мой поезд дернулся
и медленно пошел.
К подушке я прилег и принялся читать
статьи лауреата нобелевской премии.
Спустил минуту я уснул,
придав купе привычный вид
обителю для дальних странствий.
Проснулся, когда уж сумерки
стояли за окном
и свет в вагоне казался слишком тусклым.
Мне есть хотелось, и я пошел в разведку
К вагону-ресторану, чтобы узнать.

Меню и предложенья к ужину.
Конечно, было у меня печенье к чаю,
но мне хотелось острого,
соленого иль кислого,
иль горького с аджикой, перцем и горчицей.
Пройдя вагонов пять, я вдруг столкнулся
лицом к лицу с той женщиной,
которую успел уж позабыть!
Была она в той шляпке,
смотрела прямо на меня.
И челюсть у меня отвисла.
Сказал я: «Здравствуйте!»
с таким учтивым видом
и готовностью, как будто
были мы давно знакомы.
И дальше я пошел.
При этом по моей спине
между лопатками
бежали холодок, мурашки.
Вспыхнуло лицо, зардели уши.
И только тут-то до меня дошло,
что - как же мог об этом я забыть! -
мой поезд устюгский
с перрона выходил коротким,
всего лишь три вагона, и были
прицепными к тому злосчастному,
имевшему название «Заполярье»!
В ресторане я тер виски и лоб
ладонями, стараясь выдавить
и стыд, и неприятность,
и я забыл уже, зачем пришел
и что мне надо тут.
Я думал лишь о женщине и взгляде,
который было мне не прочитать.
В растерянности за стол я сел
и заказал официантке
стакан двухсотграммовый
сорокаградусной и знаменитой
великоустюгской «Дедоморозной».
Ее я выпил в два приема
и захотелось выкурить мне сигарету.
Пока стоял я в тамбуре, смотрел в окно,
спокойнее мне стало.
Один вопрос сверлил мне мозг, один вопрос -
А что произошло? Что? Ничего. Да нет!
Ведь ровным счетом ничего.
Я бросил сигарету, назад отправился.
Пройдя вагонов череду до середины,
Я вновь столкнулся с ней,
такой знакомой и близкой женщиной,
которой пришлось мне посвятить
мучительнейшие, горькие страдания,
И столько передумать, пережить.
И тут какой-то бес меня заставил
засунуть большие пальцы в рот,
Его расширить,
мизинцы оттянули веки,
два приседанья сделал,
я удалился.
Когда же я пришел на место,
сосед уже проснулся,
и с ним я начал говорить
о том, о сем, о чем он мог
мне рассказать и я ему.
А я тем более, теперь
мне не было преград в общении -
я мог сказать и показать
любой
эмотикон

Валюда

Надежда Черкасова
Графический цикл «КРОКИ»
(поэма Г. Щекиной «Горящая рукопись»)

... И маленькие кроки вылезали
из-под стола, бывало, кто откуда,
когтистые по-птичьи и шенячьи,
как ящерки. Шипы стоячих лапок
и чешуя, и крылья. Хвост у кроков
похож на крокодилий, несомненно.
И клюва сумасшедшего угроза,
И пышная спесивость оперенья...
У них нет пола, фауна вне смысла,
Почти что души, слепки настроенья.
А гордость их ясна и очевидна,
они цари, от них как настроений
зависит миру мир, а не обратно.

И крока, видишь, вся она в искусстве,
перед мольбертом взор ее опущен,
однако кисть за кончик прикусила.
Изысканный течет хитон старинный,
кругом расшит орнаментом мельчайшим.
А уши, как и плагы, точно парус.
Ведь надо четко слышать, чтобы думать.
Ты, птицейщер поводком привязан,
задумчивость терзает, не мешайся.
Здесь тайна есть, величие, сюжеты –
пока один творит, другой не трогай.

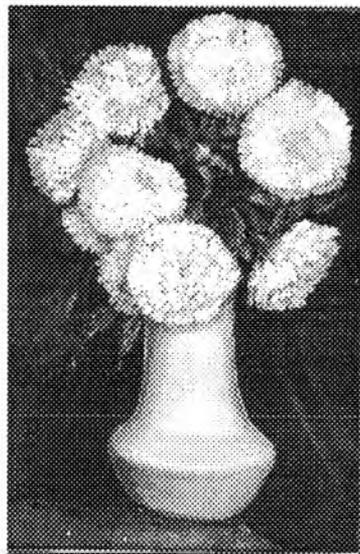

Начала это были только шутки,
поверхностный отход из ситуаций.
Фигуры не сидели, не стояли,
подвешены в ничто, в пустом пространстве
(не обретая почвы под ногами).
Достаточно черты: вон та растрепана,
Нигде и никуда не успевает.
Вон та совсем захлопнулась и сжуклась.
Они ведь на людей и не похожи,
Но получились лучше прототипов,
ведь копия сильнее оригинала...

Наталья Кулижникова
Работы разных лет

Ведущий методист по изобразительному искусству областного научно-методического центра Наталья Кулижникова приняла участие в двух номинациях конкурса «Звездное кружево Севера». В одной, «Голос времени» - победила, в другой - «Новые идеи для нового века» заняла второе место. В ОНМЦ есть издательский отдел, где выпускают литературу разных направлений, и ее художественным оформлением занимается Наталья. Вторая номинация задает вопросы профессиональной деятельности, обучения самодельных художников в мастер-классах.

Вологда в интернете

СВЕЧА № 8 /2003

<http://poliana.krassever.ru/svecha/>

<http://www.stihi.ru/author.html?skvorets> И. Фещенко-Скворцова(Португалия)

<http://www.livejournal.com/users/oratoria/> Живой журнал Щекиной

<http://codistics.com/sakansky/diary/shekina/qalina03.htm>

Щекина Дневник писателя

Щекина о Жаравине в «Вечернем гондольере»

http://gondola.zamok.net/080/80vologda/shekina3_1.html

<http://codistics.com/sakansky/all/shekina/qalina1.htm>

Щекина Графоманка

<http://www.stihi.ru/author.html?rake> черепаха на СТИХИ.РУ

<http://codistics.com/sakansky/all/shekina/qalina9.htm> Щекина Мелисса

<http://www.proza.ru:8004/author.html?panda> Панда на прозе.ру

<http://www.proza.ru:8004/author.html?lanit> Щекина

<http://shekina.photofile.ru> фотоальбом Щекиной

<http://www.epampa.narod.ru/schekina/panamka.html>

ГЩекина на Пампасах панамка

<http://www.epampa.narod.ru/schekina/index.html> об авторе Г.Щ. на Пампасах

<http://lib.userline.ru/4648>

<http://lib.userline.ru/4662> Бася на юзерлайн

Другие вологжане

<http://www.stihi.ru/author.html?klukinova> Юлия Клюкинова

<http://www.stihi.ru/author.html?vologodski> Андрей Коков поэт

<http://www.stihi.ru/author.html?qasindm> Дмитрий Гасин поэт

<http://www.proza.ru:8004/author.html?naugol> страница А.Наугольного на Прозе.РУ

<http://www.stihi.ru/author.html?faustov> - Сергей Фаустов на Стихи.Ру

<http://www.stihi.ru/author.html?sopin> страница М.Сопина на Стихи.Ру

<http://www.mydebut.ru/debut2001/index2.phtml> сборник ста поэтов ДЕБЮТА в т ч

Гасин, Файзов, Сучкова - поэты из Вологды

www.vavilon.ru, <http://gallery.vavilon.ru/people/s/suchkova/> - Сучкова в ВАВИЛОНЕ (№ 9,10)

<http://www.proza.ru:8004/author.html?starvol> - проза Елены Волковой

<http://www.livejournal.com/users/taiga/> - ЖЖ Тайгановой

http://zhurnal.lib.ru/t/tajganowa_t_e/ ОСТРОВА - сайт Тайгановой

Художники

<http://chensasha.narod.ru/klyax.htm>

Черкасова Надежда Цикл Кляксы

<http://shekina.photofile.ru>

фотоальбом Щекиной Отд. альбом Птюхин

<http://www.ert.ru/artists.htm/a34/> - ссылка Птюхина на сайт ЭРТ